

Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History

№ 2

2022

Editorial board
Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History

Dönninghaus V., die Albert-Ludwigs-Universität, Freiburg.

Howlett J, University of Cambridge

Khristoforov J., Princeton University,

Kramer M., Harvard University,

Szvák Gyula, Eötvös Loránd Tudományegyetem, ELTE

Zubok V., London School of Economics

Belyaev L.A., Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences

Budnitsky O.V., Higher School of Economics University

Zhuravlev S.V. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Zakharov V.N. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Kondrashin V.V., The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Petrov J.A., The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Tishkov V.A., The Russian Academy of Sciences;

Khlevniuk O.V. Higher School of Economics University

Editor-in-chief Pikhov R.G. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences;

Editorial secretary Mats A.G., The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

Христофоров И.А. (Институт российской истории РАН) **От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства¹.**

Корелин А.П. (Институт российской истории РАН, Москва). **Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.)².**

Никулин В.Н. (Балтийский государственный университет им. Э. Канта, Калининград). **Неземледельческие промыслы в хозяйстве крестьян северо-западных губерний России во второй половине XIX – начале XX века.**

Сухова О.А. (Пензенский государственный университет, Пенза). **Община в сознании и поведении российского крестьянства в условиях реформ и революций первой трети XX века.**

Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. (Научно-исследовательский Самарский государственный университет им. С.П. Королева, Самара). **Крестьяне и власть в 1917 году: локализация революции.**

Хироси Окуда (Токийский университет, Токио, Япония). **К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа³.**

Кондрашин В.В. (Институт российской истории РАН, Москва). **Влияние коллективизации на судьбы России в XX в.⁴**

¹ *Опубликовано:* Российская история. 2011. № 4. С. 27–43.

² *Опубликовано:* Российская история. 2011. № 1. С. 42–55.

³ *Опубликовано:* Российская история. 2018. № 4. С. 14–16.

⁴ *Опубликовано:* Российская история. 2018. № 4. С. 3–13.

Корнилов Г.Е. (Институт истории и археологии УРО РАН, Екатеринбург).

Российская модернизация в XX веке: особенности, темпы, результаты.

Ильиных В.А. (Институт истории СО РАН, Новосибирск). **Социалистическая модернизация сельского хозяйства: проекты и воплощение.**

Никулин А.М. (Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва). **Аграрник В.Г. Венжер в поисках реформирования СССР.**

Бабашкин В.В. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва) **Крестьяноведение как «новое направление» в современных исследованиях аграрной истории России**

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2 2022 г

Автор И.Христофоров

Страниц 35 Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. И.Христофоров

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: ikhrist@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

**От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема
землеустройства¹**

Игорь Христофоров, Принстонский университет (г. Принстон, США)

¹ *Опубликовано:* Российская история. 2011. № 4. С. 27–43.

Аннотация. В статье анализируется крестьянское землеустройство в его связи с податным делом в период с конца 1850-х гг. – начала подготовки отмены крепостного права – и в последующие после принятия «Положений 19 февраля» годы, до начала XIX в.

Ключевые слова. Крестьянское землеустройство, аграрные преобразования российского самодержавия, механизм реализации аграрных реформ

У трех масштабных аграрных преобразований, инициированных и проведенных российским самодержавием в XIX – начале XX в., – реформы в государственной деревне, связанной с именем П.Д. Киселева, отмены крепостного права и столыпинской реформы – было много общего. Все они имели целью дать новый импульс развитию российской деревни и страны в целом; все являлись типичными для России «преобразованиями сверху», нацеленными на эволюционное развитие. Конечно, этим не ограничивается сходство между ними. Правда, если по одним признакам их

можно сближать, то по ряду других они существенно различались. Так, если Киселевский и столыпинский «проекты» предполагали серьезное наращивание административного вмешательства в жизнь крестьян, то «Положения 19 февраля 1861 г.», в общем и целом, следовали противоположной стратегии «естественного развития». Неудивительно, что как среди творцов правительственного курса, так и среди историков никогда не было единства по поводу того, можно ли эти крупнейшие преобразования в аграрной сфере выстраивать в одну связанную преемственностью «линию», или же каждое последующее строилось скорее по принципу отталкивания от предыдущего.

В суждениях по этому поводу прежде всего принимаются в расчет, с одной стороны, «субъективные» цели реформ в том виде, как они формулировались их авторами, и содержание законодательных актов, а с другой – их «объективные» социально-экономические последствия. Гораздо меньше анализируется механизм реализации преобразований. В итоге порой неясно, а был ли, собственно, у принятых законов шанс работать. Понятно, что в государственной политике осуществление любых намерений зависит от наличия эффективных управленческих технологий, правовой и административной инфраструктуры. По отношению же к традиционно «недоуправляемой» российской деревне это общее соображение всегда было особенно актуальным. И в XVIII, и в XIX, и в начале XX в. попытки перестроить, упорядочить жизнь крестьян или хотя бы сферу их взаимодействия с государством вновь и вновь выдвигали на первый план одни и те же проблемы, связанные прежде всего с неспособностью государства проникнуть на «низшие» уровни социальной структуры и навязать крестьянским сообществам новые «правила игры».

Особенно заметным это бессилие власти было в сфере землеустройства и налогообложения - наиболее технологически сложных аспектах аграрного вопроса в любом обществе. Самодержцы и министры сменяли друг друга, прогрессисты одерживали триумф над реакционерами (и наоборот), но

архаичные системы землепользования, фиксации поземельных прав и распределения налогового бремени с успехом сопротивлялись любым попыткам их изменить. Может быть, поэтому историки обращали на сами эти попытки так мало внимания? Но ведь простая логика требует скорее обратного: видимо, именно здесь следует искать камень преткновения в осуществлении разнообразных попыток модернизировать российскую деревню. Понять же аграрные преобразования без изучения технологий межевания, кадастра и податного дела, на мой взгляд, невозможно.

Тем удивительнее, что лишь столыпинская реформа, провозгласившая рационализацию землеустройства своей целью, удостоилась в этом плане систематического анализа². Совсем немного написано о землеустроительных и податных инициативах Киселева³; по отношению же к правительственному курсу с конца 1850-х гг. до первой русской революции 1905–1907 гг. эта тема остается практически неизученной. Настоящая статья, не ставя перед собой задачу исчерпывающего освещения этих сюжетов, представляет собой попытку проанализировать, в каком состоянии крестьянское землеустройство в его связи с податным делом находилось к началу подготовки отмены крепостного права в конце 1850-х гг. и как оно развивалось после принятия «Положений 19 февраля».

Известный дореволюционный специалист по межеванию и землеустройству И.Е. Герман выделял в этой сфере 4 взаимосвязанных аспекта: 1) определение ценности или доходности земель для правильной раскладки налогов (кадастр); 2) геодезическое описание и юридическое оформление границ владений (межевание); 3) землеустройство для улучшения

² *Yaney G.L.* The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia, 1861–1930. Urbana, 1982; *Мацузато К.* Столыпинская реформа и российская агротехническая революция // Отечественная история. 1992. № 6; *Pallet J.* Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999; *Тюкавкин В.Г.* Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2000.

³ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 2. М., 1958. С. 9–41, 142–149, 170–216; *Он же.* Киселевский опыт ликвидации общины // Академику Б.Д. Грекову в день 70-летия. Сборник статей. М., 1952.

сельскохозяйственного землепользования (например, разверстание чересполосных владений); 4) юридическая фиксация прав земельной собственности (земельные книги)⁴. Любопытно, что книга Германа, изданная в 1913 г., когда столыпинское землеустройство уже давно шло полным ходом, полна сетований на крайнюю отсталость России во всех видах «земельных дел». Автор убедительно доказывал, что именно отсутствие в стране кадастра и недостоверность официальных и частных земельных планов делали невозможными как правильное поземельное налогообложение, так и введение надежной системы регистрации земельных прав. В свою очередь, без этих условий серьезное улучшение сельскохозяйственных технологий оставалось благим пожеланием. Даже по отношению к частновладельческим землям, указывал Герман, кредитные организации, учитывая риски, связанные с ненадежностью данных об их площадях и границах, понижали размер ипотечной ссуды до 60% оценочной стоимости земли, тогда как в Западной Европе он держался на уровне 90%.

Заметим, что по сравнению с надельным крестьянским, традиция упорядочения и учета частного землевладения была в России гораздо более давней. Уже к середине XIX в. существовала достаточно громоздкая система фиксации земельной собственности. Как и многое другое в русском праве, ее нормы формировалась исторически, причем более поздние принципы не вытесняли прежние, а надстраивались над ними, делая всю систему похожей на слоеный пирог⁵. Основу ее составили оформившиеся еще в 1760-х гг. принципы и институты Генерального межевания⁶. Обычно оно ассоциируется

⁴ Герман И.Е. Земельные дела в западноевропейских государствах. Кадастр, межевание, землеустройство, земельные книги и землемерное образование во Франции, Пруссии, Австрии и Водском кантоне Швейцарии. СПб., 1913. С. 1–6.

⁵ См. об этом: Материалы для преобразования межевой части в России. Записка, составленная по распоряжению и указанию управляющего Межевым корпусом. Ч. 4. СПб., 1866. С. 54–55; Регекампф А. Записка об исторических основах межевой реформы. СПб., 1895.

⁶ Хотя в принципе история российского межевания, кадастра и землеустройства насчитывает немало веков (достаточно вспомнить о сошном письме XVI-XVII вв.), в более современном с технологической и исторической точек зрения смысле начало ей было положено знаменитым Генеральным межеванием (Герман И.Е. История межевого

с именем Екатерины II, хотя попытки общего разграничения земельной собственности имели место и при Елизавете Петровне, да и инициированный Екатериной в 1760-х гг. процесс продолжался вплоть до середины XIX в.

Генеральное межевание не столько фиксировало, сколько создавало современную (в смысле соответствия канонам эпохи модерна) земельную собственность - такую, которая имела бы исчисляемые размеры, осязаемые границы и прозрачный юридический статус. Исторически помещное землевладение во многом складывалось явочным порядком, путем захватов бесхозных земель. Документально подтвердить границы владения не мог практически никто из помещиков. И в отличие от предшествовавших ему опытов, екатерининское межевание развивалось столь успешно исключительно потому, что его процедура не требовала от землевладельцев доказательств законности их владений и тем самым позволяла им легализовать масштабные захваты казенных земель.

С другой стороны, Генеральное межевание лишь как бы прочерчивало некую «сетку», систему координат для последующего более четкого определения собственнических прав. В первой половине XIX в. к его принципам методом проб и ошибок добавлялись разнообразные правила так называемого специального межевания. Это был следующий шаг в придании земельной собственности современного характера. Его целью было разверстать тысячи «разнопоместных дач», находившихся «в общем и чересполосном владении», т.е. таких имений, каждое из которых принадлежало разным частным собственникам (порой весьма многочисленным), причем почти всегда нераздельно, даже без четкого определения доли каждого из них. Эту частновладельческую чересполосицу нельзя путать с крестьянской: последняя возникала в процессе переделов

законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649–1765). М., 1893; *Он же*. История русского межевания (Курс). М., 1910; *Милов Л.В.* Исследование об «экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965; *Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-century Russia. Ithaca, 2006).

земли в общине или дробления подворных участков, тогда как первая складывалась веками в процессе «верстанья» служилых людей и последующего дробления поместий при обменах, наследовании, и т.п. По сравнению с крестьянской, ее было гораздо сложнее и регулировать, поскольку какие-либо принудительные меры, легко представимые в отношении крестьян, казались немислимыми в отношении «благородного сословия». Неудивительно, что специальное межевание затянулось на многие десятилетия и фактически так никогда и не было окончено. Кроме того, в начале XIX в. казна озаботилась фиксацией и защитой собственной доли земельных пространств. Однако чиновники министерства финансов, в ведении которого до конца 1830-х гг. находились казенные имущества, были не особо заинтересованы в борьбе за них с частными владельцами (благодаря коррупции их можно было заинтересовать скорее в обратном). Недостатки бюрократического аппарата на местах заставили правительство делегировать дело защиты казенных имуществ самим крестьянам, которые даже получили право выступать по этим делам стороной в судебных процессах⁷.

Понятно, что о каком-либо серьезном землеустройстве казенных крестьян в таких условиях не могло быть и речи. В помещичьей же деревне оно ограничивалось немногочисленными рационализаторскими попытками продвинутых владельцев или их управляющих, с переменным успехом пытавшихся ввести в крестьянский быт «передовые» агрономические порядки⁸. И это при том, что убеждение в благотворности «перевода» крестьянских хозяйств к «рациональным» формам экономической и социальной организации в первой трети XIX в. было типичным для достаточно широкого круга представителей бюрократической и землевладельческой элиты. В сущности, оно базировалось на той же идее, которая спустя много лет легла в основу столыпинской реформы: экономический рост неразрывно

⁷ РГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 981, л. 4.

⁸ См.: *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центрально-нечерноземные губернии. М., 2002.

связан с развитием индивидуальной (частной) собственности. В соответствии с пришедшими в Россию при Екатерине II (и во многом благодаря ей) либеральными представлениями, наследственное и индивидуальное крестьянское землепользование гораздо эффективнее общинного⁹. Соответственно, не только собственность, но и пользование считались «правильными» только тогда, когда имели постоянный характер и отчетливые границы¹⁰.

Примечательно, что зигзаги внутривластного курса не особенно сказывались на распространении этих представлений: ни «реакция» конца Александровской эпохи, ни сдержанный консерватизм первых двух десятилетий царствования Николая I не привели, как можно было бы ожидать, к радикальной ревизии этого взгляда (скажем, во имя «исторических ценностей»). Дело в том, что частнособственнический индивидуализм не только соответствовал интересам помещиков, но и представлялся убедительным теоретическим ответом на «социалистические утопии», а потому пользовался в «верхах» немалым кредитом доверия¹¹. Парадоксальным образом он не только достаточно мирно уживался с имманентным для самодержавия патернализмом и камералистской традицией «реформ сверху», но даже подпитывал их: выходило, что именно попечение об «общем благе» подданных заставляет власть насаждать новые, разумные формы быта.

Почему же, несмотря на это, и государство, и помещики предпочитали не вмешиваться в традиционные крестьянские нормы землепользования? Существовало несколько причин такой пассивности. Во-первых, любое подобное вмешательство требовало создания соответствующей

⁹ О екатерининском понимании собственности см.: *Raeff M. The Empress and the Vinerian professor: Catherine II's project of government reform and Blackstone's commentaries // Oxford Slavonic papers. New series. Vol. III. 1974. P. 18–41.*

¹⁰ Так, по дополнительным правилам к известному закону 1803 г. о свободных хлебопашцах, помещик обязан был наделить отдельным участком каждого крестьянина, с выдачей подписанного уездным землемером плана. См.: ПСЗ-1. № 20625. Ч. 2. Ст. 5.

¹¹ См.: *Цвейнерт И. История экономической мысли в России. 1805–1905. М., 2008. С. 134–135.*

инфраструктуры: развития межевых техник и формирования многочисленного штата землемеров (Генеральное межевание выполнялось в основном дилетантами), определения статуса крестьянского владения в казенной и – страшно подумать! – помещичьей деревне, умножения числа чиновников, которые бы фиксировали миллионы земельных единиц и улаживали споры в среде уже не образованной элиты (что тоже удавалось с немалым трудом), а безграмотного крестьянства.

Второе препятствие заключалось в неразрывной связи землеустройства с налогообложением. Переделы, уравнивательная разверстка земли и прочие характерные особенности великорусской общины XVIII-XIX вв. были прежде всего способом распределения земли в соответствии с «тяглой силой» семейных хозяйств. Гибкий, саморегулирующийся общинный механизм распределения бремени казенных (для помещичьих крестьян – и частных) повинностей позволял правительству (как и помещикам) перекладывать на общину с ее круговой порукой множество задач, которые в эпоху модерна считались прерогативой и обязанностью государственной власти. Поэтому любая попытка рационализировать крестьянское хозяйство упиралась в необходимость коренной реформы налоговой системы. И наоборот, преобразование системы прямых податей, помимо прочего, требовало смены экстенсивного общинного землепользования более современными способами хозяйствования. Тем самым землеустройство превращалось из сугубо технического предприятия в самый сложный комплекс проблем, многочисленные агрономические и культурные аспекты которого переплетались с юридическими, финансовыми и политическими.

Нельзя сказать, что эта сложность не осознавалась в «верхах». Вместе с тем глубина и сам характер этих проблем и пути их возможного решения понимались по-разному. Более того, в самой их трактовке обнаруживаются важные закономерности, позволяющие пролить новый свет на такие ключевые для имперского периода истории страны проблемы, как степень «управляемости» сельской России, пределы возможного вмешательства

государства в экономику, роль идеологических доктрин в оформлении политического курса и т.д.

Систематически крестьянское землеустройство начало обсуждаться в правительстве в 1820-1830-х гг. в связи с реформой государственной деревни. Авторы многих известных проектов того времени предлагали более или менее активное насаждение в казенной деревне семейных и хуторских хозяйств. По всем правилам классической политэкономии, переход к ним увязывался с рационализацией налогообложения: на смену уравнительному душевому принципу должен был прийти дифференцированный поземельный. Правда, отмена общей для всех податных сословий подушной подати тогда еще признавалась преждевременной. А вот в отношении оброков, платимых казенными крестьянами, правительство было настроено более решительно. Именно в это время они стали рассматриваться не как государственная повинность, а как форма земельной ренты, выплачиваемой пользователем собственнику (казне). Закономерной поэтому стала идея о необходимости увязать размер оброка с размером и качеством наделов, а в идеале – с доходами каждого крестьянского хозяйства в отдельности. Кроме того, планировались учет и упорядочение управления государственными имуществами вообще: межевание, описание, агрономические улучшения и т.д. Все это должно было резко повысить доходность государственных имуществ и одновременно убедить помещиков, что переход к рациональной регламентации отношений с крепостными способен увеличить и их прибыли. По европейской моде того времени, общая оценка недвижимости в стране (кадастр) рассматривалась как важная предпосылка «правильного» государственного хозяйства¹², поскольку же частное хозяйство мыслилось как государственное в миниатюре, те же

¹² О европейской идеологии государственного хозяйства того времени см.: *Lindenfeld D.F. The Practical Imagination. The German Sciences of State in the Nineteenth Century. Chicago, 1997. P. 89–141.*

рационализация и регламентация считались абсолютно необходимыми и для него.

Наиболее масштабный и радикальный из подобных проектов (1824 г.) принадлежал бывшему министру финансов гр. Д.А. Гурьеву и был составлен при непосредственном участии М.А. Балугьянского, известного правоведа и давнего единомышленника и сотрудника М.М. Сперанского. Этот проект предполагал повсеместное закрепление усадеб и наделов казенных крестьян в индивидуальное владение отдельных домохозяев, которым предоставлялись самые широкие права распоряжения ими (вплоть до продажи внутри сословия)¹³. Более скромный и осторожный проект самого Сперанского, датируемый 1830 г., также основывался на идее перехода к поземельному обложению и семейным участкам; «лишних» крестьян предполагалось переселять в многоземельные окраинные губернии¹⁴. Как и Гурьев, Сперанский считал не только естественным, но и полезным для государственного хозяйства имущественное расслоение в крестьянской среде (в его терминологии – «разделение на хозяев и работников»¹⁵, связывая с ним будущий экономический рост и гражданское развитие крестьян.

Напротив, преемник Гурьева на посту министра финансов Е.Ф. Канкрин относился к широкомасштабному правительственному вмешательству в жизнь крестьян весьма скептически. Противник любых резких перемен, он в принципе оставался сторонником индивидуального землевладения, но опасался социальных и политических последствий упразднения общины: крестьянских волнений, «умножения бобылей» и особенно неизбежного при столь масштабном преобразовании роста государственных расходов. Канкрин выступал также против общего межевания и оценки казенных имуществ как основы податной реформы в государственной деревне. По его мнению, сама процедура кадастра окажется

¹³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., 1946. С. 154–164.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 637, оп. 1, д. 776, л. 1–11.

¹⁵ ОР РНБ, ф. 731, оп. 1, д. 302, л. 1

слишком долгой и разорительной, а в стране просто нет для нее достаточного количества подготовленных специалистов (прежде всего землемеров)¹⁶. Довольно долгое время Канкрину удавалось блокировать любые попытки внутренних, «органических» реформ в государственной деревне (известный историк Н.М. Дружинин даже квалифицировал его позицию как «политику организованного саботажа» этих реформ). Вместо них он считал возможным ограничиваться усовершенствованием административного аппарата Министерства финансов, в ведении которого находились тогда госимущества, для патерналистского «ограждения и защиты» государственных крестьян. Такая позиция была продиктована прежде всего нежеланием ввязываться в туманное с точки зрения перспектив дело.

Однако этот «практический» подход Канкрин в данном случае, как оказалось, явно не соответствовал позиции Николая I. Нацеленность императора на широкие преобразования сначала в государственной, а затем по ее образцу и в помещичьей деревне, как известно, привела к передаче казенных крестьян в ведение сначала V Отделения с.е.и.в.к., а затем специально созданного Министерства государственных имуществ (МГИ). В 1836 г. в беседе со своим любимцем, будущим первым главой МГИ П.Д. Киселевым Николай I настаивал, что реформа должна начаться именно с межевых и кадастровых действий (чему более всего сопротивлялся Канкрин), и всячески рекомендовал Киселеву воспользоваться советами и рекомендациями Сперанского¹⁷.

Программа Сперанского, насколько можно судить по сохранившимся достаточно лапидарным данным, базировалась в это время на идее общей регламентации прав казны, помещиков и крестьян. Отношения трех сторон предполагалось поместить в правовое поле и четко регулировать законом,

¹⁶ РГИА, ф. 561, оп. 1, д. 50, л. 358–435.

¹⁷ *Заблюцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 11–13.

причем ключ к этому делу Сперанский усматривал как раз в землеустройстве. Так, в записке «О специальном межевании Санкт-Петербургской губернии», говоря о «трех частях специального межевания: технической, судебной и хозяйственной», Сперанский подчеркивал, что они «состоят в неразрывной связи и должны быть подчинены одному начальству». Далее он формулировал и цель межевания: «Как скоро количество и достоинство земли в казенных и помещичьих имениях будет приведено в известность, то можно будет... определить, в чем должны состоять... крестьянские работы и какое именно количество земли за работу сию должно быть отведено крестьянину... Сим все повинности и оброки крестьян переходят с душ на землю. Избыток земли, если он есть, будет отдаваем им по добровольному найму. Таким образом крестьянин будет крепок земле, т.е. восстановится истинное его законное положение». При этом крепостные должны получить возможность выкупа повинностей, после чего они «переходят из крепостного состояния в свободное»¹⁸. Итак, межевание и оценка земли оказывались не только инструментом рационализации землепользования и налогообложения крестьян, но и необходимым условием отмены крепостного права.

В 1836 г. Сперанский настаивал, что новое управление государственными имуществами должно вводиться постепенно, по мере проведения в той или иной губернии межевания¹⁹. Он резонно опасался, что масштабное создание нового ведомства отодвинет в тень главную цель реформы: постепенно покончить с правовой и хозяйственной неопределенностью, царившей во взаимоотношениях казны и государственных крестьян и лишавшей правительство возможности воздействовать и на помещичью деревню.

В согласии с царем и Сперанским Киселев поначалу наметил 7 основных начал преобразования: 1) переложение оброка с душ на землю и промыслы; 2) введение семейно-наследственного землепользования; 3) наделение землею

¹⁸ ОР РНБ, ф. 731, оп. 1, д. 132, л. 1–4.

¹⁹ ОР РНБ, д. 292; РГИА, ф. 1589, оп. 1, д. 981, л. 15-15 об., 20–23, 32–34.

малоземельных; 4) отвод и охранение крестьянских лесов; 5) улучшение сельского и волостного управления; 6) прекращение неправильных поборов и притеснений; 7) повышение доходов от оброчных статей²⁰. Нетрудно заметить, что первые 4 пункта касались именно землеустройства как средства поднять благосостояние крестьян, и лишь 5-й и 6-й – административного обеспечения реформы. Тем удивительнее, что еще до этого, всего через неделю после памятного разговора с императором, Киселев в записке «Соображения по записке об устройстве казенных крестьян и вообще государственных имуществ» изложил совершенно иное видение реформы: «Если окончательно цель всего дела состоит в устройстве казенных крестьян, то переложение оброков с душ на землю есть предмет, конечно, важный, но не единственный, а потому и экономическое межевание составляет только часть предполагаемого устройства... Казенные крестьяне очевидно скудеют... Такое оскудение не происходит не единственно от неразмежевания земель. Причина сему есть отсутствие, во-первых, покровительства, и во-вторых, наблюдения. От недостатка покровительства крестьяне обременены незаконными поборами... От недостатка наблюдения разврат и пьянство»²¹.

Еще отчетливее тот же подход выразился позже в комментариях Киселева по поводу предложения своего подчиненного Э.Е. фон Лоде перейти от общины к неделимым семейным участкам. «Нынешний порядок, – писал здесь глава V Отделения, – не столь дурен как вообще полагают: он в селениях весьма уравнителен, и... желательнее лишь убедить крестьян уменьшить число мелких полос». Здесь же совершенно в духе Канкрин Киселев выражает опасения, что распад общины повлечет за собой появление «обширного класса бобылей, который допустить не следует в видах политических». Закономерным итогом такого подхода была идея, что «наделение земель, обмежевание и оценка должны быть сделаны по сельским мирским обществам

²⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. С. 297. См.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 16.

²¹ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 981. Л. 24-27; Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 17-18.

с предоставлением им собственного распределения душевых участков и разложения на них повинностей», с тем чтобы «внезапно не нарушился быт крестьян»²². Но это означало, что реформа остановится как раз там, где, по мысли Сперанского, она должна была начаться. Придерживаясь стратегии «выравнивания» обложения внутри общин и между ними, Киселев предлагал перенести ее на уровень счетоводства, изменив не принципы обложения, а лишь способы раскладки податей. С технической точки зрения его подход было гораздо проще реализовать; но главное – в случае пробуксовки, приостановки и даже полной неудачи всего предприятия казна ничем не рисковала.

Объяснялась ли столь стремительная перемена позиции Киселева присущим ему политическим оппортунизмом? Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Вероятно, как и Канкрин, Киселев предпочел не рисковать, ставя судьбу своего ведомства в прямую зависимость от дела, особенности которого были ему совершенно не ясны. Впоследствии оказалось, что новому министерству действительно были не под силу ни рационализация землепользования казенных крестьян, ни принципиальное изменение податной системы. При этом все землеустроительные инициативы МГИ упирались не только в отсутствие необходимых ресурсов, но и в глубокие сомнения Киселева (а в конечном счете самого Николая I) в возможности и необходимости менять основы привычного для крестьян быта. В результате реализация наиболее амбициозно звучащих идей, которые могут показаться родственными столыпинской программе, – о насаждении семейно-наследственного участкового и хуторского землепользования, о масштабных переселениях на свободные земли – свелась к подчеркнуто скромным, «опытным» проектам²³. Подводя им итоги в 1857 г., Киселев объяснил их неудачу тем, что в крестьянской среде обнаружилось «мало сочувствия» идее

²² Цит. по: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. С. 480–481.

²³ См., например: РГИА, ф. 398, оп. 9, д. 2765а, 2765б, 2768.

наследственного семейного землепользования, «а напротив, непрерывное стремление к принятию душевого раздела»²⁴. Возможно, так оно и было, однако не меньшую роль, насколько можно судить по делопроизводству МГИ и V Отделения, играла нерешительность самого министра²⁵.

Те же начинания, которые проводились с большей настойчивостью, например, переложение оброчных платежей с душ на землю, несмотря на колоссальные траты и многолетние усилия, окончились ничем. Как позже писал К.И. Домонтович – бывший сотрудник Киселева, совсем не склонный к его огульной критике, – «чиновники, из которых состояли бывшие оценочные комиссии, вовсе не знакомы были ни с этим делом, ни с бытом крестьян; большая часть из них никогда не видывали поля... Главная задача состояла, по-видимому, в том, чтобы кадастр производился с необыкновенной быстротой... Полагали, что единственное или, по крайней мере, главное затруднение будет заключаться в измерении земель»²⁶. На деле же выяснилось, что трудности оценки наделов и доходов казенных крестьян связаны прежде всего с нерыночным, натуральным характером крестьянских хозяйств. Применить к общинной экономике понятия из арсенала классической политэкономии («доходы», «прибыль», «рента», и проч.) оказалось гораздо сложнее, чем представлялось вначале. К тому же, по ироничному наблюдению

²⁴ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 335. Кстати, Н.М. Дружинин выяснил, что итоги самого известного из землеустроительных проектов Киселева – насаждения хуторских хозяйств на свободных казенных землях в Симбирской губ. – были скорее успешными, чем провальными (Дружинин Н.М. Киселевский опыт ликвидации общины. С. 366).

²⁵ В 1846 г., когда правила о разделении общин на подворные участки только обсуждались, а значит, выяснить мнение крестьян по этому поводу еще не было возможности (кстати, этим никто не занимался и впоследствии), Киселев уже был убежден в том, что «повсеместное введение» участкового землепользования было бы «слишком трудно, безуспешно и может быть даже опасно» (РГИА. Ф. 398. Оп. 9. Д. 2765а. Л. 120, 191).

²⁶ Комиссия, высочайше учрежденная для улучшения системы податей и сборов. Пояснительная записка о работах по соглашению оценок государственных имуществ между губерниями. СПб., 1860. С. 8.

Домонтовича, «ревностные чиновники постоянно что-то изобретали», и тем еще более запутывали все дело, требовавшее строгого единообразия²⁷.

Впрочем, несмотря на эти неудачи и на колебания самого министра, некоторые его сотрудники по-прежнему были готовы к решительному насаждению рационализированных форм хозяйства. Этот факт тем более важен, что позже многие из них вошли в состав Редакционных комиссий, готовивших «Положения» 19 февраля 1861 г. Один из видных представителей этой когорты чиновников А.П. Заблоцкий-Десятовский в начале 1850-х гг., когда переложение оброка на землю уже шло в государственной деревне полным ходом, прозорливо подчеркивал, что сама по себе эта мера ни к чему не приведет без перемен в «хозяйственном устройстве крестьян», прежде всего в «способе владения землею». Более того, и экстенсивный рост запашки без рационализации землепользования может привести лишь к обнищанию крестьян. В свое время именно Генеральное межевание, настаивал он, вызвало резкий рост сельскохозяйственного производства. Но оно «дало только прочное основание собственности больших владельцев-помещиков. Отношения к земле крестьян остались прежние». Насаждаемые МГИ хутора и семейные участки будут лишь «оазисами» в море общинного пользования, которого правительство «доселе не касалось из опасения изменить вековой обычай», хотя вред общины «сами крестьяне в большей части случаев если не сознают отчетливо, то чувствуют явственно». Исходя из этого, Заблоцкий предлагал запретить переделы земли в общинах казенных крестьян, ограничившись частным уравниванием наделов по итогам каждой ревизии²⁸.

Как видим, в том, что касалось мотивировок, Заблоцкий звучал почти «по-столыпински». Однако никаких последствий его скромная инициатива,

²⁷ Важно заметить, что и в Европе оценка земель зачастую расценивалась крестьянами и другими собственниками как произвольное вторжение и в их жизнь. По словам одного из французских политиков эпохи Первой империи, «как только тысячи кадастровых агентов набросились на общины, стали в них на свой лад резать, классифицировать и ценить земли, тотчас же тысячи голосов поднялись против этой губительной системы». Цит. по: *Горб-Ромашкевич Ф.К.* Поземельный кадастр. Ч. 2. Варшава, 1900. С. 847.

²⁸ РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–4.

как и другие ей подобные, не имела. Более того, в самой этой записке одного из наиболее «продвинутых» сотрудников Киселева заметна та же двойственность, которую легко проследить и в деятельности МГИ вообще. Вплоть до конца 1850-х гг. руководители этого ведомства так и не смогли определиться, заключается ли смысл проводимого ими курса в выравнивании, нивелировке экономического положения крестьян или, наоборот, следует поощрять в их среде имущественное расслоение в надежде, что оно повлечет за собой общий подъем хозяйств и, соответственно, рост податной платежеспособности. К последнему подходу, как показано выше, склонялся Сперанский. В конце 1850-х гг. к нему оказался близок также преемник и последовательный противник Киселева М.Н. Муравьев.

Период пребывания Муравьева на посту министра (1857–1861) пришелся на годы подготовки и начала реализации отмены крепостного права, а сам он, помимо МГИ, возглавлял также Межевой корпус и Департамент уделов, сосредоточив тем самым в своих руках руководство всеми ведомствами, имевшими тогда отношение к крестьянскому землеустройству. Если вспомнить, что как бывший директор департамента податей и сборов Министерства финансов он был близко знаком с налоговыми проблемами, нельзя не признать, что именно Муравьев должен был стать одной из ключевых фигур в разработке землеустроительной политики правительства как в государственной, так и в помещичьей деревне. Именно так полагал и он сам, пытаясь продвинуть ряд крупных проектов²⁹. Однако в конечном счете ни одно из его начинаний успехом не увенчалось.

²⁹ В их числе была радикальная переоценка оброчных платежей казенных крестьян на основании реальной доходности их наделов, предоставление им права выкупа наделов в собственность, разработка новых принципов размежевания дворянской земельной собственности, а также завершение прежних проектов - отмежевания казенных земель, насаждение в государственной деревне участкового и хуторского хозяйства, и др. Подробнее см.: *Долбилов М.Д.* М.Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6; *Христофоров И.А.* Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // Российская история. 2011. № 2.

Славившийся своей кипучей энергией, новый министр все же явно не поспевал за событиями, в центре которых оказалось не его собственное, а конкурирующее ведомство - МВД, а затем и вовсе Редакционные комиссии - вневедомственный орган, состоявший не из сановников первого ранга, а из людей новой генерации, вызывавших у него раздражение и неприятие. В результате острой политической борьбы вокруг крестьянской реформы Муравьев оказался в числе проигравших, а менее чем через год после отмены крепостного права и вовсе был отправлен в отставку. Затяжные им землеустроительные проекты сворачивались, а новых не появлялось. И независимо от общей оценки Великой реформы нельзя не признать, что именно землеустройство и налогообложение стали, пожалуй, ее наиболее слабо разработанными аспектами. Попробуем разобраться в том, что можно было сделать в этой сфере и почему сделать этого не удалось.

В принципе, с помощью землеустройства можно было бы попытаться решить следующие задачи: 1) исходя из условий каждой местности, определить «нормальный» размер надела, необходимого для «обеспечения быта крестьян»; 2) вычислить размер повинностей (и, соответственно, выкупной ссуды) за этот надел на основе его реальной ценности; 3) провести общее разверстание земель, отделив крестьянский надел от земли, остающейся у помещика и закрепив эту процедуру на специальных межевых планах; 4) регламентировать сервитуты; 5) рационализировать крестьянское землепользование (переходом к хуторской и отрубной системе). Может показаться, что эти задачи сформулированы несколько абстрактно. Однако это не так. К концу 1850-х гг. все они уже неоднократно обсуждались в «верхах», причем именно во взаимосвязи друг с другом. Фактически, именно к ним сводилась и программа, сформулированная Сперанским.

Важнейшим итогом осуществления подобной программы была бы индивидуализация не только крестьянского землепользования (к чему позднее свелась столыпинская реформа), но и, что не менее важно, отношений крестьян с государством. И до, и после отмены крепостного права

администрация имела дело почти исключительно с волостью и общиной, которые олицетворяли закрытый и для власти, и для образованной элиты в целом крестьянский мир. Рационализация этого мира настоятельно требовала разрушения почти непроницаемой границы и вторжения агентов власти в прежде саморегулирующуюся жизнь традиционных сообществ.

В материалах Редакционных комиссий много свидетельств того, что рационалистический взгляд на будущий аграрный строй и, соответственно, представление об огромной роли землеустройства в реформе считались чем-то само собой разумеющимся. Так, еще в мае 1859 г. глава комиссий Я.И. Ростовцев предсказывал «громадный спрос» на землемеров при осуществлении реформы. «Только при рациональном развитии долгосрочного фермерства можно ожидать действительных успехов в нашем сельском хозяйстве» – это высказанное им положение выглядело тогда не откровением, а общим местом³⁰. В написанной примерно в то же время «Записке о межевых средствах для приведения в исполнение крестьянского положения», сохранившейся в архивном фонде кн. В.А. Черкасского, одного из основных авторов «Положений 19 февраля», признавалось полезным «понудительное участие правительства» в «определении частной земельной собственности постоянными границами» и делался вывод, что исполнение реформы должно быть неразрывно связано с процедурой обязательного специального межевания всех помещичьих дач³¹. Однако когда речь заходила о воплощении этих общих идей, оказывалось, что на пути их стоят почти непреодолимые препятствия. Во-первых, у правительства нет ни средств, ни времени для сложных и длительных землеустроительных процедур; во-

³⁰ Второе издание материалов редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. 1.4. 1. СПб., 1860. С. 64–65, 69. И позже Хозяйственное отделение комиссий совершенно в духе «ставки на сильных» оценивало земельные переделы - фундаментальную особенность великорусской общины - как «премию нерадивейшим за счет исправного и домовитого» (Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. 2. СПб., 1859. С. 76–77 разд. паг. (доклад Хозяйственного отделения No 8)).

³¹ ОР РГБ. Ф. 327/1. Картон 20. Д. 1. Л. 1–6.

вторых, сами крестьяне к ним абсолютно не готовы. Легче всего было опровергнуть идею о том, что повинности бывших крепостных должны соответствовать ценности земли: это разорило бы помещиков во многих местах, «где земли дешевы»³².

Против индивидуализации крестьянского землепользования говорила относительная неудача длительных, хотя и довольно робких попыток насаждения хуторов. Примечательно, что еще в июне 1857 г. министр внутренних дел С.С. Ланской (МВД было тогда главным «двигателем» реформы) в одной из своих записок весьма скептически оценивал закон 1803 г. о свободных хлебопашцах именно потому, что тот предполагал раздел крестьянской земли на участки и нанесение их на межевые планы: «Правило это вовсе неудобноисполнимое и составлено с видимым намерением ввести иностранное фермерское хозяйство... И каких издержек стоит такая разверстка земли для помещика?.. Что касается до крестьян, то положительно можно сказать, что они этого порядка не понимают, справедливо боятся и, следовательно, противятся ему»³³. Редакционные комиссии позднее высказывались по этому поводу еще резче, говоря о «всем известном слепом, подчас даже неразумном отвращении крестьян ко всякой перемене земельного владения»³⁴. Вкупе с общепризнанным недостатком подготовленных землемеров это означало, что о подворном наделении землей можно забыть.

Аналогичным образом, комиссии пришли к выводу, что «искусственное определение нормы надела в каждой местности представляет чрезвычайные трудности и может быть почтено делом совершенно несбыточным». Но даже если такую норму вычислить, «повсеместно и сколько-нибудь быстро» привести ее в исполнение будет невозможно «по недостатку межевых и кадастровых средств». Конечно, «эти средства нужны и для утверждения за

³² Первое издание материалов... Ч. 14. СПб., 1860. С. 39 разд. паг. (доклад Хозяйственного отделения по отзывам депутатов № 6).

³³ ОР РГБ. Ф. 327/1. Картон 16. Д. 14. Л. 2 об.-3. Записки Ланского по крестьянскому делу составлялись в это время товарищем министра, бывшим ближайшим сотрудником Киселева А.И. Левшиным.

³⁴ Второе издание материалов... Т. 3. Ч. 1. С. 131.

крестьянами существующего надела... но лишь в несравненно меньшей мере»³⁵. Позже Хозяйственное отделение пошло еще дальше, признав, что делать условием выкупа наделов разверстание крестьянских и помещичьих земель значило бы попросту «запретить выкуп»³⁶.

Этой во многом априорной линии отчасти противоречили попытки самих комиссий разобраться, сколько же землемеров и топографов состоит на государственной службе (количество частнопрактикующих подсчитать никто не пытался). Выяснилось, что таковых немало: 1054 человека числились по Межевому корпусу, 382 – по МГИ, 223 – по Лесному департаменту и еще 113 человек – по МВД. В итоге делался вывод, что этих средств для реализации реформы «вполне достаточно»³⁷ (к тому времени, правда, от каких-либо масштабных проектов типа всеобщего межевания комиссии отказались).

Так или иначе, землеустроительный аспект отмены крепостного права был сведен в «Положениях» к отделению крестьянских наделов от земель, остающихся у помещика. При этом предусматривались следующие операции: 1) первоначальное утверждение надела (отвод при составлении уставной грамоты, а затем поверочное измерение при ее утверждении мировым посредником); 2) окончательное отграничение наделов (разверстание³⁸ с неизбежным при этом обменом угодий); 3) перенос усадеб.

³⁵ Первое издание материалов... Ч. 2. С. 22–23 разд. паг. (доклад Хозяйственного отделения № 1).

³⁶ Первое издание материалов... Ч. 11. СПб., 1860. С. 139–140.

³⁷ Первое издание материалов... Ч. 17. СПб., 1860. Отд. 7. С. 25–42. Учитывая, что у них были прямые служебные обязанности, «достаточным» для масштабного землеустройства это количество, конечно, не являлось. Для сравнения, к 1907 г. в распоряжении Главного управления землеустройства и земледелия было около 600 землемеров, причем уровень их квалификации оставлял желать лучшего; к началу Первой мировой войны это число, благодаря колоссальным усилиям и инвестициям, выросло до 7 тыс., однако столь стремительный рост еще более негативно сказался на профессиональной подготовке специалистов по межеванию (См.: *Козлов Н.И.* Несколько цифр о землемерах // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. 1907. № 3; *Yaney G.L.* Op. cit. P. 366–386).

³⁸ Именно этим термином официально обозначалось отделение крестьянских наделов от помещичьих земель, тогда как понятие «размежевание» традиционно обозначало поземельный «развод» владельцев разнопоместных дач.

Технические требования к первой операции фактически отсутствовали: первоначальный отвод можно было делать без всякого измерения, приблизительно, поверочное же измерение допускалось лишь при спорах, было необязательным и к тому же его можно было производить «домашними средствами» (с помощью шеста и цепи или прикидочно – по объему высеваемого зерна и скошенной травы). Понятно, что о точности измерений в таких случаях не могло быть и речи. На «окончательное отграничение» отводилось еще 6 лет, однако и оно не являлось обязательным и не было связано с переходом на выкуп³⁹.

Как видим, даже в рамках узкого понимания землеустройства как определения взаимных поземельных прав помещиков и крестьян требования к нему закона были, мягко говоря, очень скромными. Что же говорить о более масштабных землеустроительных задачах! Фактический отказ авторов «Положений» от попыток не только решить, но даже поставить их в контексте отмены крепостного права, конечно, нельзя объяснить лишь слабостью наличных межевых средств. В числе более фундаментальных причин можно назвать дефицит времени и недостаточное доверие к эффективности бюрократической машины, показавшей свою ненадежность во время Киселевских экспериментов. И это при том, что для решения десятков, если не сотен тысяч спорных дел (к чему, например, обязательно привели бы более жесткие требования к разверстанию) потребовались бы колоссальные административные ресурсы.

Свою роль сыграла также модная децентрализаторская идеология, требовавшая свести к минимуму «мелочную регламентацию» правительством местной жизни. Так, Административное отделение Редакционных комиссий настаивало на «возможно большем устранении влияния правительственной

³⁹ Ст. 33, 38, 49–52, 71–75 «Правил о порядке приведения в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»; ст. 50–52, 64–73 «Местного положения о поземельном устройстве... в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских»; ст. 95, 112 «Положения о выкупе».

администрации на мирские дела»⁴⁰, и именно этот взгляд фактически лег в основу созданного реформой крестьянского самоуправления. В унисон с этой довольно противоречивой теорией «бюрократической децентрализации» звучали в данном случае и славянофильские представления о недопустимости «насильственного вмешательства» в «естественную» жизнь крестьянских общин.

Но, пожалуй, самый важный резон, который позволил примириться, с одной стороны, прогрессивным чиновникам – бывшим «киселевцам» и «милютинцам», совсем не склонным безоговорочно отвергать все, чему они научились в МГИ и МВД, а с другой – славянофилам (Ю.Ф. Самарину и В.А. Черкасскому), заключался в общем для тех и других желании закрепить за крестьянством надельный земельный фонд. Для этого пришлось свести к минимуму саму возможность посягательства на него не только помещиков и государства, но и крестьян (которые, коль скоро наделы были бы индивидуализированы, могли бы их вольно или невольно терять). Целью комиссий было максимально закрыть сельские общества от разных воздействий, в том числе и тех, которые в теории казались многим сторонникам рациональных форм землепользования благотворными. Тем самым, оставаясь в нераздельном, консолидированном состоянии и имея неопределенный с точки зрения гражданского права статус, общинные земли играли уже привычную для «верхов» роль символа крестьянской «оседлости», а значит социальной стабильности.

Достаточно зримо такой подход проявился, в частности, в более поздней записке о невозможности регламентировать «дробление поземельной крестьянской собственности», составленной во второй половине 1860-х гг. в Главном комитете обустройстве сельского состояния. «При общинном владении даже незначительный душевой надел, слагаясь в общую дачу, представляет значительную землевладельческую единицу, которая, с одной

⁴⁰ Первое издание материалов... Ч. 2. С. 15 разд. паг. (доклад Административного отделения № 4).

стороны, может занять равное место с крупной собственностью в экономическом отношении, а с другой, и для каждого семейства представляет твердую основу для удовлетворения насущных потребностей, – говорилось в ней. – Та же дача, раздробленная на множество мелких участков, утрачивает наибольшую долю своего значения. В общем итоге большая часть участков, образовавшихся из раздела общинных дач, будет так незначительна, что не удовлетворит существующему требованию каждого участка служить обеспечением рабочей семьи»⁴¹. Итак, целое (община) представало явно большим, чем сумма его частей. Заметим, что та же логика лежала в основе идеи кооперации. Очевидная же разница между общиной и кооперативом заключалась в том, что последний должен был являться добровольным объединением, освобожденным от фискально-административных функций⁴².

Таким образом, реформа как сложный процесс обустройства крестьян и «развода» их с помещиками была перенесена на уровень сельских обществ и имений (уставные грамоты и выкупные документы нередко составлялись сразу на несколько селений одного владельца). Этот подход позволил на порядок сократить объемы делопроизводства, опереться на существовавший богатый (хотя далеко не во всем позитивный) опыт использования крестьянского самоуправления в податных, статистических и административных целях и отложить решение множества не только землеустроительных, но и правовых проблем, связанных со статусом

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 327/1. Картон 28. Д. 8. Л. 10–11.

⁴² Важно подчеркнуть, что и в процитированной записке, и во многих документах, вышедших из-под пера основных авторов реформы, миссия общины интерпретируется очень прагматично, а сама она даже у единственного в Редакционных комиссиях последовательного ее сторонника Ю.Ф. Самарина предстает совершенно лишенной того ореола мессианства и утопизма, какой придавался ей в более ранних славянофильских текстах или в общественной мысли социалистического толка. Община для Самарина – не элемент конструирования будущего, как у А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, а реальный институт, позволяющий решать социальные проблемы в настоящем: «Защищая хозяйственную общину, у нас, в России, и в настоящее время, я, однако же, не выдаю ее за форму безукоризненную и общеприменимую» (*Самарин Ю. Ф. Соч. Т. III. М., 1885. С. 169*). См. об этом: *Захарова Л.Г. Крестьянская община в реформе 1861 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 5.*

крестьянских земель. В результате бывшие крепостные наделялись громким титулом «крестьян-собственников» не с момента окончания выкупной операции, когда земля, по идее, должна была стать их «полной собственностью», а с момента заключения выкупной сделки. И это при том, что юридический статус земель таких «собственников» оставался крайне неопределенным сразу по нескольким причинам. Во-первых, до выплаты выкупной ссуды земля как бы оставалась в залоге у выдавшего ссуду государства; во-вторых, в выкупных документах, как и в уставных грамотах, в качестве субъекта права и контрагента помещика и государства фигурировали не домохозяева, а сельские общества; в-третьих, участки отдельных дворов даже при подворном владении были чересполосными и не имели зафиксированных в каких бы то ни было документах границ.

Хотя и сведенный к минимуму в «Положениях 19 февраля», ожидавшийся объем землеустроительных работ поначалу пугал как центральные, так и местные власти. Логичным поэтому стало дальнейшее упрощение требований к ним. Уже 27 июля 1861 г. было утверждено новое Положение Главного комитета «О порядке межевых действий» при реализации законов 19 февраля, в котором прямо говорилось, что «отграничение крестьянских угодий посредством инструментальных межевых действий не есть необходимое условие для отвода крестьянам земель как в пользование, так и на выкуп» и может быть «произведено впоследствии»⁴³.

При крепостном праве помещики очень редко заботились о внутреннем межевании имений, однако, когда возникла массовая необходимость определить размер и границы крестьянских наделов для составления уставных грамот (на введение грамот «Положения» отводили всего 2 года), спрос на казенных землемеров поначалу сильно превышал их количество. Напрасно МВД разъясняло, что при первоначальном отводе наделов никаких официальных «поверочных действий не предполагается», и потому для

⁴³ ПСЗ-П. № 37299. Ст. 3. Примеч. 2.

составления уставных грамот вполне достаточно частных межевщиков. Последних тоже было мало, и они не пользовались доверием ни крестьян, ни владельцев как из-за невысокого профессионализма, так и потому, что составленные ими планы не имели ореола «официального документа»⁴⁴.

Однако уже в 1862 г. спрос на землемеров резко упал. В результате, например, топографы МВД, освобожденные от своих основных обязанностей и откомандированные в распоряжение губернских присутствий по крестьянским делам, кое-где вообще остались без работы. Складывалась совершенно парадоксальная, кажущаяся невероятной ситуация: реализация реформы была в самом разгаре, земельный вопрос, по общему признанию, был в этой реформе самым важным, но решался он как-то помимо измерения самой земли. Местные власти сообщали, что многие помещики, особенно мелкие, «вовсе отказываются от приглашения землемеров по неимению средств». В общих же и чересполосных дачах какой-либо обмер крестьянских земель до размежевания дачи между владельцами вообще был невозможен⁴⁵. Однако и эти обстоятельства не в полной мере объясняют удивительную пассивность и помещиков, и крестьян, которые, судя по всему, не особенно стремились к «цивилизованному поземельному разводу».

Почему? Раз этого не требовал закон, обе стороны предпочитали не втягиваться в сложные межевые операции. Теоретически и те, и другие должны были быть заинтересованы в четком обозначении своей земли и консолидации ее в одну дачу, причем помещики были заинтересованы в этом не меньше крестьян. Достаточно сказать, что при продаже частновладельческой земли требовалось удостоверение, что она не входит в крестьянский надел, получить которое без формального разверстания было порой непросто⁴⁶. Однако практически сам этот процесс означал неизбежные споры, расходы и неясный результат, где минусы вполне могли перевесить

⁴⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 55. 1861 г. Д. 6. Л. 4–5, 31–34, 42–43, 48–49, 88, 111–112.

⁴⁵ РГИА. Л. 95, 286–287.

⁴⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 37. Д. 299. Л. 25.

плюсы. Развязывать запутанный клубок не хотелось, разрубить же его могло только государство. Но последнее на решительные меры не отваживалось.

В результате, по данным министерства юстиции, к 1877 г. наблюдалась следующая картина по разверстанию с помещиками вышедших на выкуп крестьян: из общего количества в 80957 утвержденных выкупных сделок (на 25.3 млн десятин) лишь по 13956 (17.2%) было проведено разверстание. Однако и из этого небольшого числа правительство утвердило планы только по 2812 сделкам (еще 1236 были признаны верными и находились на утверждении). Планы по 4172 сделкам были признаны неправильными, по 3709 – еще не освидетельствованы, а по 2027 – «не представилось возможности произвести исполнение в натуре». Последнее означало, что обозначенные в тексте выкупного договора и/или на приложенном к нему плане границы на столько не соответствовали реальной ситуации, что попытка увязать одно с другим завела казенных топографов в тупик⁴⁷. Одна из причин колоссального процента брака (более 60%!) заключалась в непрофессионализме тех частных землемеров, которые привлекались к составлению уставных грамот и выкупных актов⁴⁸. Другая, не менее важная - в чрезмерном формализме тех юридических процедур, которые, по закону, нужно было соблюдать при размежевании любых владений.

Есть все основания полагать, что процент разверстанных имений, где крестьяне оставались во временнообязанном состоянии, был еще меньше. Во всяком случае, в конце 1880-х гг. в одном из официальных документов

⁴⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 4982. Л. 72–73.

⁴⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 37. Д. 299. Л. 39–42. Замечу, что эти цифры ставят под серьезное сомнение традиционное для историографии представление, что уставные грамоты и тем более выкупные дела содержат точную информацию о размерах пореформенных крестьянских наделов. Так, по мнению Б.Г. Литвака, выкупные документы «особенно тщательно составлялись и выверялись, так как это соответствовало интересам правительства» (*Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972. С. 33). С.Г. Кашенко же полагает, что точность сведений в уставной грамоте «была определена их экономической важностью и обеспечивалась проверкой со стороны всех заинтересованных сторон и мирового посредника» (*Кашенко С.Г.* Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. М.; СПб., 2009. С. 67–68). Конечно, так должно было быть, но далеко не всегда было.

указывалось, что «в настоящее время формально отграничено только около 13% от общего числа» крестьянских наделов, причем документы по проведенным отграничениям крайне ненадежны⁴⁹. Фактически, еще в конце 1860-х гг. процесс разверстания остановился и количественно, и качественно. Особенно острая ситуация сложилась в Юго-Западном крае, где господствовало не общинное, а подворное крестьянское землевладение и были большие сложности с ликвидацией сервитутов. По данным Д. Бовуа, к 1870 г. (6-летний срок, установленный для разверстаний по требованию сторон, истек в 1869 г.) 80.4% имений в Киевской, Подольской и Волынской губ. все еще не были размежеваны, причем во многом из-за того, что «власти опасались возможных конфликтов»⁵⁰.

Благодаря материалам сенаторской ревизии А.А. Половцова (1880 г.) мы имеем возможность судить о том, как шел здесь процесс разверстания в 1870-х гг. В Киевской губ. к 1870 г. оставалось 1 536 неразверстных имений (из общего их количества в 2 057). За последующие 10 лет процедура (она велась частными землемерами) коснулась всего 129 новых имений. Однако «при освидетельствовании всех поступивших дел губернская чертежная нашла возможным утвердить государственной печатью только 3 дачи». Межевые работы пришлось переделывать уже за казенный счет. К 1880 г. из 512 спорных дел, возникших с 1861 г., было решено 186, но к этому времени разверстание в крае пришлось остановить из-за массовых крестьянских волнений. Местные крестьяне считали, что межевание – это что-то вроде заговора помещиков с целью лишить их права на дополнительное наделение землей, слухи о котором упорно циркулировали по Украине⁵¹. В итоге консервативное общественное мнение стало смотреть на разверстание уже как на средство покончить с надеждами на «черный передел»: «Одно только

⁴⁹ Объяснительная записка к проекту Межевого устава. СПб., 1888. С. 59.

⁵⁰ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 644–645.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 795; см. также: Лойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск, 1960.

усиленное межевание и притом общее, сплошное, в строго циркульном порядке... чтобы население видело в нем правительственное распоряжение, а не удовлетворение помещичьих просьб как бы через наемных землемеров... навсегда может покончить с возникшими несбыточными надеждами о переделе земель»⁵².

Стоит заметить, что земства уже с конца 1860-х гг. активно ходатайствовали о проведении общего и обязательного государственного измерения и размежевания всех земель. Опять, уже на новом уровне, проявилась глубокая связь землеустройства с налогообложением. Столкнувшись с колоссальными трудностями в жизненно важном деле обложения сельскохозяйственных угодий (поземельные сборы составляли основную часть земских доходов), местное самоуправление попыталось провести измерение, межевание и таксацию земель своими силами, но быстро убедилось, что без цен трализованных мер это нереально⁵³. Однако вплоть до конца 1880-х гг. правительство систематически отклоняло все ходатайства на этот счет⁵⁴. Преемник Муравьева на посту управляющего Межевым корпусом И.М.Гедеев еще в 1866 г. безапелляционно утверждал, что «проверка качества и количества земельных угодий не имеет ничего общего с целью государственного межевания» и «касаясь только частных целей земства, должна быть произведена частными средствами»⁵⁵. Формально он был прав, хотя стремление законсервировать обветшавшие процедуры Генерального и специального межевания в 1860-х гг. уже выглядело невероятным анахронизмом⁵⁶. Правда, отклоняя земские ходатайства, правительство все же

⁵² ОР РНБ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 795. Л. 58; Киевлянин. 1880. № 200.

⁵³ См.: К вопросу о податной реформе. Обзор систем земского поземельного обложения (1865–1879). Составил по официальным документам А. Поленов. СПб., 1880.

⁵⁴ РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 180. Своды ходатайств по поземельному устройству крестьян, межеванию, охране лесов, и др. (ед. хр. 3).

⁵⁵ РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 180. Своды ходатайств по поземельному устройству крестьян, межеванию, охране лесов, и др. ед. хр. 4. С. 5.

⁵⁶ Примерно такую же позицию Гедеев занимал и по поводу участия подчиненных ему землемеров в крестьянской реформе. Правда, здесь ему было гораздо сложнее противостоять давлению высокопоставленных чиновников других ведомств, не желавших понимать тонких юридических различий между размежеванием владельческих дач и

вынуждено было само попытаться организовать сбор сведений о количестве и качестве земель. Соответствующий проект был разработан в 1872 г. в Министерстве финансов, но «застрял» на стадии ведомственных согласований. Повторное возвращение к этому вопросу в 1882 г. вновь выявило вопиющее несовершенство существовавшей системы (например, по одной только Харьковской губ. по окладным книгам значилось на 2 млн десятин земли меньше, чем по данным топографической съемки). Но и на этот раз обсуждение зашло в тупик, поскольку непонятно было, кто и за чей счет должен производить кадастр. Лишь в 1893 г. были приняты правила производства оценочных работ в земских губерниях, дававшие местному самоуправлению значительную автономию в этом деле. Однако кадастр на губернском уровне вновь оказался утопией из-за разнобоя правил и подходов, а также недостатка финансирования. В итоге в 1913 г. специально созданное межведомственное совещание констатировало, что «оценочные работы еще очень далеки от завершения»⁵⁷. По иронии, закончить их планировалось к 1917 году... Таким был печальный итог дореволюционного земельного кадастра.

В межевом ведомстве также прекрасно понимали недостатки организации «земельных дел» в империи. Уже на 1860-е гг. пришлось первая в пореформенное время попытка модернизировать принципы и институты межевания. Чиновники Межевого корпуса справедливо полагали, что освобождение крестьян и наделение их землей «усложнило и крайне запутало» и без того непростые правила межевания⁵⁸. Однако они не решились настаивать на каких-либо радикальных мерах для унификации земле устроительных процедур, предложив лишь несколько

крестьянским землеустройством. См. его полемику с Киевским генерал-губернатором кн. В.И. Васильчиковым: РГИА. Ф. 1291. Оп. 55. 1861 г. Д. 6. Л. 165–168, 214.

⁵⁷ См.: РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 306. Журналы совещания по вопросу о мерах к устранению недостатков существующего податного управления в губерниях; там же, № 935, ед. хр. 8. Главные основания законопроекта о мерах к скорейшему завершению оценочных работ в земских губерниях.

⁵⁸ Материалы для преобразования межевой части в России. Ч. 4. С. 48.

упростить и согласовать существующие нормы. Но и эти предложения подверглись критике. Главноуправляющий II Отделением с.е.и.в.к. и государственный секретарь кн. С.Н. Урусов настаивал, что в межевых делах надо полностью устранить устаревший «принцип опекунства», распространив на них «начало частной инициативы»⁵⁹. На практике это означало отсутствие общегосударственных мер и серьезного финансирования.

Бессилие правительства ярко проявилось, например, в откровенном до наивности заключении Гедеонова по поводу разверстания помещичьих и крестьянских земель в общих и чересполосных дачах (см. о них выше). Прикинув, как лучше решить эту головоломную задачу в рамках существующих законов, тот в отчаянии писал: «Всякая попытка разрешить сей вопрос окончательным образом еще более усложнит и запутает его... и всякая точно определенная мера... может вызвать новые затруднения, которые без того никогда быть может не возникли бы... Наиболее основательным оказывается предоставить решение вопроса времени и естественному ходу обстоятельств, которые должны устранить незаметным образом на практике препятствия, непреодолимые для законодательства». Этот странный манифест *laissez faire, laissez passer* завершался еще более странным, даже диким в устах главы межевого ведомства выводом: «Крестьяне в обиде не останутся. Когда придет межевание, они как собственники своё, за что заплатили деньги, возьмут сполна; а потому не стоит обращать большого внимания на точность, формальность и непреложность документов о количестве надела»⁶⁰. Во многие деревни межевание так и не пришло, а крестьяне в итоге действительно «взяли сполна» – и свое, и чужое...

Мало кто в «верхах» был столь же откровенен, как Гедеонов. Однако вникая в позицию правительства по поводу крестьянского землеустройства,

⁵⁹ Отзыв главноуправляющего II Отделением с.е.и.в.к. СПб., 1870. Отд. оттиск. С. 6–7.

⁶⁰ РГИА. Ф. 577. Оп. 50. Д. 321. Л. 12–15 об.

невольно приходишь к выводу, что в основе ее лежал именно сформулированный им «принцип недеяния». Дошло до того, что из Свода законов издания 1876 г. по решению Главного комитета об устройстве сельского состояния правила о порядке межевых действий при разверстании угодий были исключены (хотя их никто не отменял)⁶¹. 1880 г. министерство юстиции признало, что отграничение крестьянских наделов «составляет не только окончательное завершение крестьянской реформы, но и требование, настоятельно заявляемое практической жизнью». Однако составленный в 1880-1883 гг. проект новых правил так и не был утвержден: недавние крестьянские волнения и смена внутривластного курса не благоприятствовали решению болезненных вопросов. Впрочем, и этот проект, признавая, что землеустройство является не частным, а государственным делом, и в качестве общей и обязательной меры оно «было бы весьма полезно и предупредило бы множество затруднений в будущем», все же оставлял за ним факультативный характер⁶². В результате вплоть до конца века считались действующими исключенные из Свода законов правила и нормы, утвержденные еще в 1861 г. и явно устаревшие. С другой стороны, и сами помещики часто противились разверстанию, опасаясь, что оно спровоцирует новые крестьянские протесты, и призывали сохранить статус кво⁶³.

Однако по сравнению с 1860–1870-ми гг. в последующее 20-летие наметился явный перелом в подходах к самому смыслу крестьянского землеустройства. Если ранее крестьянские наделы признавались – пусть и чисто теоретически – таким же объектом землеустройства, как и частновладельческие земли, то теперь между двумя категориями земель в представлении «верхов» разверзлась почти непреодолимая пропасть.

В официальных документах как само собой разумеющийся факт признавалось, что «понятие о личной собственности совершенно чуждо

⁶¹ Объяснительная записка к проекту Межевого устава. С. 181.

⁶² РГИА. Ф. 1405. Оп. 76. Д. 4982. Л. 60–71.

⁶³ РГИА. Ф. 577. Оп. 50. Д. 323. Л. 23, 27.

условиям быта коренного сельского населения», а «общинное владение... представляет такие особенности, которые не имеют ничего общего с теми формами земельной собственности и условиями ее приобретения, какие установлены общими гражданскими законами»⁶⁴.

Рационалистические представления о «земельных делах», с колоссальным трудом пробивавшие себе дорогу на протяжении более чем столетия, вдруг оказались неприменимыми к миллионам крестьян. Но к тому времени уже было ясно, что сама специфика этих дел такова, что вести их только на частновладельческих землях, не затрагивая крестьянских наделов, бессмысленно. Это означало, что общее землеустройство в российской деревне, и без того буксовавшее, фактически будет остановлено.

Следующий (и последний в дореволюционную эпоху) приступ к нему состоялся уже в ходе столыпинской реформы. Характерно, однако, что землеустроительные задачи, по убедительному мнению Дж. Яни и К. Мацузато (см. примеч. 1), и в столыпинской программе поначалу стояли явно не на первом месте. Конечная цель реформы находилась в сфере политики (превращение крестьянской массы из угрозы в опору существующего режима), а не права, экономики, или администрации. Лишь далеко не сразу, в ходе реализации первоначальной программы выяснилось, что именно общее землеустройство, а не разрушение общины и не «хуторизация всей страны», составляет необходимое условие ее успеха и стержень нового аграрного курса. Однако и после этого главным объектом землеустроительных процедур продолжал оставаться крестьянский надельный фонд. Можно сказать, что столыпинская реформа осталась крестьянской, так и не став аграрной.

Столь часто возникающий в наши дни вопрос, почему политические приоритеты постоянно отодвигают в России на второй и третий план инфраструктурные реформы, можно считать риторическим. Более интересен другой: почему правящие элиты видят угрозу своему существованию в чем угодно, кроме архаичной инфраструктуры? Ответ на него, как показывают

⁶⁴ РГИА. Ф. 577. Оп. 50. Д. 325. Л. 9, 16 об.

проанализированные в данной статье материалы, видимо, стоит искать прежде всего в присущих этим элитам социальных стереотипах и связанных с ними представлениях о задачах власти. Последние никогда не достигали того градуса рационалистической обезличенности, который позволил бы видеть важнейший фактор социальной стабильности в развитии правовых и административных технологий.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2 2022 г

Автор А.Корелин

Страниц 33

Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. А.Корелин*

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail:

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

**Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной
России (1861–1914 гг.)¹**

Авенир Корелин, Институт российской истории РАН (г. Москва)

*Корелин А.П., главный научный сотрудник ИРИ РАН (1933-2017)

¹ *Опубликовано:* Российская история. 2011. № 1. С. 42–55.

Аннотация. В статье характеризуется развитие аграрного сектора России в пореформенный период, до начала Первой мировой войны, делается вывод, что в рассматриваемый период для данного сектора экономики характерной оставалась социально-экономическая мозаичность, многоукладность, нашедшая наиболее яркое воплощение в симбиозе помещичьих и крестьянских хозяйств. Оба типа хозяйств с большим трудом адаптировались к рыночным отношениям.

Ключевые слова. Аграрный сектор, состояние и динамика сельскохозяйственного производства, пореформенный период

Вторая половина XIX – начало XX в. – особая эпоха в истории России. Это было время бурного обновления экономического и социального облика страны, катализатором которого послужили преобразования 1860–1870-х гг. Из аграрной, феодально-крепостнической по строю своих общественных отношений, Россия за сравнительно короткий срок превратилась в аграрно-индустриальную страну с еще достаточно рыхлой сословно-классовой структурой, но уже с четко прослеживающимися чертами современного буржуазного общества. Последнее время исследователи, анализируя основные тенденции пореформенного капиталистического развития страны, как правило, основное внимание уделяют промышленности, формированию

современной инфраструктуры (кредитно-финансовой системы, транспортной сети, средств коммуникации и т.п.). Сельское хозяйство чаще всего рассматривается вне связи с общей народнохозяйственной системой, преимущественно в плане тормозящего экономическое развитие фактора, средоточия традиционалистских пережитков (в числе которых засилье дворянских латифундий, общинно-надельное крестьянское землевладение, имущественно-правовая несостоятельность крестьянства и т.п.)

Действительно, отчетливее всего тенденции капиталистической перестройки пореформенной российской экономики прослеживаются именно в торгово-промышленной сфере. По темпам индустриального роста Россия в эти годы занимала одно из ведущих мест в мире. Важными факторами, ускорявшими преобразования в этом секторе экономики, были как расширявшееся и углублявшееся включение страны в мировую хозяйственную систему, так и правительственная протекционистская политика. Так или иначе, на рубеже 1880–1890-х гг. в основном завершился промышленный переворот. За 1880–1913 гг. стоимость промышленной продукции возросла с 1179.5 до 6472.1 млн руб., т.е. в 5.5 раза. Причем при среднегодовом приросте промышленной продукции, составлявшем, по последним подсчетам, около 6.65%, дважды, в периоды промышленных подъемов 1890-х гг. и 1909–1913 гг., объем производства практически удваивался². Модернизировались старые и формировались новые индустриальные центры, возникали новые, современные производства и целые экономические районы. К 1914 г. в России насчитывалось около 29.3 тыс. фабрично-заводских предприятий. Протяженность железнодорожной

² *Грегори П.* Поиск истины в исторических данных // *Экономическая история.* Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 478. Следует отметить, что эти расчеты вызвали возражения ряда специалистов, которые считают их завышенными (см.: *Бокарев Ю.П.* Еще раз о темпах роста промышленного производства в России // *Отечественная история.* 2006. № 1. С. 131–141). О дискуссионной ситуации, сложившейся в связи с разными методиками подсчетов, см.: *Бородкин Л.И.* Дореволюционная индустриализация и ее интерпретация // *Экономическая история.* Обзорение. Вып. 12. М., 2006. С. 184–200.

сети увеличилась за это время с 22.8 тыс. до 70.2 тыс. верст. Кредитная система включала наряду с Государственным банком и 850 его филиалами свыше 40 крупных акционерных коммерческих банков, более полутора десятков государственных, акционерных и частных ипотечных кредитных учреждений, более тысячи обществ взаимного кредита, 255 городских банков и более 10.5 тыс. кредитных кооперативов и их региональных союзов³. Набирал темпы процесс урбанизации страны. Если к 1861 г. в России было 678 городов, то в канун Первой мировой войны их насчитывалось уже 949. Численность городского населения с 5.7 млн возросла к 1897 г. до 14.7 млн, а к 1914 г. достигала уже 23.3 млн человек, т.е. увеличилась более чем в 4 раза и росла почти вдвое быстрее общей численности населения, составлявшей в 860 г. 74.1 млн, 1880 г. – 97.7 млн и в 1913 г. – 170.9 млн человек⁴. Фактически численность неземледельческого населения была еще выше, так как значительная часть промышленных предприятий и рабочих (соответственно 57 и 58%) располагалась вне городов⁵. Тем не менее, по данным переписи 1897 г., из 25.6 млн жителей империи (без Финляндии) сельскохозяйственное население составляло 97 млн человек (77.2%), торгово-промышленное – 21.7 млн (17.3%), непроизводительное – 6.9 млн (5.5%).

В условиях индустриального общества сельское хозяйство действительно всегда и практически везде отстает от развития торговли и промышленности. В России эта закономерность усугублялась охранением в социально-экономической и политической структурах страны обилия традиционалистских черт, средоточием которых была пореформенная деревня. Общеизвестно, что это в значительной мере обуславливалось

³ Министерство финансов. 1904–1913 гг. СПб., 1914. С. 45.

⁴ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С. 222–234; Окончательно установленное при разработке переписи 1897 г. наличное население городов. СПб., 1905; Статистический ежегодник России. Пг., 1915; Города России в 1904 г. СПб., 1906; Ежегодник России. СПб., 1905.

⁵ *Погожее А.В.* Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 51.

компромиссным характером, половинчатостью и незавершенностью реформы 1861г., в результате которой сформировались две основные формы организации и ведения хозяйства – частновладельческая, в основном дворянско-помещичья, и крестьянская. Оба типа хозяйств с большим трудом адаптировались к товарно-денежным, рыночным отношениям. В отличие от протекционистской промышленной политики, правительство вплоть до середины 1900-х гг. фактически смотрело на деревню лишь как на источник различного рода поступлений в бюджет. Этот взгляд даже получил в свое время теоретическое обоснование. В частности, С.Ю. Витте считал нецелесообразным вкладывать средства в сельское хозяйство. По его мнению, все усилия правительства должны быть направлены на первоочередное развитие промышленности и железнодорожное строительство, которые затем, как локомотив, потянут за собой всю экономику, в том числе и сельское хозяйство, поставляя ему необходимую продукцию, создавая рынок сбыта, транспортные коммуникации и т.д. Ситуация начала меняться лишь в годы столыпинской аграрной реформы, которая фактически должна была завершить процесс освобождения крестьян, создав класс мелких индивидуальных собственников-производителей. В связи с этим процесс капиталистической эволюции российской деревни приобрел весьма сложный и противоречивый характер, что, несомненно, не могло не сказаться не только на характере и темпах развития сельского хозяйства, но и экономики в целом.

Тем не менее определенный прогресс был налицо и в этой важной отрасли. В предреформенные десятилетия здесь явно ощущались кризисные явления. Общие сборы хлебов – этой основы российского земледельческого производства – с начала XIX в. возросли более чем на 40%, что достигалось в основном за счет расширения посевных площадей. Урожайность же за это время не только не выросла, но даже обнаружилась тенденция к ее падению. Да и сами темпы роста общих сборов зерновых были

ниже темпов демографического прироста, что привело к уменьшению производства на душу населения⁶.

Статистика не дает сколько-нибудь полных и сопоставимых данных о динамике роста земельных площадей, используемых в сельскохозяйственных целях, поэтому приходится довольствоваться отрывочными сведениями, лишь в общих чертах отражающими этот процесс. По данным известного экономиста Ю.Э. Янсона, к 1875 г. в Европейской России из 458.8 млн десятин земли, находившейся в сельскохозяйственном пользовании, пашня занимала 98.2 млн (21.5%), сенокосы – 54.6 млн (11.9%), леса – 138.6 млн десятин (30.2%), остальные 167.4 млн десятин (36.4%) числились как неудобные. Таким образом, более 1/3 учтенной земли оставалось вне культурного пользования, лишь частично используя для пастбищ⁷. Аграрный кризис несколько приостановил рост посевных площадей. Но уже с конца 1880-х гг. этот процесс вновь стал набирать силу. В 1887 г. только в 45 губерниях Европейской России площадь пашни составляла 103.8 млн десятин⁸. Сельскохозяйственное производство, особенно зерновое, смещалось на Юг и Юго-Восток – осваивались степные просторы Новороссии, Северного Кавказа, Заволжья. Росла площадь пашни и в Центрально-Черноземном районе, но уже в основном за счет распашки лугов и пастбищ. В нечерноземных губерниях Севера и Северо-Запада размеры пашни несколько сокращались в связи со специализацией хозяйств на посевах технических культур и молочном животноводстве. Особенно форсированными темпами шло расширение посевных площадей с середины 1900-х гг., что было связано с усилившейся крестьянской колонизацией Сибири и Средней Азии. К 1914 г. из 1 995.4 млн десятин общей учтенной по стране площади в сельскохозяйственном пользовании числилось 516.9 млн (25.9%), в том

⁶ Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX-XX вв. М., 1950. С. 19.

⁷ Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1880. С. 273, 277, 284–285.

⁸ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 3. СПб., 1902. Табл. 4. С. 44–45.

числе под посевами важнейших сельскохозяйственных культур 107.9 млн (20.9%), под лугами и пастбищами – 39.8 млн (7%), под лесами и кустарниками – 369.2 млн десятин(72.1%)⁹. Резкое увеличение всех показателей дала Сибирь, огромная территория которой начала более интенсивно осваиваться после проведения Транссибирской магистрали и в ходе реализации столыпинской аграрной реформы. В результате крестьянской колонизации сельское население здесь выросло в 1.5 раза, а посевные площади – почти в 2 раза¹⁰.

Как и прежде, отражая по преимуществу зерновой характер сельскохозяйственного производства, подавляющую часть всей посевной площади занимали хлеба. Но вместе тем заметно возросли, особенно в абсолютном исчислении, посевы технических культур (картофеля, льна, хлопка, свеклы, подсолнечника, табака и т.п., удельный вес которых к 1913 г. возрос по сравнению с серединой 1870-х гг. более чем в двое – с 3 до 7%), а также садоводство и огородничество. Вместе с тем следует отметить, что еще весьма значительны были, несмотря на острое крестьянское малоземелье, площади неосвоенных земель, для вовлечения которых в культурный оборот требовались большие инвестиции и техника.

Расширение посевных площадей сопровождалось заметным увеличением объемов сельскохозяйственной продукции. Средние за пятилетие валовые сборы зерновых только по 50 губерниям Европейской России, по которым имеются более или менее сопоставимые данные, возросли с начала 1860-х гг. с 1 649 млн (26.4 млн т) до 2 395 млн пудов (38.3 млн т) в середине 1880-х гг. и до 3 690 млн пудов (59 млн т) в предвоенное пятилетие, т.е. увеличились в 2.2 раза¹¹. Фактически этот рост был значительно выше, если учитывать продукцию окраинных регионов империи. Так, общие ежегодные сборы продовольственных хлебов и овса в 1909–1913 гг.

⁹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 2.

¹⁰ Сельское хозяйство России в XX в. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923. С. 89, 91, 170–173.

¹¹ Хромов П.А. Указ. соч. С. 19.

составляли в среднем 4.9 млрд пудов (78.4 млн т)¹². Темпы роста сборов были хотя и заметно ниже роста объема промышленной продукции, но несколько выше темпов прироста населения, что обусловило увеличение производства хлебов и на душу населения. По подсчетам американского экономиста П. Грегори, средние ежегодные темпы общего прироста продукции сельского хозяйства в 1883-1901 гг. составляли около 2.5%, 1901–1913 гг.- 3%, рост на душу населения – около 1%. Причем уровень прироста продукции вдвое превосходил темпы прироста населения (1.3%)¹³.

Важно отметить, что увеличение сборов достигалось не только за счет расширения посевных площадей, но и за счет некоторого роста урожайности и интенсивности земледельческого труда. Уже сопоставление динамики роста объемов сборов и посевных площадей показывает, что первые росли явно быстрее. Это могло иметь место лишь при условии роста урожайности. И действительно, средние данные по губерниям Европейской России об урожайности хлебов на крестьянских землях по десятилетиям показывают, что если в 1861-1870 гг. она составляла 29 пудов с дес. (4.6 ц), 1871–1880 гг. – 31 пуд (около 5 ц), то в 1881–1890 гг. – уже 34 пуда (5.4 ц), 1891–1900гг. – 39 пудов (6.2 ц), а в 1901–910 гг. – 43 пуда (6.9 ц), т.е. возросла в 1.5 раза. Несколько выше она была в помещичьих экономиях, ведшихся за счет владельцев, и значительно ниже - на помещичьих землях, сдававшихся крестьянам в краткосрочную аренду¹⁴. В целом по этому показателю земледельческое производство в России значительно отставало от большинства западных стран (см. табл. 1), что являлось следствием господства отсталых систем полеводства, низкой механизации сельскохозяйственных работ, незначительности вносимых в почву удобрений.

¹² Сборник статистико-экономических сведений... Пг., 1917. С. 61.

¹³ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 34.

¹⁴ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Изд. 2. М., 1918. С. 48; Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914.

При этом для России были характерны резкие колебания урожайности и сборов, что свидетельствовало не только об обширных зонах рискованного земледелия, но и о сравнительно низкой культуре обработки земли. За период 1880–1914 гг. в стране было по меньшей мере 10 неурожайных лет, и это тяжело отражалось на экономике и положении деревни.

Еще медленнее, чем земледелие, развивалась другая важная отрасль сельского хозяйства – животноводство. Накануне 1861 г. в России имелось 18.6 млн лошадей, 26.2 млн голов крупного рогатого скота, 9.7 млн свиней и 52.2 млн овец и коз. В 1914 г.

Таблица 1

Урожайность важнейших сельскохозяйственных культур в 1911-1914 гг. (в пудах с десятины)

Страны	Пшеница	Рожь	Овес	Картофель
Россия	45	54	52	489
США	69	68	77	440
Франция	86	68	83	570
Англия	146	-	119	1012
Германия	146	120	127	904

* Составлено по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 117-418.

насчитывалось уже 34.4 млн лошадей, 51.3 млн голов крупного рогатого скота, 78.7 млн овец и коз и 16.6 млн свиней. В абсолютном исчислении общая численность поголовья скота возросла за это время почти вдвое. Несколько увеличилось количество скота, приходившееся на площадь посевов: в переводе поголовья на крупный рогатый скот в 1881 г. приходилось на 100 десятин посевов 46, а в 1912 г. – 50 голов. Но в целом равновесие между земледелием и скотоводством, нарушенное еще в середине XIX в., не было восстановлено и в начале XX в. Количество же скота, приходившееся на душу сельского населения, даже уменьшилось: в 1864–1869 гг. на 100 человек

приходилось 50 голов скота, в 1881 г. – 44, а в 1912 г. – 38 голов¹⁵. Данные эти, собранные Главным ветеринарным управлением, видимо, несколько занижены (как показывает сравнение их с материалами сельскохозяйственных переписей), но в целом они, видимо, верно отражают тенденции в состоянии животноводства.

Важной чертой в развитии сельскохозяйственного производства было усиление его торгового характера. В земледелии эта тенденция достаточно наглядно прослеживается при анализе уже приведенных выше данных о структуре посевных площадей и производстве основных сельскохозяйственных культур. Так, площадь, занятая в основном рыночными техническими культурами, заметно возросла – с 1880-х гг. до 1914 г. удельный вес их в общей массе посевов увеличился с 3 до 7-8%. И хотя зерновые по-прежнему занимали подавляющую часть посевов, в их структуре также произошли весьма характерные изменения. На рубеже 1870–1880-х гг. до 36% площадей, занятых хлебами, отводилось под рожь, основную продовольственную культуру для крестьян; овес, также использовавшийся главным образом в хозяйствах производителей, занимал 18% пашни; пшеница и ячмень, производившиеся, как правило, на продажу, занимали соответственно 17 и 7%, остальное приходилось на гречиху, просо и т.д.¹⁶ Еще в 1901–1905 гг. ржи отводилось 31.2% всех посевов, и она давала 34.7% всех сборов зерновых. Но на второе место уже вышла пшеница, имевшая соответственно показатели 24.3 и 25.5%, на третьем оказался овес – 18.6 и 20.2%, затем ячмень – 9.7 и 11.2%¹⁷. К 1914 г. пшеница, ставшая главной экспортной культурой, занимала уже 30.6% посевов и давала 30.2% сборов зерновых; рожь переместилась на второе место

¹⁵ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С. 220–221; Сборник статистико-экономических сведений... Пг., 1917. С. 237; Яцунский В.К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI в. до 1917 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 56–57.

¹⁶ Янсон Ю.Э. Указ. соч. Т. 2. Отд. 1. С. 273, 277, 284–285.

¹⁷ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1910. С. 42–43, 81.

– соответственно 26.1 и 30.0%; несколько снизилась доля овса (17.4 и 18.1%) и повысилась доля более товарного ячменя (12.1 и 12.8%)¹⁸. Причем по производству пшеницы Россия в конце XIX – начале XX в. почти сравнялась с США, собирая ежегодно в среднем более 1 млрд пудов (около 16 млн т). Обе страны были крупнейшими ее производителями и экспортерами, не очень разнясь вначале и по показателям урожайности, что свидетельствовало об одинаково экстенсивном характере производства. Правда, уже в середине 1900-х гг. урожайность и общий объем производства пшеницы в США росли значительно быстрее, чем в России¹⁹.

Постепенно торгово-промышленная и аграрная сферы оказывались во все большей взаимосвязи. Каковы же были место и роль аграрного сектора в социально-экономической структуре народного хозяйства и каково было взаимовлияние этих важнейших отраслей российской экономики? Одной из важнейших задач сельскохозяйственного производства являлось обеспечение населения продовольствием. Внутренний продовольственный рынок в России постоянно расширялся. Это обуславливалось ростом численности неземледельческого населения, а также специализацией самого сельского хозяйства. Запросы рынка требовали повышения товарности производства. Общее и наиболее наглядное представление о динамике этого процесса дают данные о перевозке хлебных грузов, т.е. об объеме товарных фондов зерновых. В 1850–1860 гг. на внедеревенский рынок поступало около 15% производившегося зерна, в конце века – около 18–20%, а в канун Первой мировой войны, по разным подсчетам, от 26 до 33%. Причем товарность помещичьих экономий, в предвоенные годы производивших всего около 12% всей земледельческой продукции, составляла 47–50%. Для крестьянских хозяйств этот показатель был едва ли не в двое ниже – в среднем 23–30%, в том числе для зажиточной их части – около 34%, для остальной массы

¹⁸ Сборник статистико-экономических сведений... Пг., 1916. С. 58–59.

¹⁹ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1908. С. 84, 87.

крестьянства, производившей около половины всего хлеба, около 15%²⁰. Таким образом, в связи с особенностями мелкокрестьянского производства основная масса зерна (до %) потреблялась в хозяйствах самих производителей и не выходила из внутридеревенского оборота. И тем не менее средние ежегодные фонды товарного зерна в России составляли в 1890–1895 гг. более 550 млн пудов (8.8 млн т), 1896–1900 гг. – более 919 млн (14.7 млн т), 1901–1905 гг. – 1237 млн (19.8 млн т), 1906–1910 гг. – 1339 млн (21.4 млн т) и в 1911–1913 гг. – 1317 млн пудов (21.1 млн т). Цифры эти несколько занижены, так как не учтены гужевые перевозки, а за 1890–1900 гг. – и водные²¹.

За четверть века масса товарного зерна увеличилась, по крайней мере, вдвое. Значительная часть ее приходилась на экспорт. Еще в 1880–1890-х гг. Россия экспортировала более половины товарного хлеба. Но внутренний рынок расширялся, и в 1900–1913 гг. уже более половины произведенного на продажу зерна шло на внутреннее потребление: в 1901–1905 гг. – 607.6 млн пудов (50.9%), 1906–1910 гг. – 613 млн пудов (54.2%). В 1911–1913 гг. при общем возрастании товарной массы зерна (672.3 млн пудов) удельный вес поставок на внутренний рынок несколько сократился (49%), что, возможно, было связано с крупным недородом 1911 г.

Хлебные грузы составляли большую часть товарных перевозок. Но в начале XX в. доля их, хотя и медленно, начала сокращаться (см. табл. 2). Приведенные данные свидетельствуют, что при росте абсолютных показателей по всем видам продукции в процентном отношении заметно выросла доля технических культур и несколько сократилась доля хлебных грузов, особенно продукция животноводства.

В нашем распоряжении нет прямых сведений о распределении товарных излишков сельскохозяйственного производства, шедших на продовольственные нужды промышленного и вообще неземледельческого

²⁰ Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 188, 190.

²¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 30.

населения. Известно лишь, что значительная часть товарного хлеба ввозилась, например, в районы, где по тем или иным причинам собственное производство не удовлетворяло местные потребности. В канун мировой войны из 64 губерний Европейской России (с Польшей и Северным Кавказом) 34 ввозили хлеб и лишь 20, главным образом южные и юго-восточные, имели его в избытке. Причем со специализацией сельского хозяйства, с расширением зоны продуктивного животноводства, ростом производства технических культур, развитием промышленности и т.д. потребность в хлебе потребляющими губерниями возросла с 83.8 млн пудов в год в 1880–1883 гг. до 181.2 млн в 1907–1910 гг., т.е. более чем удвоилась, а его предложение производящими губерниями увеличилось за это время с 356.1 млн пудов до 982.4 млн, т.е. почти утроилось²².

В дореволюционной, советской и постсоветской литературе предпринят ряд попыток определить хлебный баланс России, исходя из расчета потребления важнейших зерновых культур на душу населения. Вычтя из общих сборов зерна в Европейской России экспорт, расходы на посев и поделив остаток на общую численность населения, получим приблизительную цифру среднего душевого потребления (см. табл. 3).

Таблица 2

Стоимость перевезенной железнодорожным и водным транспортом сельскохозяйственной продукции (за вычетом экспорта)

	1901-1905 гг.		1911-1913 гг.	
	в млн руб.	в%	в млн руб.	в%
Хлебных грузов	1 053	54.2	1 359	53.9
Продуктов интенсивного земледелия	437	22.5	684	27.2
Продуктов животноводства	454	23.3	477	18.9
Всего	1 944	100	2 520	100

²² *Огановский Н.П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок. М., 1924. С. 23; *Челищев А.Н.* Перемены в хлебной продукции России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков, 1913. С. 6, 15.

Составлено по: *Огановский Н.П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок. М., 1924. С. 23.

Таблица 3

Средние размеры душевого потребления хлебов населением Европейской России в 1893-1913 гг. (в пудах)*

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Всего зерновых	Всего продовольственных хлебов
1893-1897	10.5	3.9	2.3	5.4	22.1	16.7
1898-1902	10.6	5	2.4	5.6	23.6	18
1903-1907	9.5	5.1	2.5	5.4	22.5	17.1
1908-1912	9.3	5.5	2.7	5.6	23.1	17.5
1909-1913	8.3	6.5	2.6	5.4	22.8	17.4

Составлено по: Производство, перевозки и потребление хлебов в России, 1909-1913 гг. Вып. 1. Пг., 1917. С. VII.

Приведенные данные свидетельствуют, что средние размеры душевого потребления за 20 предвоенных лет держались на одном уровне. Вместе с тем в структуре потребления продовольственных хлебов повысилась доля пшеницы, что говорит о некотором улучшении пищевого рациона населения. Приняв за среднюю норму годового потребления 15–16 пудов на человека, исключив экспорт, расходы на помол, включив в расчеты данные о снабжении сырьем промышленности, исследователи получили следующую картину. В крестьянских хозяйствах в 1880-х гг. оставалось на семена, хозяйственные нужды и потребление 75.8% общего количества зерна; в 1912–1913 гг. – 73.8%. За это же время доля зерна, предназначавшаяся для удовлетворения нужд городского населения, возросла с 6.8 до 9.1%; доля

промышленного сырья в связи с использованием для производства спирта картофеля сократилась с 3.2 до 0.5%²³.

Надо отметить, что по вопросу о потребительской норме и пищевом рационе населения, особенно крестьянства, до сих пор ведутся дискуссии: одни исследователи склонны считать преувеличением выводы о тяжелом продовольственном положении основной массы населения, другие придерживаются традиционных взглядов о постоянном недоедании деревни. Как всегда, истина, видимо, находится где-то посередине.

Следует признать, что взятая экономистами норма потребления в 15-16 пудов была, очевидно, вполне достаточна для городского населения – с учетом более разнообразного пищевого рациона горожан. По самым же минимальным подсчетам, для продовольствия крестьянской семьи требовалось не менее 18 пудов на человека и не менее 7.5 пудов на корм скоту. Таким образом, для простого воспроизводства хозяйству требовалось не менее 25 пудов на душу, что было заметно выше средних душевых сборов продовольственных и кормовых хлебов. Недостаток хлеба крестьяне во все большей степени восполняли картофелем: в 1909–1913 гг. для питания его было использовано

Таблица 4

Среднее душевое потребление важнейших продуктов питания в Москве в 1898-1912 гг. (в пудах)

Продукты	Годы		
	1898-1902	1903-1907	1908-1912
Ржаная мука	6.33	6.29	5.55
Пшеничная мука	4.67	5.16	4.85
Крупа и пшено	2.46	1.66	1.46
Картофель	2.67	2.36	2.48
Мясо	5.12	4.76	4.59
Рыба	1.37	1.31	1.31
Сахар	2.05	1.68	1.98

²³ *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 310; *Попов А.* Хлебофуражный баланс. 1840–1924 гг. // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 37.

Соль	1.15	1.17	1.28
------	------	------	------

Составлено по: Потребление важнейших предметов массового обихода в Москве. Труды статистического отдела Московской городской управы. Вып. IV. М., 1916. С. 45.

около 2.1 млрд пудов, т.е. 12.6 пуда на человека. Как известно, значительная часть крестьян, вынужденная продавать хлеб осенью, затем покупала его весной, но уже по более высокой цене, что весьма важно для определения характера товарности крестьянского хозяйства, в какой-то степени вынужденной. В то же время деревня, несомненно, выиграла в связи с ростом цен на продовольствие, о чем свидетельствуют данные о крестьянских накоплениях в сберегательных кассах, достигшие к кануну войны внушительной суммы.

О продовольственном снабжении крупных городов страны в конце XIX – начале XX в. мы можем судить по данным московской городской управы (см. табл. 4).

За 15 предвоенных лет население Москвы выросло с 1129 тыс. до 1526 тыс. человек. За это время привоз основных продуктов питания в абсолютных цифрах также увеличился по всем показателям, но в расчете на душу населения почти по всем видам продуктов отмечалось снижение потребления. Таким образом, общий подвоз продуктов несколько отставал от прироста населения. Определенную роль в сокращении потребления могло сыграть довольно существенное (более чем на треть) повышение цен. За 1900–1909 гг., например, хлебные изделия подорожали на 32.9%, продукты животноводства – на 34.6%²⁴. Но в целом, видимо, можно сказать, что в Москве, как и в других городах, в то время не ощущалось острой

²⁴ *Сытин П.В.* О вздорожании жизни в России в 1900–1909 гг. и его причинах. М., 1913. С. 9.

продовольственной проблемы, хотя потребление различных слоев населения было весьма различно по ассортименту и качеству.

Снабжение городов продовольствием зависело от ряда факторов, в том числе от их расположения, путей сообщения, уровня развития торговли и промышленности. Вокруг крупных городских центров складывались собственные специализированные сельскохозяйственные зоны, обеспечивавшие горожан продовольствием (овощами, мясом, молочными продуктами и т.п.). В небольших городах, особенно удаленных от путей сообщения, значительная часть жителей, нередко до четверти населения, занималась сельскохозяйственным производством - огородничеством, садоводством и т.п.

Другая часть товарной продукции шла на обеспечение сырьем промышленности, на 2/3 базировавшейся на переработке отечественной сельскохозяйственной продукции. Темпы развития перерабатывающих отраслей легкой промышленности были достаточно высоки: в рассматриваемый период стоимость их продукции увеличилась в несколько раз, что потребовало и соответствующего расширения сырьевого рынка. Одной из ведущих отраслей этого профиля была текстильная промышленность. Стоимость ее продукции увеличилась с 1896 по 1910 гг. с 732.5 млн до 1682.9 млн руб., т.е. почти в 2.3 раза. Здесь лидирующие позиции занимала хлопчатобумажная отрасль – 70% общей стоимости. Вплоть до начала 1880-х гг. текстильные фабрики работали почти исключительно на импортном, главным образом американском хлопке. Затем в Средней Азии и Закавказье начало развиваться отечественное хлопководство, вскоре приобретшее промышленный характер. Вместо местных сортов при активном участии торгово-промышленных фирм, заводивших собственные плантации, интенсивно внедрялся американский хлопчатник. Однако вскоре, видимо, вследствие особенностей и трудоемкости хлопковой культуры, преобладания ручного труда, производство хлопка сосредоточилось в руках мелких производителей-

дехкан, арендовавших небольшие участки земли и получавших у фирм - чаще всего через посредников-торговцев – необходимые кредиты для покупки семян, рабочего скота, продовольствия и т.д. Особый размах хлопководство приобрело с завершением строительства Среднеазиатской и Закавказской железных дорог. За 1888–1914 гг. посевы хлопчатника увеличились почти в 7.5 раз (с 68.5 тыс. до 508.4 тыс. десятин), валовые сборы хлопчатника-сырца – почти в 12.5 раз (с 2.27 млн до 28.8 млн пудов). В производящих регионах появились хлопкоочистительные и маслобойные предприятия – совершенно новые для этих регионов отрасли промышленности. Но все же собственная сырьевая база для хлопчатобумажной промышленности оставалась недостаточной. Малопроизводительный труд дехкан, малоземелье, недостаточное орошение, ростовщически-кабальные условия кредита - все это не давало возможности поставить хлопководство на широкую промышленную основу. Доля отечественного хлопка составляла в 1890 г. 23.8%, а в 1910 г. – 50.9% переработанного сырья²⁵.

Вторая по стоимости произведенной продукции отрасль, шерстяная (стоимость продукции здесь за то же время увеличилась со 187.5 тыс. до 306.7 тыс. руб.), также работала в основном на импортном сырье. Причина была в том, что рунное овцеводство в ряде районов страны было вытеснено зерновым производством и хлопчатником. В результате тонкая шерсть почти на % ввозилась из-за границы. На импортном сырье работала и шелковая промышленность, хотя для разведения шелковичных червей в стране имелись необходимые условия. Но в связи со слабым развитием шелкомотальных предприятий выращенные коконы отправлялись во Францию и лишь затем в качестве полуфабриката вновь попадали в Россию, что значительно удорожало производство. Зато льняная отрасль, продукция которой вытеснялась более дешевыми хлопчатобумажными тканями, хотя и увеличила производство в 2.7

²⁵ Хромов П.А. Указ. соч. С. 23.

раза, не использовала в полной мере имеющееся сырье, которое во все больших размерах вывозилось за границу.

В пищевой промышленности сравнительно высокой организацией и крупными объемами производства выделялись мукомольная, свеклосахарная и винокуренная отрасли. Мукомольное производство начало приобретать промышленный характер лишь с начала 1880-х гг., что было связано с внедрением паровых двигателей. До этого оно в силу сравнительно небольшого спроса, сложностей с перевозкой зерна представляло собой мелкое, по преимуществу сугубо местное ремесленное производство (водяные, ветряные мельницы и крупорушки). В 1880 г. насчитывалось всего 312 паровых мельниц. Затем число их стало быстро расти: в 1890 г. их было уже 862, а к 1908 г. – 2416. Но еще в начале XX в. здесь преобладали мелкие предприятия, перерабатывавшие зерно для местного потребления. Всего к этому времени насчитывалось 14.4 тыс. различного рода мельниц и крупорушек, которые перерабатывали 1286.2 млн пудов зерна, но лишь немногим более половины (657.3 млн пудов) приходилось на промышленные предприятия. Последние вели и крупную хлебную торговлю, закупая зерно на рынках и получая его по заключенным с производителями контрактам.

Примерно такое же положение было в винокурении, где также преобладали сельские винокуренные заводы, принадлежавшие преимущественно помещикам. В 1893 г. насчитывалось 2097 заводов, из которых только 189 представляли собой предприятия промышленного типа. Все вместе они производили 77089 ведер спирта (1 ведро – 0.123 гектолитра). К 1913 г. общее количество заводов увеличилось до 3029. Число же промышленных предприятий уменьшилось до 159, но в техническом отношении они стали значительно мощнее и совершеннее. Общее производство спирта возросло до 139475 ведер. В 1870–1880-х гг. заводы использовали в качестве сырья около 3% товарного зерна (72–85 млн пудов). Затем основным сырьем стал картофель. Большую часть его поставляли

заводские плантации: в середине 1890-х гг. – 2%, а к 1913 г. – более 85%²⁶.

Сахарное производство требовало вложения крупных капиталов, а поставляемое сырье должно было отвечать определенным кондициям. В этой отрасли традиционно сильны были позиции помещиков-латифундистов, сумевших модернизировать старые заводы. Внедрение паровых двигателей, новых технологий (диффузии вместо прессования) увеличило производительность труда примерно втрое. Господствующие позиции здесь принадлежали сравнительно небольшому числу предприятий (в 1894 г. – 228, в 1913 г. – 293), при которых были крупные свекольные плантации. За предвоенные 20 лет общие площади посевов сахарной свеклы выросли с 311 тыс. до 669 тыс. десятин (в 2.1 раза), общие сборы - с 33.6 млн до 75.3 млн берковцев (в 2.2 раза)²⁷. Заводские плантации давали около трети необходимого сырья, около половины поставляли окрестные помещичьи экономии, остальное закупалось у крестьян, главным образом через кооперативы, которые заводы снабжали кредитом, семенами, удобрениями, а при необходимости и техникой.

В целом можно считать, что ведущие отрасли пищевой промышленности были в достаточной мере обеспечены сырьем. То же самое можно сказать и о табачной, маслобойной, пивоваренной, крахмальной и других отраслях. Анализ их развития показывает прогрессивное воздействие промышленности на сельское хозяйство в плане его интенсификации, внедрения новых культур, передовых технологий, обеспечения кредитами и т.д. Однако важными факторами, тормозившими развитие как перерабатывающих отраслей, так и самого сельского хозяйства, оставались отрыв значительной части сырьевой базы от промышленных центров, плохое состояние путей сообщения, особенно местных, слабое развитие предприятий

²⁶ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1909. С. 132; Пг., 1910. С. 155; Пг., 1914.

²⁷ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1908. С. 48; Пг., 1917. С. 145; *Огановский Н.П.* Указ. соч. С. 40.

по хранению, сортировке, первичной обработке сельскохозяйственной продукции, низкий уровень организации торговли. Крайне негативно это сказывалось на состоянии животноводства и мясомолочной промышленности. Отрасли по переработке продуктов животноводства долгое время оставались на стадии мелкого ремесленного производства. Но и с формированием промышленного рынка развитие их сдерживалось отсутствием холодильных установок, условиями перевозок, слабой базой консервирования продуктов. Маслоделие и сыроварение использовали всего около 20% молочной продукции. Даже после постройки важнейших железных дорог, связавших экспортные центры и потребляющие регионы с производящими, крайний недостаток вагонов-рефрижераторов сдерживал как производство, так и переработку, и реализацию этой важной продукции. То же самое можно сказать и о скоропортящихся продуктах садоводства и огородничества. Не была обеспечена собственным сырьем кожевенная отрасль, в значительной мере ориентированная на импорт кож из Германии. Зато мощности крахмальных заводов не отвечали возможностям сырьевой базы²⁸.

Являясь основным поставщиком сырья и продовольствия для неземледельческих сфер экономики, аграрный сектор являлся и крупнейшим потребителем промышленной продукции, во многом определяя объем и структуру как рынка сбыта, так и самого промышленного производства. Спрос деревни был двояким - потребительским и производственным. Оба они определялись как платежеспособностью потребителей, так и уровнем развития самой промышленности.

Итак, произведенная промышленностью продукция, стоимость которой в 1913 г. составляла около 6.5 млрд руб., в подавляющей части реализовывалась внутри страны. Причем тяжелая индустрия - главный поставщик товаров производственного назначения, являлась и основным

²⁸ См: Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918. С. 78.

потребителем своей продукции. В конце XIX – начале XX в. 70–75% произведенного металла использовались для нужд самих предприятий и железных дорог и лишь 25–30% шло на массовый, в основном городской рынок. В целом потребление металла в стране на душу населения было крайне низким. И хотя этот показатель за 1880–1913 гг. вырос в 6 с лишним раз (с 0.28 до 1.7 пудов), Россия в этом отношении далеко отставала от передовых западных стран.

Откликаясь на потребности сельского хозяйства, в промышленности уже в конце XIX в. начала формироваться специальная отрасль сельскохозяйственного машиностроения. К 1914 г. в России было уже 514 предприятий такого профиля. Правда, большинство из них представляло собой мелкие заведения, выпускавшие простейшие сельскохозяйственные орудия и занимавшиеся ремонтом техники. Крупных предприятий было около 100, но они давали 85% всей продукции этой отрасли. В целом же отечественное сельскохозяйственное машиностроение, потреблявшее, кстати, всего 7-8% металла, далеко не удовлетворяло спрос, который почти наполовину покрывался импортом. За рассматриваемый период стоимость реализованной в стране сельскохозяйственной техники и орудий возросла почти в 15 раз – с 7.9 млн руб. в 1879 г. (импорт – 4 млн, внутреннее производство – 3.9 млн руб.) до 116.2 млн руб. в 1912 г. (импорт – 63.5 млн, внутреннее производство – 52.6 млн руб.)²⁹. Потребителями машин являлись, как правило, капитализированные помещичьи экономии, а также зажиточные крестьянские хозяйства, в основном южных и юго-восточных губерний и Сибири. Основная масса крестьян приобретала сравнительно дешевые простейшие орудия (вилы, косы, грабли, серпы и т.п.), в лучшем случае плуги. Судя по проведенной в 1910 г. переписи, из 14 млн орудий для вспашки железные плуги и другой усовершенствованный инвентарь составляли всего 33.7%, из 17.5 млн борон полностью железных было около 2%,

²⁹ *Измайлова Е.И.* Русское сельскохозяйственное машиностроение. М., 1920. С. 13.

сельскохозяйственных машин разного назначения насчитывалось около 2.7 млн штук на примерно 15 млн хозяйств³⁰. Не обеспечивала отечественная промышленность и спрос на искусственные удобрения, потребность в которых особенно выросла со второй половины 1900-х гг. Спрос на минеральные удобрения в виду их дороговизны и финансовой маломощности деревни был сравнительно невелик, но и он покрывался внутренним производством, хотя и выросшим за предвоенное пятилетие почти в 2.5 раза, менее чем на треть. В 1912 г. из 46 млн пудов реализованных удобрений внутри страны было произведено только 13 млн пудов, т.е. 28.3%³¹.

Что же касается потребительского спроса на промышленную продукцию, то и в этом плане ее реализация сдерживалась сравнительной узостью деревенского рынка. Несмотря на быстро прогрессирующий процесс разрушения фабричным производством натурального характера крестьянского хозяйства, его специализации и отделения промыслов от земледелия, общий объем потребительского рынка был явно недостаточен. В результате даже текстильные фирмы вынуждены были искать внешние рынки, экспортируя свою продукцию в страны Ближнего и Дальнего Востока (Китай, Персию). Всего же, по подсчетам С. Маслова, в 1912 г. крестьяне, составлявшие 3/4 населения страны, приобрели промышленных товаров на 1.75–2 млрд руб., что составляло лишь около 30% стоимости произведенной продукции³².

Своеобразной была ситуация с сельским рынком для продуктов пищевой промышленности. Крупные, промышленного типа мукомольные предприятия реализовывали свою продукцию в основном в городах и промышленных центрах. Крестьяне же закупали недостающий им для продовольствия хлеб в виде зерна и поставляли его для помола на мелкие местные предприятия сельского типа, что значительно сужало

³⁰ Сельское хозяйство России в XX в. С. 130.

³¹ Хромов П.А. Указ. соч. С. 410.

³² Маслов С. Возрождение России и крестьянство // Крестьянская Россия. Ч. II–III. Прага, 1923. С. 66.

рынок сбыта для промышленности. В сахаро-рафинадной отрасли поставки продукции на внутренний рынок определялись не столько спросом, сколько политикой предпринимателей и государства. Здесь с 1887 г. функционировало объединение сахарозаводчиков картельного типа (в него входили 206 из 226 предприятий), которое нормировало производство для каждого завода и устанавливало норму для реализации продукции на внутреннем и внешнем рынках. Целью соглашения было поддержание цен на сахар на достаточно высоком уровне. С середины 1890-х гг. эту функцию взяло на себя государство. В винокуренной промышленности предприятия фактически вообще не имели дело со свободным рынком, так как торговля была полностью монополизирована казной. Важным фактором воздействия аграрного сектора на процесс развития промышленности являлось создание рынка рабочей силы и формирования кадров промышленных рабочих. Ядро индустриального пролетариата на первых порах составляли рабочие мануфактур, ремесленники, имевшие необходимые навыки, опыт и знания. Но в условия бурного роста промышленности этот контингент не мог покрыть нехватку рабочих кадров. В начале 1860-х гг. в крупной промышленности было занято 674 тыс. рабочих, к 1880 г. численность их выросла примерно до 1 млн. Еще через 20 лет их было уже около 3 млн, а с учетом рабочих мелкой промышленности, строителей и т.д. – более 8 млн человек. К 1914 г. в неземледельческих сферах экономики оказалось занято 11.7 млн рабочих, в том числе в крупной промышленности и на транспорте – около 4 млн³³. К тому времени уже значительную часть пополнения (до 40%) давали семьи потомственных рабочих, но они не могли покрыть потребность в рабочей силе.

Важнейшим источником пополнения рынка рабочей силы была и оставалась деревня. Уже в результате реформы 1861 г. были обезземелены и фактически пролетаризированы около 4 млн крестьян. Масса эта быстро

³³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 191–192; Рабочий класс России в 1907–1917 гг. М., 1982. С. 39, 42.

росла, пополняясь к тому же многомиллионной армией крестьян, уходивших на неземледельческие заработки, но сохранявших связь с землей. Несмотря на обширность рынка и избыток свободных рабочих рук, в стране сложилась парадоксальная на первый взгляд ситуация. С одной стороны, предприятия постоянно испытывали нехватку рабочих кадров, а с другой - промышленность и город в целом не могли утилизировать всю резервную рабочую силу. В ходе официального обследования, проведенного в начале 1900-х гг., было установлено, что в деревнях центральных губерний Европейской России существует скрытое аграрное перенаселение: численность «лишних» рабочих рук власти определили в 23 млн душ³⁴. Несмотря на высокие темпы развития промышленности и бурный рост городов эта масса продолжала увеличиваться, достигнув, по расчетам А.М. Анфимова, колоссальной цифры – 32 млн³⁵. Таким образом, резервная армия труда почти втрое превысила численность всех рабочих, занятых в неземледельческих сферах. Это обстоятельство, давившее на рынок труда, было одним из существеннейших факторов, обусловивших крайнюю дешевизну рабочей силы в России и усугублявших невысокую в целом покупательную способность населения. С другой стороны, оно же явилось одной из причин, тормозивших технический прогресс в промышленности и сельском хозяйстве.

Наконец, важным фактором взаимодействия отраслей экономики являлся процесс накопления и перемещения капиталов. Аграрный сектор давал значительную часть свободных средств. Одним из существенных каналов их поступлений была экспортная торговля. Если в первое

³⁴ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903. С. 16, 249.

³⁵ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969. С. 371. По данным «Комиссии Центра», эта цифра для губерний центральной России составляла 23 млн человек. Ряд исследователей считает, что эти расчеты чрезмерно завышены.

пореформенное 20-летие внешнеторговым дефицитом были отмечены 11 лет, то впоследствии вплоть до начала Первой мировой войны (за исключением 1899 г.) для внешней торговли России было характерно положительное сальдо. Правительство последовательно придерживалось курса на увеличение экспорта. Нужды промышленного развития страны требовали ввоза машин, станков, металла, хлопка, красителей и т.д., что требовало форсированного поступления валюты. Валюта необходима была и для платежей по зарубежным займам. В целом внешнеторговый оборот России за 1861-1913 гг. вырос в 8.4 раза, в том числе за 1881–1913 гг. – в 2.8 раза, достигнув в канун войны объема 2.9 млрд руб. (1.5 млрд руб. – вывоз и 1.4 млрд – ввоз)³⁶. При этом сельскохозяйственная продукция в стоимости экспорта составляла 75-80%. Первое место в ее структуре занимал хлеб. В первое пореформенное пятилетие хлебные грузы (пшеница, рожь, овес, ячмень, мука, отруби) составляли в общей стоимости экспорта около 33% (301 млн руб.). Затем этот показатель значительно возрос, превысив в 1880-х гг. половину стоимости всего вывоза (в среднем 52.3%). В дальнейшем он постоянно колебался – от 34.5% в 1892 г. до 57% в 1894 г., отражая колебания хлебных цен на мировом рынке.

Экспорт зерновых рос быстрее их сборов. В результате, если в 1861-1865 гг. Россия вывозила около 4–5% собранного урожая (в среднем 86.2 млн пудов), то в 1896–1900 гг. – около 15% (по 444.2 млн пудов). В 1910 г. экспорт хлеба составил 847 млн пудов (18% сбора), а его ценность за предвоенное пятилетие (1909–1913 гг.) превысила 3.4 млрд руб., т.е. в среднем составляла более 675 млн руб. ежегодно. Второе место в структуре сельскохозяйственного экспорта занимал лен, затем семена масличных культур, пенька, шерсть и т.д. С середины 1870-х гг. и особенно в период предвоенного промышленного подъема на 2-3 место вышел вывоз древесины.

³⁶ Хромов П.А. Указ. соч. С. 472–475. Табл. 16.

В целом в 1913 г. весь экспорт сельскохозяйственных продуктов оценивался в сумму около 1.2 млрд руб., т.е. составлял 78.8% всей стоимости экспорта³⁷.

Другим каналом поступления средств для развития и модернизации промышленности, а отчасти и самого сельского хозяйства, служила ипотечная кредитная система, сформировавшаяся в основном в 1870–1880-х гг. Уже в 1885 г. общая задолженность частного землевладения составила сумму в 650.8 млн руб. Через 10 лет в кредитных учреждениях было заложено 48.4 млн десятин земли (42% общей площади частного землевладения), выданные под залог земли ссуды превысили 3.9 млрд руб. В 1914 г. заложено и перезаложено было уже 66.5 млн десятин (60% частного землевладения), сумма выданных ссуд составила более 3.9 млрд руб., а остаток капитального долга равнялся 3.7 млрд руб. В целом объем выданных ипотечных ссуд превышал общую сумму акционерных капиталов, функционировавших в промышленности. На 1 мая 1914 г. последние оценивались в 3.4 млрд руб.³⁸ Ссуды выдавались из сумм, полученных от реализации закладных листов ипотечных банков, посредством которых мобилизовывались свободные капиталы. К 1913 г. из общей стоимости биржевых ценностей, оценивавшихся в сумму около 21 млрд руб., на государственные ипотечные бумаги (Дворянского и Крестьянского банков) приходилось 2 млрд (9.6%), стоимость закладных свидетельств акционерных земельных банков составляла 3 млрд (14%), а на долю иностранных капиталов приходилось 10% номинальной стоимости всех государственных ипотечных бумаг, находившихся в обращении³⁹. Значительную сумму составляли и средства, мобилизованные в качестве вкладов учреждениям и мелкого кредита, в основном сельскими кредитными кооперативами, которые за предвоенное пятилетие выдали своим членам в качестве ссуд, в том числе и на

³⁷ Хромов П.А. Указ. соч С. 253, 486–487.

³⁸ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1988. С. 20–21; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 234.

³⁹ Проскурякова Н.А. Земельные банки в России. М., 2000. С. 260.

производственные
2.5–3 млрд руб.⁴⁰

цели,

около

В нашем распоряжении нет прямых данных об использовании капиталов, полученных от экспорта и в качестве ипотечных ссуд. Однако ясно, что поступив в сферу обращения, полученные средства так или иначе вовлекались в различные отрасли народного хозяйства. В частности, ипотечный кредит в своей существенной части опосредовал процесс мобилизации земли. Часть его использовалась непосредственно для реорганизации старых и строительства новых предприятий или для покупки ценных бумаг, пополняя капиталы акционерных предприятий и фирм, другая часть шла на модернизацию частновладельческих имений. Проведенный Н.А. Проскуряковой анализ отчетов Дворянского земельного банка показал, что удельный вес клиентов, использовавших ссуды в производительных целях в своих хозяйствах или заложивших имения «для помещения капиталов в промышленные предприятия или вообще для извлечения из капитала более высокого дохода», в 1914 г. составлял примерно 55%⁴¹. В то же время, распространенное представление о сельском хозяйстве России как о едва ли не основном источнике средств для финансирования государством индустриализации остается спорным. По крайней мере, при анализе государственного бюджета эта связь не прослеживается.

Итак, динамика развития сельского хозяйства затрагивала все стороны этой важной отрасли, отражаясь и в росте посевных площадей, и в продуктивности использования ресурсов, и в увеличении объемов продукции, и в специализации хозяйств, и в повышении их товарности. Побудительные мотивы к капиталистической перестройке имелись и в самой отрасли, и в еще большей степени – в запросах и влиянии торгово-промышленной сферы. В этом плане в чем-то был прав С.Ю. Витте, рассчитывавший на активнейшую роль промышленности и транспорта в развитии сельского хозяйства. В то же

⁴⁰ Корелин А.П. Указ. соч. С. 170.

⁴¹ Проскурякова Н.А. Указ. соч. С. 271.

время, ни промышленность, ни сельское хозяйство пока еще не могли в сколько-нибудь достаточной мере удовлетворить свои потребности за счет внутренних ресурсов. Были сделаны лишь первые шаги и в процессе формирования агропромышленных комплексов. Более того, народное хозяйство лишь начало преодолевать внутреннюю разбалансированность, явившуюся результатом реформ и правительственной политики. В частности, виттевская индустриализация коснулась, в основном, крупной промышленности, менее всего связанной с сельским хозяйством и массовым рынком, мелкая и кустарная промышленность фактически были предоставлены заботам земств, не располагавших сколько-нибудь серьезными материально-финансовыми ресурсами. За общими, агрегированными показателями, свидетельствующими о достаточно динамичном развитии аграрного сектора в целом, стояли и удручающие по своим характеристикам данные о состоянии сельского хозяйства по отдельным регионам, главным образом в старых традиционных земледельческих губерниях.

Для аграрного сектора характерной оставалась социально-экономическая мозаичность, многоукладность, нашедшая наиболее яркое воплощение в симбиозе помещичьих и крестьянских хозяйств. Оба типа хозяйств с большим трудом адаптировались к рыночным отношениям. Помещичьи экономии, несмотря на правительственную поддержку, лучшую техническую оснащенность и более высокую товарность, постепенно сдавали свои позиции на рынке. Доля помещичьих посевов за пореформенные 50 с лишним лет сократилась с 21.9 до 11.3%, удельный вес производимого помещиками товарного хлеба упал с 50 до 21.6%⁴². Крестьянское хозяйство все более занимало доминирующие позиции и в производстве, и на рынке. Но при этом оно оставалось мелко товарным. По подсчетам С.Н. Прокоповича, к 1913 г. в Европейской России товарность зерновых составляла всего 27.5%, технических культур – 51.9,

⁴² Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. С. 116.

картофеля – 19, продуктов садоводства и огородничества – 18, продуктов животноводства – 33, лесоводства – 23.3%⁴³. В ходе реализации столыпинской реформы правительство рассчитывало поднять продуктивность крестьянских хозяйств не только путем ликвидации общины и насаждения хозяйственных собственников, но и увеличив расходы на их поддержку и создание специфической сельскохозяйственной инфраструктуры (элеваторов, зернохранилищ, складов, местных дорог и т.п.). Правда, расходы эти были далеки от растущих потребностей деревни: за 1908–1912 гг. они составили всего 310.9 млн руб. Вместе с тем все более ощущалось и прогрессивное влияние на состояние сельского хозяйства торгово-промышленной сферы (рост рынков сбыта и насаждение новых сельскохозяйственных культур, более широкое распространение контрактной системы с предоставлением кредитов, техническим и агрикультурным содействием, и т.п.).

Анализ состояния и тенденций развития российской экономики в начале XX в., представленный в докладной записке от 12 июля 1914 г. правительству Советом съездов представителей промышленности и торговли, достаточно ярко рисует ситуацию, сложившуюся в народном хозяйстве России накануне Первой мировой войны: «Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого еще только намечаются, но не поддаются учету. В промышленности, после ряда лет кризиса и застоя, начался сильный подъем и оживление. Но в то же время выяснилось, что этот подъем недостаточен, что спрос на продукты промышленности в целом ряде отраслей растет быстрее предложения, и, неудовлетворенный внутренним производством, покрывается иностранным ввозом. Вместе с тем обнаружилось, что не только в промышленной области, но и в производстве

⁴³ Опыт исчисления народного дохода... С. 72, 78.43 Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса». Представлена правительству 12 июля 1914 г. Пг., 1914.

сырья, поставщиком которого является, главным образом, сельское хозяйство, наблюдается недостаток, и ввоз хлопка, шерсти, сала, шелка и других продуктов растет в громадной прогрессии. С достаточной полнотой выяснилось, что только в годы высоких урожаев и высоких цен на хлеб, главный продукт нашего вывоза, страна обеспечена торговым балансом в нашу пользу, что при наличии громадной заграничной задолженности является необходимым условием устойчивости денежного обращения». Далее отмечалось, что торговый баланс за последние годы имеет тенденцию к уменьшению и что ситуация эта не поддается прогнозированию, так как «урожаи хлебов и технических культур дают картину постоянных колебаний вверх и вниз, совершенно неизвестных в других странах». Вместе с тем авторы записки выражали надежду, что в ближайшие 20-30 лет страну ждут крупные перемены и что условием достижения экономического успеха должно стать «предоставление широкого поприща личной инициативе и отсутствие ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности». По их сведениям, за последние 3 года прилив капиталов в промышленность увеличился более чем на 1.5 млрд руб. Тем не менее, признав за сельским хозяйством приоритет в обеспечении устойчивости экономического развития страны, руководители крупнейшей предпринимательской организации вновь высказались за продолжение политики покровительства в отношении отечественной промышленности, «за твердую охрану таможенного тарифа», «не останавливаясь ни перед какими затруднениями и неудобствами»⁴⁴.

Таким образом, конфликт интересов в важнейших отраслях экономики, наметившийся еще в царствование Александра II и получивший политико-экономическое обоснование при Александре III, не был исчерпан, что не могло

⁴⁴ Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса». Представлена правительству 12 июля 1914 г. Пг., 1914.

не сказываться на здоровом, сбалансированном развитии народного хозяйства страны.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № _ 2022 г

Автор В.Никулин

Страниц 22

Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. В.Никулин

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: nikuliny@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03. 2022 г

**Неземледельческие промыслы в хозяйстве крестьян северо-западных
губерний России во второй половине XIX – начале XX века**

*Валерий Никулин, ФГАОУВО «Балтийский федеральный университет имени
Иммануила Канта» (г. Калининград)*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования неземледельческих промыслов крестьян в пореформенный период в территориальных рамках северо-западного региона Российской империи, включавшего Новгородскую, Псковскую и Санкт-Петербургскую губернии. Дана общая характеристика промысловой деятельности крестьян в период бурного становления и развития буржуазных отношений в экономике страны во второй половине XIX – начале XX столетия. Объектами изучения стали наиболее значительные местные промыслы крестьян, а также отходничество земледельцев. Исследованы факторы, определявшие динамику развития промыслов, место промысловых доходов в бюджете крестьянского хозяйства, прослежена эволюция и направленность отходничества, охарактеризовано влияние промыслов на социально-экономическое положение северо-западной деревни. Такой подход позволил выявить как общие тенденции, так и особенности развития крестьянских местных и отхожих промыслов в северо-западной деревне на протяжении длительного отрезка времени, определить местную специфику трансформации промыслов. Статья написана на основе обширного корпуса как опубликованных, так и архивных материалов, значительная часть которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова: Северо-Запад России; вторая половина XIX – начало XX века; крестьянство; крестьянские местные лесные промыслы; железоделательные промыслы; рыболовство; судостроительный промысел; отходничество; бюджет.

Новгородская, Псковская и Санкт-Петербургская губернии входили в Северо-Западный (в некоторых источниках – Приозерный) район Российской империи. Для него присуще было слаборазвитое зерновое производство, преобладание льноводства и мясомолочного животноводства. Три северо-западные губернии находились в наиболее лесистом районе Европейской России, для них была характерна неоднородность природно-географических условий, что в решающей степени определяло возможности развития сельского хозяйства. Климат характеризовался умеренно теплым летом и продолжительной, неустойчивой и с частыми оттепелями зимой. Тёплый период начинался с первой декады апреля и продолжался до конца октября, т.е. в среднем 205–220 дней. Частые природные аномалии – заморозки в конце мая и даже в первой декаде июня, ранние осенние заморозки, бесснежная с сильными морозами зима и др. – крайне отрицательно влияли на сельское хозяйство крестьян северо-западного региона страны.

Почвы отличались разнообразием, что было обусловлено особенностями рельефа, наиболее широко были представлены подзолистые, глинистые и суглинистые, а также болотистые почвы¹. Из-за низкой урожайности зерновых культур земледелие не могло обеспечить крестьян хлебом. Как отмечали земские исследователи «широкое развитие промысловой деятельности населения является неизбежным следствием такого положения вещей»². Известный публицист и исследователь крестьянской жизни Я.В. Абрамов в работе о положении крестьянского хозяйства в Шлиссельбургском уезде, констатировал, что «заработки от промыслов составляют более 2/5 общего бюджета средней крестьянской семьи»³. В 1898 г. один из земских корреспондентов писал из Доможировской волости Новоладожского уезда Петербургской губернии, что крестьяне д.

¹ *Рябченко А.Е.* Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. Т. 1. СПб., 1913. С. 20–25.

² Материалы по статистике народного хозяйства Санкт-Петербургской губернии. Вып. 7. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. СПб., 1892. С. 216.

³ Материалы по статистике народного хозяйства Санкт-Петербургской губернии. Вып. 2. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. СПб., 1882. С. 218.

Фомино живут главным образом неземледельческим заработком мужчин, «земледелием же занимаются исключительно женщины и подростки мужского пола»⁴.

Скудость земли и суровые природные условия издавна вынуждали крестьян прибегать к неземледельческим занятиям, способствовали развитию промысловой деятельности земледельцев. Некоторые из промыслов были распространены по всей территории губернии (лесные, судовой и рыболовный), другие (железоделательные, гончарный, плитный и пр.) имели ярко выраженный кустовой характер. Все они в большей или меньшей степени были связаны с другими промыслами.

Наличие больших массивов леса, месторождений глины, плитняка, многочисленные реки и озёра обусловили широкое распространение лесных, судового, гончарного, рыболовного и др. промыслов. Занятия различными промыслами, диктуемые условиями жизни крестьян северо-западной деревни, сопровождалась все большим отрывом крестьян от земледелия. Фактически происходил разрыв между сельскохозяйственным трудом крестьян и промысловыми занятиями.

Промысловая жизнь крестьян складывалась из работы в местах постоянного проживания земледельцев, а также на стороне – в отходе. Поэтому в источниках и литературе все неземледельческие занятия крестьян рассматривались либо как местные, либо как отхожие промыслы. Разумеется, подобное деление достаточно условно. Как писал в связи с этим известный земский статистик В.И Яковенко разделение промыслов на местные и отхожие «имеет весьма условное значение: по отношению к волости отходом следует считать всякую более или менее продолжительную работу в другой соседней волости; по отношению к уезду работа в другом уезде и т.д.»⁵. В литературе

⁴ Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1898 год. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1897-1898 сельскохозяйственном году. СПб., 1899. С. 110.

⁵ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 7. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. СПб., 1892. С. 226.

встречаются различные определения, характеризующие неземледельческую деятельность крестьян: «ремесло», «мелкая сельская промышленность», «местные промыслы», «отхожие промыслы», «кустарная промышленность». Чаще всего используются термины «местные и отхожие промыслы», а также «кустарная промышленность».

Терминологическая неопределённость объекта изучения земскими статистиками при исследовании промыслов, была отмечена известным историком П.Г. Рындзюнским⁶. Для самого историка определение «кустарная» промышленность являлось синонимом термина «крестьянская» промышленность⁷. К.Н. Тарновский считал, что под мелкой кустарной промышленностью «понимается работа товаропроизводителя на рынок, непосредственно или через скупщика»⁸. В статье Э.Г. Истоминой дано близкое по содержанию и форме определение мелкой кустарной промышленности «...под сельскими (кустарными) промыслами понимается работа товаропроизводителя на рынок, непосредственно или через скупщика...»⁹. К данному определению близка дефиниция «кустарная промышленность», сформулированная в одном из последних справочных изданий по социально-экономической истории дореволюционной России. По мнению Г.Р. Наумовой кустарная промышленность это «мелкое крестьянское товарное производство, ориентированное на рынок»¹⁰. «Большая энциклопедия» содержит свою формулировку термина, где под промыслами значатся: «кустарные ремесла, мелкое ручное производство промышленных изделий, господствовавшее до появления крупной машинной индустрии»¹¹.

⁶ *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е г. XIX в.). М., 1966. С. 33.

⁷ *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е г. XIX в.). М., 1966. С. 9.

⁸ *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России: историко-географические очерки. М., 1995. С. 9.

⁹ *Истомина Э.Г.* Традиционные сельские промыслы в России // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 225.

¹⁰ *Наумова Г.Р.* Кустарная промышленность // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 1188.

¹¹ Промыслы народные // БЭ: в 62 т. Т. 39. М., 2006. С. 313.

Выделяя главное, можно утверждать, что два основных признака характеризуют крестьянское мелкотоварное производство. Прежде всего, это производство самостоятельного производителя, связанного с рынком непосредственно или опосредованно – через скупщика. Далее – это, преимущественно, промышленность обрабатывающая, в отличие от добывающей. В статье термины «промыслы», «мелкая крестьянская промышленность» и «кустарная промышленность» будут использоваться как синонимы для обозначения занятий крестьян, включавших в себя заготовку различного сырья (леса, глины, каменных плит и т.п.), обработку различных материалов и изготовление продукции для реализации на рынке самостоятельно или с помощью скупщика.

Современниками была замечена тенденция превращения промыслов из простого подспорья для крестьянских хозяйств в главный источник для существования земледельцев. «Занятие одним сельским хозяйством не всегда и не везде обеспечивало крестьянство, – писал известный исследователь крестьянской жизни Н.В. Пономарёв, – поэтому во многих местностях России, особенно при малоземелье и скудости почвы, крестьяне в свободное от полевых работ время занимались с промышленной целью различными домашними («кустарными») ремёслами. Эти занятия давали населению в общей сложности значительный заработок, служивший подспорьем, а иногда даже единственным средством для существования крестьянской семьи»¹².

Сложные природно-климатические условия северо-западных губерний сказывались на земледельческих занятиях крестьян. По мнению академика Н.М. Дружинина «... обилие рек и озер, северные ветры, короткий летний период, местами глинистая, местами каменистая почва, не позволяли получать хороший урожай хлеба». В качестве примера он привёл ситуацию в Псковской губернии, где в течение 20 лет было 13 неурожаев и в среднем удавалось

¹² Пономарёв Н.В. Кустарные промыслы в России. СПб., 1900. С. 3: См. также: Василев И.И. Положение крестьян Псковоградской волости, как земледельцев, в 1881 году. Псков, 1882. С. 8-10.

собрать от 2,5 до 3,5 зерна на одно зерно посева. В результате в губернии «... хлеба всегда доставало и его приходилось прикупать на ярмарках и базарах»¹³.

Происходило сокращение площади крестьянских наделов в губернии. Если размер надела на одну душу м.п. составлял перед отменой крепостного права 4,7 дес., то к 1880 г. он уменьшился до 3,5 дес., а к 1900 г. – до 2,6 дес. земли¹⁴. Малоземелье, тяжесть податей и недоимок, хронические неурожаи вели к тому, что земледелие не покрывало и половины обычных годовых расходов крестьянского хозяйства¹⁵. Чтобы свести концы с концами, крестьяне вынуждены были обращаться к промыслам. Заметной особенностью промыслов в Псковской губернии было то, что они, как правило, не выходили за пределы земледельческого уклада крестьянского хозяйства. По времени они чаще всего ограничивались лишь зимними месяцами¹⁶.

Исследуя вопрос о платежах, как факторе воздействия на крестьянское хозяйство, Ю.Э. Янсон констатировал, что 1/3 всей рабочей силы в Новгородской губернии «добывала средства круглый год вне своих хозяйств»¹⁷. «... крестьянин Псковской губернии, – писал в одной из статей секретарь редакции «Вестник Псковского губернского земства» А.А. Пыпин, – никогда не извлекает всех необходимых средств для своего существования исключительно из земледелия... крестьянину необходимо кроме обработки земли иметь еще какую-либо другую статью дохода...»¹⁸. Аналогичного содержания картина наблюдалась и в других губерниях Северо-Запада.

¹³ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861-1880 гг. М., 1978. С. 126–127.

¹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 71. Д. 684. Л. 1; Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 76-77.

¹⁵ РГИА. Ф. 1181. Оп. I (XV). Д. 35. Л. 2–9; Ф. 395. Оп. 1. Д. 1107. Л. 8; Ф. 1291. Оп. 36. Д. 251. Л. 100–108; К вопросу о платежных условиях землевладения Псковской губернии. Псков, 1897. С. 9.

¹⁶ Государственный архив Псковской области. Ф. 58. Оп. 2. Д. 371. Л. 1–13.

¹⁷ Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 38.

¹⁸ Пыпин А.А. Кустарные промыслы в Псковской губернии // Вестник Псковского губернского земства. 1889. № 9. Псков, 1889. С. 535.

Во второй половине XIX – начале XX столетия крестьянские неземледельческие промыслы испытывали сильное воздействие бурно развивавшихся в стране капиталистических отношений, которые приносили новые, видоизменяли, а порой и консервировали существовавшие формы мелкотоварного производства. Ярким свидетельством проникновения капиталистических отношений в крестьянские промыслы стали фигуры «раздатчика», «скупщика», «хозяина» и пр.¹⁹

В условиях капитализма производство утрачивало местный характер, мелкий сбыт становился все более затруднительным и невыгодным. В этих условиях проблема приобретения сырья и сбыта продукции приобретала особое значение, поскольку мелкие производители оказывались совершенно беспомощными в условиях рыночной стихии. Если процесс самого производства оставался ещё в руках крестьян, то процесс обмена переходил в руки капиталистов-посредников. Они предоставляли крестьянам возможность работать, снабжая производство всё более дорожавшим сырьем. Одновременно в их руках сосредотачивалась продажа изготовленной продукции. Крестьяне, занимавшиеся промыслом, нередко превращались в наёмных рабочих на дому.

«В крестьянских промыслах, – отметил Д.И. Будаев, известный исследователь истории смоленской деревни, близкой по своим природно-географическим и экономическим условиям к северо-западной деревне, – шел процесс превращения ремесленников в мелких товаропроизводителей и в наёмных рабочих крупной капиталистической промышленности. На базе промыслов возникали предприятия, находившиеся на стадии простой кооперации»²⁰. Можно также констатировать, что деревенская промышленность, с одной стороны, готовила рабочие кадры для крупного фабрично-заводского производства, и в то же время тормозила процесс

¹⁹ Василевский П.И., Шлифштейн Е.И. Очерки кустарной промышленности СССР. М., 1930. С. 138.

²⁰ Будаев Д.И. Крестьяне и крестьянское хозяйство Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Автореф.... дисс. д-ра ист. наук. Смоленск, 1969. С. 26.

перехода обедневших крестьян в ряды наёмных рабочих, задерживая их в деревне.

Промыслы стимулировали рост товарно-денежных отношений, стирали черты патриархальности в деревне и в крестьянской семье. Современники отметили, что в процессе переключения внимания и трудовых усилий крестьян с работы в сельском хозяйстве к занятиям промыслами происходило изменение уклада их жизни²¹. По сути, шёл процесс размывания социального статуса крестьян и изменение социальной идентификации сельских жителей, охарактеризованный в дореволюционной литературе термином «раскрестьянивание». Сами крестьяне понимали двусмысленность своего социального статуса, недаром новгородские сельчане говорили: «Какое наше крестьянство – одно слово крестьянин, а муку покупай с Покрова; зиму поворочаешь пеньё, ну и будешь сыт»²². Причём такая неоднозначность социальной идентификации сельских жителей наблюдалась не только в губерниях столичного региона. Заметным было влияние промыслов (особенно отхожих) на демографическую ситуацию в российской деревне. С неземледельческими занятиями крестьян был непосредственно связан процесс формирования промышленного пролетариата в стране²³.

Заметное место в становлении и динамике промыслов занимал уровень концентрации рабочей силы, наличие или отсутствие сырьевой базы, состояние транспортной системы и инфраструктуры в целом, а также исторически сложившиеся бытовые и производственные навыки населения. Так, по мнению П.Г. Рындзюнского в северо-западных губерниях России «наряду с индустриальными окраинами Петербурга» находились

²¹ *Обухов В.М.* К эволюции сельского хозяйства в Петроградской губернии // Вестник статистики. 1920. № 5–8. С. 51.

²² Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Белозерский уезд. Вып. 3: Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда и частновладельческих усадебных хозяйствах. Новгород, 1912. С. 138.

²³ *Каценельсон С.Г.* О формировании петербургского пролетариата // Пропаганда и агитация. Л., 1948. № 23. С. 17–29; *Китанина Т.М.* Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг. Л., 1991. Гл. II; Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. Гл. 3. § 2.

значительные пространства Новгородской, Псковской и отчасти Петербургской губерний «с весьма отсталым экономическим обликом»²⁴.

Промыслы крестьян различных регионов отличались локальным разнообразием, в основе которого лежали, преимущественно, особенности природно-климатических условий, а также быта и трудовых традиций сельского населения. Немаловажным обстоятельством, влиявшим на состояние крестьянских промыслов, являлось наличие или отсутствие развитой сети сухопутных и водных путей сообщения.

Большие массивы леса, месторождения глины, плитняка, многочисленные реки и озёра обусловили широкое распространение в северо-западных губерниях лесных, судовых, гончарного, рыболовного и др. промыслов. Занятия различными промыслами, диктуемые условиями жизни крестьян сопровождались всё большим отрывом крестьян от земледелия. Фактически происходил разрыв между сельскохозяйственными занятиями крестьян и промыслами.

Чем дальше кустари находились от места сбыта своей продукции, чем больше было посредников, через руки которых проходили кустарные изделия, тем бóльшие денежные потери несли крестьяне. Поэтому хозяева зажиточных крестьянских дворов стремились установить непосредственную связь с покупателями. Используя гужевой транспорт, железную дорогу или суда, они вывозили крупные партии товара на более отдаленные рынки. Так, некоторые тихвинские гончары предпочитали доставлять свою керамику в Санкт-Петербург на собственных лодках. Так было выгоднее, поскольку между крестьянами-кустарями и покупателями их продукции не вставала фигура посредника.

Однако многие крестьяне вынуждены были обращаться к посреднику и в итоге оказывались в зависимости от него. Присоединив к своей торговой

²⁴ *Рындзюнский П.Г.* О социальной и профессиональной структуре сельского населения в конце XIX века // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Ч. I. М., 1982.

деятельности кредитные операции, скупщик становился незаменимым элементом производственно-торговой цепи, без посредничества которого сбыт крестьянской продукции становился невозможным. Чем значительнее было место, занятое промыслом в экономике крестьянского хозяйства, тем прочнее было влияние скупщика. Очень часто крестьяне за свои изделия получали от скупщика деньгами незначительные суммы, а остальное в виде материалов и предметов потребления вынуждены были брать в его лавке по завышенным ценам. Чтобы покрепче привязать к себе крестьян посредники нередко практиковали уплату за них податей.

Купцы-скупщики, игравшие заметную роль в крестьянских промыслах, в пореформенные годы зачастую переставали представлять обособленный торговый капитал. Многие из них превращались в представителей крупного капиталистического производства и эксплуатировали деревенских промышленников, приобретавших фактически новый социальный статус. Таким образом, с одной стороны, неуклонно шел процесс постепенного подчинения мелкого товаропроизводителя торговому капиталу, а с другой стороны – превращение скупщика из агента товарного обращения в промышленника-мануфактуриста.

По реформам 1861, 1863 и 1866 гг. крестьяне различных разрядов северо-западных губерний получили земельные наделы, размеры которых значительно превосходили размеры наделов крестьян Центрального черноземного района²⁵. Однако по сравнению со средней площадью дореформенного надела средний размер пореформенного надела крестьян северо-западной деревни в ходе реформы 1861 г. уменьшился на 27,7 %, или на 2 дес. земли. Крестьяне лишились лучших пахотных земель, сенокосов и выгонов для скота, а также леса²⁶. По мнению С.Г. Кащенко в первое

²⁵ *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 363–367.

²⁶ *Кащенко С.Г.* Реализация реформы 19 февраля 1861 г. на территории Псковской губернии // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права в России. Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сентября 2011 г. Псков, 2011. С. 13, 17; *Кащенко С.Г.* Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. М.; СПб., 2009.

пореформенное двадцатилетие произошло значительное сокращение величины крестьянского надела: по Новгородской губернии на 15,2 %, по Псковской на 17,6 % и по Санкт-Петербургской на 11,3 %²⁷.

В Новгородской губернии в наиболее выгодном положении оказались бывшие государственные крестьяне, средний размер надела которых равнялся 7,2 дес. на душу м. п., за ними шли бывшие удельные крестьяне – 6,1 дес., обеспеченными меньше всех надельной землей оказались бывшие помещичьи крестьяне – 5,7 дес.²⁸ По подсчетам Ю.Э. Янсона, для обеспечения крестьянского населения только одним продовольствием, не считая других расходов, в нечерноземной полосе России необходимо было, чтобы величина душевого надела составляла не менее 8 дес. земли среднего качества²⁹. Из приведённых выше цифр видно, что даже государственные крестьяне, лучше других обеспеченные землёй, получили в среднем наделы далеко не достаточного размера. Крестьяне ежегодно испытывали нехватку хлеба, выращенного на своей земле³⁰. По подсчетам Ю.Э. Янсона из 8 млн 900 тыс. руб. годового дохода новгородских земледельцев более 3 млн расходовались на покупку недостающего хлеба³¹. Необходимый для нормальной жизни хлеб земледельцам приходилось покупать на деньги, заработанные в местных, либо отхожих промыслах.

Бюджет значительной части крестьянских хозяйств северо-западных губерний России в большей или меньшей степени опирался на промысловые заработки, которые для многих земледельцев превращались из случайного

²⁷ *Кащенко С.Г.* Реализация реформы 19 февраля 1861 г. на территории Псковской губернии // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. К 150-летию отмены крепостного права в России. Труды межрегиональной научной конференции 20-22 сентября 2011 г. Псков, 2011. С. 18.

²⁸ *Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг.* // Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 10. СПб., 1886. С. 42–43.

²⁹ *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881. С. 28.

³⁰ Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894. С. XII.

³¹ *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881. С. 38.

приработка в основную часть крестьянского бюджета. Господствующая роль промыслов в экономической жизни крестьянских хозяйств зафиксирована многими современниками и подтверждена материалом земских обследований, проведённых в конце XIX – начале XX столетия. Доходы от промыслов для многих крестьянских хозяйств имели решающее значение, поскольку труд крестьян-промысловиков, приносил больше денег в семейный бюджет, чем земледелие, где были заняты не только мужчины, но и женщины. Поэтому все больше крестьян предпочитали заниматься тем или иным промыслом (часто – отхожим), оставляя земледелие на женщин, подростков и стариков. В связи с этим заметными в деревне становились две тенденции. С одной стороны происходила последовательная деградация земледельческого хозяйства, сохранить которое в стабильном состоянии было невозможно, используя только маломощную рабочую силу, оставшуюся в деревне. С другой стороны существенно менялся социальный статус женщины-крестьянки, становящейся де-факто главой хозяйства. Этот процесс находил свое подтверждение во все более активном участии женщин в мирских сходах.

В то же время сохранение земледельческого крестьянского хозяйства с одновременным занятием каким-либо промыслом гарантировало крестьянам более устойчивый семейный бюджет. Доходы его становились менее зависимыми от колебаний рыночных цен на хлеб, поскольку производился он для непосредственного удовлетворения потребностей крестьянского двора в продовольствии и фураже, а не на продажу. Что касается податей и прочих денежных расходов, то они покрывались в основном за счёт доходов от промысловых занятий крестьян. Все это сохраняло и консервировало потребляющий характер крестьянского хозяйства.

В 1910 г. земство Новгородского уезда зафиксировало, что бывшие удельные крестьяне сёл Долгово, Большое Замошье и др. Подберёзской волости имели надел «неполных 5 десятин на душу», были «обеспечены своим хлебом в среднем до Рождества», а остальное время жили «доходами от

промыслов и заработками по вывозке дров»³². Подобные факты подтверждены многочисленными свидетельствами современников³³. Промыслы, как местные, так и отхожие, служили для многих крестьянских хозяйств основным источником денежных поступлений, в то время как сельское хозяйство обеспечивало крестьян в основном продуктами питания³⁴. Из-за малоземелья тысячи людей не могли найти применения своему труду в сфере сельскохозяйственного производства³⁵. Поэтому крестьяне северо-западных губерний вынуждены были искать другие источники дохода. Объектом приложения их сил становились местные и отхожие промыслы, где только обработкой древесных материалов было занято более половины всего крестьянского населения региона³⁶.

Масштабы и интенсивность промысловой деятельности крестьян были неодинаковы для отдельных районов. Так, в тех уездах Новгородской и Псковской губерний, где значительная часть крестьянских хозяйств была занята выращиванием и обработкой льна, промыслы, как местные, так и отхожие были менее развиты. Причиной этого была чрезвычайная трудоёмкость получения льняного волокна³⁷. На выращивание и последующую обработку льна требовалось много времени, включая осень и

³² Новгородская губернская земская управа. Доклад по кустарной промышленности. Новгород, 1910. С. 82.

³³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 67. Д. 125. Л. 33–34; Новгородская губернская земская управа: Доклад о кустарной промышленности. Новгород, 1893. С. 1; Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894. С. XII.

³⁴ Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии. Новгород, 1917. С. 57–59.

³⁵ *Морачевский В.В.* Промыслы и занятия населения // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 3. Озерная область. СПб., 1900. С. 144.

³⁶ *Истомина Э.Г.* Традиционные сельские промыслы в России // Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 227; Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению министра государственных имуществ. Приложение к вып. 1. СПб., 1880. С. 125–126.

³⁷ *Васильева С.Л.* О причинах неравномерного распространения крестьянских промыслов // Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции 16–17 декабря 1997 г. Новгород, 1997. С. 28.

зиму. В производство были втянуты не только женщины, но и мужчины. Эти обстоятельства сформировали особый хозяйственный уклад крестьянской жизни, в которой промыслы не играли такой заметной роли, как в других местах.

На рубеже XIX-XX вв. многие промыслы крестьян северо-западных губерний приобрели форму мелкой домашней промышленности. Промыслы, поставлявшие на рынок изделия высокого качества, сохраняли свои позиции, совершенствовались и развивались. Быстрый рост потребностей населения в отдельных изделиях мелкотоварной промышленности стимулировал развитие промыслов, их материально-технической базы, способствовал появлению новых и более качественных товаров. В конце XIX – начале XX столетия в регионе промыслами: деревообрабатывающими, кузнечно-слесарными, судостроительным, сетевязальным, гончарным и кирпичным занималось около 62,4 тыс. крестьян – 24,5 тыс. в Новгородской губернии, 12,3 тыс. в Псковской губернии и 25,5 тыс. в Санкт-Петербургской губернии³⁸.

В пореформенный период заметную роль в социально-экономической жизни России играли крестьянские отхожие промыслы. За счёт сезонного отхода крестьян на заработки в значительной степени обеспечивались рабочими руками промышленные предприятия и сельскохозяйственные регионы, испытывавшие дефицит рабочей силы. Из крестьян-отходников формировались кадры постоянных профессиональных наёмных работников для промышленности и сельского хозяйства.

В условиях пореформенной России, когда сельское хозяйство и местные промыслы развивались в условиях аграрного перенаселения, значительная часть крестьян, в поисках приложения своей рабочей силы и заработков, покидала на разные сроки деревню. «Летом города, – писал в связи с этим М.Е.

³⁸ Рыбников А.А. Мелкая промышленность России: Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1924. С. 52–53, 62–63, 68–69.

Салтыков-Щедрин, – населяются дулебами, радимичами, вятичами и проч., в образе каменщиков, штукатуров, мостовщиков...»³⁹.

Цифровые показатели из отчетов новгородских губернаторов А.Н. Мосолова и графа О.Л. Медема дают следующую картину динамики крестьянских отхожих промыслов в конце XIX – начале XX века. В 1888 г. волостными правлениями было выдано 83923 паспорта на отлучку крестьян с места жительства, в 1889 г. – 91518, в 1899 г. – 165971 («почти исключительно для приискания заработков вне губернии, которые главным образом население находит в Петербурге»), в 1900 г. – 161682 («население находит работу главным образом в Петербурге, отчасти на фабриках и заводах в Новгородской губернии»), в 1901 г. – 174587 и в 1902 г. – 182402 паспорта («из-за неурожая увеличилось число отходников»)⁴⁰. Приведённые цифры свидетельствуют о постоянном росте числа отходников и, следовательно, возрастании роли отхожих промыслов в крестьянском хозяйстве. Помимо этого уход крестьян из деревни на заработки способствовал складыванию рынка вольнонаёмного труда, укреплял самостоятельность крестьянского хозяйства, усиливал мобильность крестьян, углублял социальную дифференциацию, оказывал значительное влияние на демографическую ситуацию. Значение отхожих промыслов возрастало по мере увеличения численности крестьянского населения и обусловленного этим сокращения наделного землевладения. В то же время стремительный рост отхода крестьян на заработки вёл к тому, что формирующийся рынок вольнонаёмной рабочей силы не мог поглотить всех выходцев из деревни. Широкое участие крестьян в отхожих промыслах, связанных с продажей труда и работой в промышленном фабрично-заводском производстве, свидетельствовало о вовлечении населения северо-западной деревни в процесс формирования капиталистических отношений в стране.

³⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо // Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М., 1988. С. 297.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223 (1889 г.). Д. 187. Л. 36; Оп. 223 (1890 г.). Д. 229. Л. 75; Научно-справочная библиотека. Отчёты губернаторов. Д. 58. Л. 60, 64, 69, 77.

Таков был ответ крестьян на меняющиеся условия их жизни в пореформенные годы.

Что толкало крестьян на уход из деревни? Здесь сказывалось воздействие различных факторов. Главным обстоятельством, заставлявшим уходить крестьян из деревни, была невозможность существования крестьянского хозяйства только за счёт доходов от сельского производства или разрушение под напором капиталистической промышленности традиционных местных промыслов, являвшихся дополнительным источником крестьянского дохода. Следует принять утверждение М.И. Туган-Барановского, который писал, что в деревне крестьянину «делать нечего – земля отнюдь не может восполнить образующуюся убыль доходов кустаря-земледельца. И вот мужик ударяется “в отход”»⁴¹.

По данным земского деятеля Н. Дроздова, обследовавшего Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии, из 18305 крестьянских семей, проживавших в уезде, 17394 семьи (95 %) в большей или меньшей степени промышляли либо на месте, либо на стороне. Из мужчин в рабочем возрасте уходили на заработки примерно 23 %, а из крестьянок – около 12 %. В отхожие промыслы крестьяне стремились уйти на осень и зиму. Первостепенным из отхожих промыслов по числу занятых являлась работа в качестве услуги в Петербурге. Отходники трудились дворниками, кучерами, полотёрами, а отходницы – кухарками, горничными и нянями. Заработок женщины-отходницы составлял 60-75 руб. в год, а мужчины-отходники зарабатывали в год от 70 до 180 рублей. Местными промыслами было занято более 28000 крестьян. В основном они трудились на валке леса и перевозке бревен.

«Главными причинами, вызывавшими и вызывающими ежегодно отход населения на сторону, – отмечали псковские земцы, – являются: малое развитие или полное отсутствие местных заработков и избыток рабочих рук, постоянно усиливающийся вследствие естественного прироста населения в

⁴¹ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 468.

связи с малоземельем и высокими арендными ценами. К этому присоединяются... неурожаи и падение цен на продукты полеводства...»⁴².

С одной стороны, на земледельцев влияла низкая урожайность сельскохозяйственных культур, обусловленная местными бедными почвами и примитивной агротехникой, и, вследствие этого, невысокая доходность крестьянского хозяйства. С другой стороны, размеры сторонних заработков были существенно выше, чем доходы от земледелия. Важнейшим фактором, стимулировавшим отходничество, стала растущая земельная необеспеченность крестьян из-за аграрного перенаселения. Расслоение пореформенной северо-западной деревни, появление массы обедневших крестьян и необходимость уплаты податей вынуждали земледельцев обращаться к промысловой деятельности. Отхожие промыслы, помимо роста численности отходников, характеризовались процессом углубления специализации, увеличением продолжительности отхода и все более масштабным вовлечением в отход женщин и подростков. Уходя на сторонние заработки даже на длительный срок, превращаясь нередко в наёмного рабочего, крестьянин продолжал оставаться частицей своего сословия: за ним сохранялся земельный надел и все, вытекающие из сословного положения, повинности. По мнению П.Г. Рындзюнского крестьянское хозяйство зачастую выступало в качестве страховки, облегчая крестьянину его возвращение в деревню в случае неудачи в отхожем промысле⁴³.

Промысловые занятия крестьянского населения накладывали чёткий отпечаток на весь экономический строй крестьянской жизни. Отходничество мужчин неизбежно сопровождалось перекладыванием забот о хозяйстве на женские плечи и вело к его неизбежному упадку. Возрастание роли женщин в крестьянском хозяйстве было отмечено губернатором гр. С.А. Толем во

⁴² Промыслы крестьянского населения Псковской губернии и положение их в 1895-97 гг. Псков, 1898. С. 9.

⁴³ *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 98.

всеподданнейшем отчёте за 1898 г.: «В Санкт-Петербургской губернии, – писал он, – женщина почти повсеместно ведёт крестьянское хозяйство и платит подати, тогда как мужская часть населения, главным образом, поглощена отхожими промыслами»⁴⁴. С другой стороны, полученные в промыслах деньги, давали возможность обрабатывать надельную землю и поддерживать, таким образом, существование невыгодного в экономическом смысле хозяйства.

Отходничество крестьянского населения на заработки занимало видное место в структуре промысловой деятельности земледельцев. Значительная часть крестьян искала сферу приложения своим рабочим силам за пределами территории постоянного проживания, поскольку фабрично-заводская промышленность, местные крестьянские промыслы и сельскохозяйственные заработки не могли решить проблему аграрного перенаселения. Земские материалы свидетельствуют, что отхожими промыслами занимались крестьяне всех земельных групп, хотя и с разной целью и степенью интенсивности.

Маломощным крестьянским хозяйствам отхожие промыслы и заработанные в них средства позволяли оттянуть время неизбежного разорения и окончательного разрыва с сельским хозяйством. Что касается крестьян-отходников из середняцких хозяйств, то они надеялись использовать заработанные на стороне деньги для сохранения и укрепления своего земледельческого хозяйства. Зажиточные крестьяне, прибегая к отхожим промыслам, стремились более целесообразно использовать рабочие ресурсы своего хозяйства. Они искали пути установления и последующего расширения экономических связей на рынке сырья; из их среды чаще всего выходили подрядчики, руководители артелей, скупщики и торговцы. Отличия в доходности промыслов и особенности их воздействия на хозяйство отходников способствовали углублению имущественной дифференциации крестьянства. Заработанные в отхожих промыслах деньги определяли два

⁴⁴ РГИА. Научно-справочная библиотека. Отчёты губернаторов. Д. 68. Л. 158.

взаимосвязанных процесса в северо-западной деревне. С одной стороны, они способствовали укреплению и быстрому прогрессу части крестьянских хозяйств путём приобретения и использования удобрений, более продуктивных пород скота, новых сельскохозяйственных орудий. С другой стороны деньги отходников в значительной степени замедляли процесс окончательного разорения маломощных крестьянских хозяйств.

Заработанные промыслами деньги составляли существенную часть бюджета крестьянских хозяйств. Так в Царскосельском уезде в 1882 г. доход от земледелия составил сумму в 2950900 руб., а доход от промыслов – 3135250 руб. Следовательно, из 100 руб. всего дохода 52 руб. представляли доход от промысловых занятий. На среднюю крестьянскую семью приходилось 226 руб. дохода от сельского хозяйства и 240 руб. – от промыслов⁴⁵. В Санкт-Петербургском уезде на 100 руб. дохода земледелие дало крестьянам 29 руб., а промыслы – 71 рубль⁴⁶. В Ямбургском уезде из 100 руб. общего дохода доход от промыслов равнялся 48 руб.⁴⁷ Несомненно, что крестьянское хозяйство уже не могло существовать, не прибегая к местным либо отхожим промыслам, доход от которых составлял значительную часть бюджета семьи.

Ситуация с отхожими промыслами крестьян в северо-западных губерниях страны определялась воздействием Санкт-Петербурга, наличием железных дорог и, прежде всего, Николаевской железной дороги, развитой системой водных путей сообщения, широким распространением местных неземледельческих промыслов. В Новгородской и Псковской губернии существенное значение имела «внутренняя» миграция крестьян-отходников в пределах отдельного уезда или территории губернии. Большинство крестьян-отходников столичной губернии направлялись на предприятия

⁴⁵ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 7. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. СПб., 1892. С. 221.

⁴⁶ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 5. Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде. Ч. 2. Очерк крестьянского хозяйства. СПб., 1887. С. 233.

⁴⁷ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 3. Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде. СПб., 1885. С. 239.

обрабатывающей промышленности Санкт-Петербурга. Они составляли значительную часть вольнонаёмных рабочих. Северо-западная деревня в пореформенные десятилетия и в начале XX столетия выталкивала работников в количестве, значительно превышавшем спрос промышленности и других отраслей экономики, нуждавшихся в вольнонаёмном труде.

Необходимо заметить, что во всех северо-западных губерниях в пореформенный период и вплоть до начала Первой мировой войны первенствующее положение занимали местные промыслы. Разумеется, военное время сказалось на положении и интенсивности многих промыслов, что было обусловлено недостатком рабочих рук после ухода на войну наиболее трудоспособной части крестьянского населения. Наоборот отдельные промыслы, как, например, сапожный, шорный, столярный и др. испытывали подъём в своем развитии, что было связано с появившимися военными заказами, другие, как лесной, наоборот испытывали трудности и прежде всего из-за нехватки рабочих и мобилизации лошадей для нужд войны.

Особенностью развития крестьянских промыслов в северо-западном регионе было их рассредоточение, наличие в селениях не одного-двух, а нескольких производств, обслуживавших рынок. Сформировались на Северо-Западе и крупные промысловые центры – Уломский железоделательный, Путиловский плитный, Крестецкий строчевышивальный, сапожный в Череповецком уезде и др. – с высокой концентрацией мелких производителей, значительными объёмами выпускаемой продукции, имевшей выход не только на местный, но и на отдаленные рынки⁴⁸.

Значение и влияние промыслов на жизнь крестьян определялись, прежде всего, степенью концентрации капитала в них и воздействием на экономическую жизнь пореформенной северо-западной деревни.

⁴⁸ Никулин В.Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2017.

Во второй половине XIX – начале XX в. отдельные крестьяне, занимавшиеся промыслами, вышли за рамки мелкого предпринимательства, стали владельцами сравнительно крупных промышленных заведений, которые можно рассматривать как переходное звено от мелкотоварного производства к крупной промышленности.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2 2022 г

Автор О.Сухова

Страниц 32 Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. О.Сухова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: savtemp@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

**Община в сознании и поведении российского крестьянства в условиях
реформ и революций первой трети XX века¹**

Ольга Сухова, ФГБОУ ВО «ПГУ» (г. Пенза)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности её реализации (1922 – 1991)».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности её реализации (1922 – 1991)».

Аннотация. Исследуются репрезентации общины и общинности в сознании и поведении российского крестьянства. Автор анализирует изменение функционала и особенностей эволюции моделей солидаризированного поведения в условиях реформ и революций в России / СССР в конце XIX – первой трети XX века. Социально-политическое взаимодействие в оппозиции община – государство рассматривается как проявление реакций открытых систем на внешние вызовы, стремление к сохранению состояния равновесия, к адаптации и/или к сопротивлению. Обоснован тезис об обусловленности повторения циклов «возрождения» общины институциональным оформлением самоорганизации локального сообщества для достижения и защиты жизненных интересов. Раскрывается ключевой фактор гибели общины в начале 1930-х гг. – формирование особой системы административного управления, исключающей любые возможности для самоорганизации крестьянства. Значительный интерес представляет анализ эволюции регламентированных законом и традицией практик саморегуляции: институтов сельского

схода и земельных переделов. Одним из значимых аспектов проблемы выступает рассмотрение всего арсенала средств социального сопротивления общины, в том числе, и наиболее радикальных форм, связанных с проявлениями социальной агрессии.

Ключевые слова. Община и общинность, российское крестьянство в первой трети XX в., «общинная революция», особенности социального поведения, коллективизация

Своим рождением паттерн русской поземельной общины во многом обязан романтическому восприятию и академическому прочтению известного немецкого экономиста А. Гакстгаузена, посетившего Россию в 1843 г. и опубликовавшего материалы о внутренних отношениях народной жизни в преддверии крестьянской реформы². С этого момента защита традиционных институтов, отражавших универсум национальной идентичности, архетипические основания которого вобрали в себя коренные устои христианства и первичные представления о семейном, родовом характере отношений власти-подчинения, для отечественных интеллектуалов приобретает особое значение. И по мере того, как возводились и рушились песочные замки российской модернизации, возрождалась дискуссия об особом пути российской цивилизации, о пределах и возможностях культурной адаптации и об общине как уникальной, выстраданной веками формы умиротворения, солидаризации и интеграции общества на крутых переломах эпох.

Историческим предназначением общины в эпоху Великих реформ виделось обеспечение поступательности изменений, фактора времени, необходимого для усвоения нового порядка жизни; а также привычной системы коммуникаций, позволявшей транслировать неискаженные смыслы и способствовавшей закреплению новых ценностных ориентаций и

² *Гакстгаузен Август фон.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870. XXII, 490 с.

поведенческих стратегий в массовом сознании. Значимость такого набора функций подтверждается и современной культурной антропологией³.

Осмысление концепта общины, так или иначе представленного в более широком ряду сентенций о роли государства и собственности на землю⁴, постепенно обросло доказательной базой в виде этнографических обзоров и описаний⁵ и оформилось в самостоятельные направления исследовательской практики, в числе которых следует выделить вопросы генезиса, мирской самоорганизации и правовой культуры российского крестьянства⁶.

В советской историографии кажущийся анахронизм института общины и обоснование необходимости слова традиции сформировали запрос на длительный период забвения коренной проблемы российской цивилизации. В этом контексте крах патриархального порядка выступал индикатором прогресса социально-экономического развития⁷. Время исторической реабилитации мирской самоорганизации, «общинного поворота» следует отнести к 1970-м гг., когда в заданных идеологических пределах сформировалась самодостаточная предметная область для изучения эпохи складывания и эволюции социального института⁸. Практически одновременно опыт общинного мироустройства был спроецирован и на советскую историю.

³ *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005. С. 141.

⁴ *Алаев Л.Б.* Чем была «Русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2. С. 47.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 115, 119 и др.; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Санкт-Петербург, 2004 и т.д.

⁶ *Матвеев П.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии. СПб., 1877; *Ефименко А.* Исследования народной жизни // Вып. I. Обычное право. М., 1884; *Качоровский К.* Народное право. М., 1906; *Кауфман А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907; *Корнилов А.А.* Крестьянский строй. Т.1. СПб., 1905; *Преображенский Ф.А.* Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893 и др.

⁷ *Симонова М.С.* Отмена круговой поруки // Исторические записки. Т.83. М., 1969. С. 159–195.

⁸ *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.

Первым с обоснованием тезиса о ретрадиционализации и архаизации социальных систем в постреволюционную эпоху выступил В.П. Данилов⁹.

Методологический плюрализм 1990-х гг. и антропологизация исторической науки предопределили стремительный рост интереса к феномену общины, прочитанному в контексте автаркии и, одновременно, источника, проецирующего соответствующие установки сознания на уровень макросистемы. С легкой руки Л.В. Даниловой в отечественной историографической традиции закрепляется концепт «общинного архетипа», возникшего из общности солидарного этоса и эгалитаризма и сформировавшего собой базовую составляющую общественного строя России на всем протяжении её истории¹⁰. По мнению исследователей, живучесть «мирских» стереотипов была столь высока, что даже в пореформенной России при ясном понимании крестьянами того, что «...община с её переделами, чересполосицей, трехпольем с принудительным севооборотом, верховным распоряжением мира всеми землями, круговой порукой, поглощенностью личности сообществом стояла на пути агротехнического и социального прогресса, деревня держалась за этот средневековый институт как за якорь спасения»¹¹.

В современной историографии проблемы очевидна концептуализация ряда исследовательских стратегий, в числе которых следует выделить три наиболее значимых: прежде всего, анализ общины как индикатора цивилизационной матрицы, включающий широкий спектр оценок от ламентаций над судьбой российского крестьянства и конституирования

⁹ Данилов В. П. Об исторических судьбах русской крестьянской общины // Ежегодник по аграрной истории: Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976. С. 102–134.

¹⁰ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 59–60, 308.

¹¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы междунар. конф., Москва, 14-15 июня 1994 г. М., 1996. С. 25.

общинного мироустройства до гневной отповеди дикости и косности последнего¹².

Проблема исторической обусловленности сталинского проекта аграрной революции в значительной степени повлияла на формирование устойчивого исследовательского интереса к судьбе крестьянской общины в постреволюционную эпоху¹³. В последние десятилетия – это одно из наиболее востребованных направлений исследований. Заметным явлением в российской историографии стала монография С.А. Есикова, посвящённая системному анализу советской деревни в условиях реализации новой экономической политики¹⁴. Размышляя об альтернативах аграрного развития СССР, автор обращается к дефиниции общины с позиции соответствия этой исторически сложившейся формы совместного пользования землёй и крестьянской самоорганизации задачам развития кооперативного движения и советской формы местного самоуправления. На материалах Тамбовской губернии С.А. Есиков раскрывает широкую палитру стратегий адаптации общинного мироустройства к новому формату отношений в системе власти-подчинения: от чётко выраженного обособления и разграничения функционала земельных обществ и сельских советов до их слияния, превращения последних в исполнительные органы, администрацию общинного самоуправления¹⁵.

¹² Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Безгин В.Б. Сход в повседневности русского села конца XIX в. (на материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева) // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 205–212; Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000; и др.

¹³ Кондрашин В.В. Крестьянская община и насильственная коллективизация: к вопросу о причинах успеха в советской деревне сталинской «революции сверху» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2019 год: Проблемы аграрного развития России XIV – XX вв. Воронеж, 2020. С. 202.

¹⁴ Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

¹⁵ Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) М., 2010. С. 127–128.

Дуализм проявлений самоорганизации и утилитарный характер восприятия власти в крестьянской повседневности послужил основанием для концептуализации понятия советской общинности, выступившей фактором стабилизации советской политической системы и обеспечения лояльности большевистскому режиму со стороны крестьянства¹⁶. В подтверждение данного тезиса авторы приводят доказательства сохранения и даже укрепления к середине 1920-х гг. абсолютного приоритета схода в системе сельского управления (несмотря на законодательное разграничение полномочий сельских советов и земельных обществ, укрупнение сельских советов и др.)¹⁷.

Напротив, в оценках В.В. Кондрашина крестьянская община предстает «оружием сопротивления», организующей силой, инструментом защиты крестьянских интересов от посягательств государства, а, следовательно, препятствием, которое было уничтожено в период коллективизации¹⁸.

Третье направление можно было бы назвать критическим, претендующим на полный разрыв со сложившейся концепцией традиционализма общинной организации, но это не исчерпывает существа проблемы. Более точной дефиницией подхода известного востоковеда и теоретика общины Л.Б. Алаева¹⁹ является институционально-интегративная модель социального взаимодействия, эволюционирующая в зависимости от изменения исторических условий, прекрасно вписывающаяся в канву системного подхода и отражающая процесс обмена ресурсами и информацией между микро- и макро- системами. Одним из аргументов автора выступает констатация утилитарного проявления «природного коллективизма», «общинности» великороссов: в Сибири переселенцы руководствовались не

¹⁶ Яхшиян О.Ю., Сидорова Г.М., Харичкин И.К. Русская крестьянская община и Советы // Вопросы истории. 2020 № 1. С. 64.

¹⁷ Яхшиян О.Ю., Сидорова Г.М., Харичкин И.К. Русская крестьянская община и Советы // Вопросы истории. 2020 № 1. С. 61.

¹⁸ Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 204–205, 212.

¹⁹ Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016. 475 с.

мирской солидарностью, а индивидуализмом захватного права, вспоминая о передельной практике, когда приходило малоземелье²⁰. Полувековой опыт анализа сельской общины на Востоке, поступательная концептуализация проблемы не позволяет усомниться в обоснованности главного тезиса теоретических построений Л.Б. Алаева, раскрывающего эволюционную миссию общины в истории человечества: «Традиционная община – это нонсенс. Община всегда современна... Надо стараться понять, кому и зачем она нужна в новых исторических условиях»²¹.

Тем самым, очевидным водоразделом исследовательской практики выступает выбор сингулярной (однолинейной) или цивилизационной теоретической оснастки. Реактуализация паттерна общины, повторение циклов возрождения в периоды кризисов суть свидетельство институционального оформления самоорганизации локального сообщества. В этом контексте наиболее востребованной методологией представляется синергетика, позволяющая описать взаимодействие открытых систем (через проявление реакций на внешние вызовы, стремление к сохранению состояния равновесия, адаптацию и сопротивление).

Подтверждением этому тезису выступает характеристика функционала, социального предназначения общинного мироустройства. Так, детальный анализ «номенклатуры» общинных функций в процессе исторической эволюции данного феномена представлен в известной монографии Б.Н. Миронова. Автор последовательно рассматривает проявления управленческой, производственной, финансово-податной, правотворческой и судебной, полицейской, представительской, социальной защиты, культурно-воспитательной и религиозной функций²². Л.Б. Алаев, раскрывая миссию

²⁰ Алаев Л.Б. Чем была «Русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2. С. 50.

²¹ Алаев Л.Б. А была ли община? Интервью с Л.Б. Алаевым специально для издания «Религия и общество на Востоке», июль – август 2018 г. // Религия и общество на Востоке. 2019. № 3. С. 72, 75.

²² Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. Т. I. СПб., 1999. С. 467–473.

института, который «мы называем общиной»²³, подчеркивает первичность и значимость (в зависимости от конкретных исторических условий) определенного стимула развития социальной общности: организация производства, регулирование землепользования, упорядочение налогообложения, организация вооруженного сопротивления, обеспечение социального доминирования одной группы жителей над другими²⁴.

Оценивая эвристические возможности применения системного подхода, отметим, что воплощением социальных реакций, процесса обмена энергией и информацией выступают конкретные практики повседневности. Появляются новые вызовы (введение подушной подати, круговой поруки и т.д.) и общинность проявится в реакциях адаптации (рецепция, освоение, усвоение или сопротивление). Следовательно, базовыми характеристиками института общины выступают обеспечение витальности и способность к коммуникации («общины создаются при потребности общения, причем оно может пониматься как угодно широко, но обязательно включать культурное общение»)²⁵. В этом ключе демократизм и эгалитаризм общины объясняется «не мистическим "общинным духом", а отчаянным положением, в которое деревня попадает»²⁶. Спектр проявлений социальных реакций, общинного сознания и поведения неисчерпаем, равно как и набор инструментов, форм выражения и передачи смыслов в вербальном и поведенческом аспектах (слухообразование, фольклор, жалобы, самосуды, поджоги и восстания и т.п.), но, пожалуй, именно способы коммуникации и содержание передаваемой информации имеют определяющее значение при изучении общины как самоорганизации крестьянства на всем протяжении его истории.

²³ Алаев Л.Б. Сельские земледельческие соседские общины: логика vs история // ВОСТОК (ORIENTS). 2020. № 4. С. 122.

²⁴ Алаев Л.Б. Сельские земледельческие соседские общины: логика vs история // ВОСТОК (ORIENTS). 2020. № 4. С. 122.

²⁵ Алаев Л.Б. А была ли община? Интервью с Л.Б. Алаевым специально для издания «Религия и общество на Востоке», июль – август 2018 г. // Религия и общество на Востоке. 2019. № 3. С. 75.

²⁶ Алаев Л.Б. Сельские земледельческие соседские общины: логика vs история // ВОСТОК (ORIENTS). 2020. № 4. С. 122.

И все же в социальном поведении крестьянства вплоть до начала 1930-х гг. фиксируется определенная специфика выбора и адресность социальных реакций. Речь идет об укоренённости, устойчивости родового сознания, восходящего в исторической ретроспективе к кровнородственным отношениям и объясняющего восприятие «чужаков»²⁷. По мнению С.В. Лурье, доминанта родового сознания прослеживалась, по меньшей мере, до второй половины XIX века²⁸. Тезис об исторической преемственности устава социальной организации на уровне патриархальной семьи и сельской общины, что объяснялось «...кровным происхождением из одного рода», встречаем и в исследованиях современников²⁹. На сохранение, более того, консервацию общности корпоративных характеристик сознания и эгалитаризма, представлявших собой базовые составляющие средневекового общественного строя в пореформенном периоде указывала и Л.В. Данилова³⁰.

Подтверждение тому легко обнаруживается в содержании пословиц и поговорок, малых фольклорных форм, выросших из интерпретации средневековых сборников изречений и отразивших квинтэссенцию народного восприятия. Императивы крестьянского сознания, представленные утверждениями «мир – велик человек»³¹, «Кто больше мира будет?»; «Мир судит один бог»³² выражают не только всемогущество общины, её сакральный характер, но прописывают алгоритм действия, отражают сложившиеся стереотипы поведенческих реакций, направленных на защиту, восстановление витальности крестьянского бытия. Как на одну из отличительных особенностей крестьянской психологии, авторы «Записок разных лиц...» указывали на резкую перемену в поведении крестьянина в домашнем быту и в

²⁷ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005. С. 145.

²⁸ Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С.137, 152.

²⁹ Матвеев П. Очерки народного юридического быта Самарской губернии. СПб., 1877. С. 26.

³⁰ Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 308.

³¹ Крестьянское движение в России в 1857–1861 гг. М., 1963. С. 419.

³² Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2002. С. 253.

«сборище»: «Дома – он тише воды, ниже травы, заявится в общество – поднимает голос»³³.

В числе наиболее действенных механизмов регламентированной законом и традицией (легальной) саморегуляции следует назвать институт сельского схода и практику земельных переделов. При этом следует учитывать дуализм крестьянских собраний, выраженной сочетанием формальной (административной) функции и необходимостью организации повседневной жизни общины. В частности, корреспонденты МВД из Пензенской и Саратовской губерний в конце XIX в. фиксировали факты демонстративного саботажа интересов общины со стороны крестьянства. Несмотря на угрозу ареста из-за неявки, многие общинники прятались от десятского – вестника схода. В этом случае собрание откладывалось на неопределенное время, пока староста сам не отправлялся урезонивать общинников («гнать» их на сход)³⁴. Однако мотивы подобной реакции легко объясняются либо временем проведения (в воскресные дни и страдную пору), либо нежеланием принимать решения, ухудшающие положение крестьян. Обычной практикой была низкая явка крестьян на сход в случае обсуждения вопроса о недоимках («если с них чего-нибудь будут требовать»). Если же сход созывался «в пользу крестьян» («объявлялась какая-нибудь «милость», обсуждались вопросы о найме пастуха, выборах сельского и церковного старосты и т.д.), явка была высокой, добавим еще один стимул – предвкушение «угощения» (выборы сельской администрации без выпивки, как правило, не обходились: «предполагался магарыч» по завершению схода)³⁵. К числу проявлений функции социальной защиты следует отнести солидаризированную форму принятия решений («против мира не пойдёшь»). Даже если и находились крестьяне, несогласные с решением схода, то они обыкновенно либо примыкали к большинству, либо воздерживались от подачи голосов. Сами крестьяне объясняли такую

³³ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 115. Л. 4.

³⁴ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 119. Л. 9 а.

³⁵ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 115. Л. 19, 39.

особенность своего поведения именно необходимостью защиты общих интересов. Неизвестный автор в своей корреспонденции приводит, по его словам, определённую норму жизни: земский начальник на одном из сходов попросил крестьян разделиться на две группы (за и против известного решения) – крестьяне наотрез отказались: «Если мы разделимся – ты нас осилишь»³⁶ (для сравнения: «Одному страшно, а всем (миру) не страшно»; «В миру виноватого нет»³⁷).

В пореформенную эпоху в условиях нарастания признаков системного кризиса произойдет неизбежная реактуализация общинного архетипа. В частности, И.В. Чернышев, анализируя анкеты Вольного экономического общества, указывает на резкий рост интереса к земельному поровнению в губерниях Центрально-Черноземного района и Среднего Поволжья, вовлечённость большей части общин в переделы применительно к периоду 1895-1906 гг.³⁸ «Оживление общины» (как проявления заинтересованности в земельных переделах) в конце XIX – начале XX вв. исследователи связывали с ростом масштабов крестьянского землепользования, «вздорожания земли», а также роста численности населения³⁹. В этих условиях характерной особенностью сельского расселения становилась многодворность, что еще более укрепляло потребность крестьянства в согласованности действий. Выводы К. Качоровского подтверждаются анализом материалов 87 тыс. сельских общин (до 25 млн. душ обоего пола)⁴⁰.

Зафиксировав рост интенсивности уравнильно-передельной функции общины, автор косвенным образом указывает на рефлексию крестьянского сознания в отношении модернизации: в пользу жизненности общины говорит тот факт, что за период с 1870-го по 1900-й гг. число общин с потребительными системами разверстки увеличилось в Саратовской губернии с 15 (0,6%) до

³⁶ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 134. Л. 37.

³⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2002. С. 253.

³⁸ Чернышев И.В. Община после указа 9 ноября 1906 г. Ч.1. М., 1917.

³⁹ Качоровский К. Крестьянская община в Саратовской губернии // Русское богатство. 1901. № 11. С. 138–139.

⁴⁰ Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 20-24.

1062 (41,3%), а количество «мёртвых» или «почти мёртвых» (т.е. с видимым отсутствием передельной практики) снизилось с 1635 (63,6%) до 864 (33,6%). Причем подобные тенденции были характерны не только для бывших помещичьих, но и для государственных крестьян и даже еще в большей степени⁴¹. Важнейшим фактором реактуализации «общинного архетипа» является снижение социальной напряжённости, неизбежной при проведении общинных переделов. Если первоначально были случаи противодействия отдельных домохозяев: противники ложились под сохи, не давали пахать, жаловались начальству, в некоторых случаях не обходилось и без отчаянных драк и даже убийства, то при последующих переделах факты сопротивления сначала становятся единичными, а затем и вовсе исчезают⁴².

Община с переделами продолжала доминировать в Центрально-земледельческом и Средневолжском районах и к моменту принятия указа 9 ноября 1906 г. По данным И.В Чернышева, обработавшего анкеты ВЭО 1910 и 1911 гг., из 397 общин, по которым имеются сведения, 83% общие переделы производили и только 7,7% общин переделов не имели⁴³. Материалы фонда Земского отдела МВД, введённые в научный оборот А.М. Анфимовым и А.П. Корелиным, свидетельствуют об отсутствии в начале XX века передельной практики в более чем 58% общин в 40 губерниях России. Эти данные позволили В.Г. Тюкавкину утвердительно ответить на вопрос о том, была ли столыпинская аграрная реформа подготовлена отказом многих общин от переделов⁴⁴. Существенную поправку следует сделать в пользу регионального аспекта проблемы: переделы сохранялись там, где качество почвы еще выступало гарантом витальности. Поэтому, численность беспередельных общин в Пензенской, Саратовской, Нижегородской губерниях не дотягивала даже до 1/3, в то время как в Ярославской и Новгородской этот показатель

⁴¹ Качоровский К. Крестьянская община в Саратовской губернии... С. 122–123.

⁴² Качоровский К. Крестьянская община в Саратовской губернии... С. 131–132.

⁴³ Подробнее см.: Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. В 2-х ч. Пг., 1917.

⁴⁴ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 171–173.

превышал 85%⁴⁵. Словом, мы опять имеем дело с уникальным сочетанием факторов времени и пространства: судьбы общины определялись её утилитарным прочтением в крестьянском сознании. Со всей очевидностью это проявится в условиях социального взрыва и крушения государственности в России. Так, субъектами почти всех приговоров и петиций, а также подавляющего большинства наказов и телеграмм, направлявшихся в период первой русской революции в верхние эшелоны власти, станут сельские и волостные сходы⁴⁶.

Революция 1917 г., похоронившая российскую империю и пробудившая к жизни самые архаичные практики самоорганизации, незамедлительно была «прочитана» крестьянством, и в контексте семиотики культуры оказалась самой что ни на есть благоприятной средой для проявления общинной солидарности. Возможность социального переустройства подкреплялась в сознании крестьянства твёрдой убеждённости в неизбежности и неотвратимости реализации идеала, выработанного многовековой утопической традицией, идеала «Правды», в предвосхитившего утверждение совершенного состояния рода человеческого на Земле. Эта идея являлась в массовых представлениях «изначальным и непреходящим достоянием», «...не химерой, не воображаемым, а реальным достоянием, насильственно отчуждённым, однако, и подлежащем возврату по законной принадлежности»⁴⁷. Именно эта согласованность смыслов вызвала столь невероятную тягу к единству действий: «первыми на самый многочисленный съезд общероссийского уровня съехались представители самого забитого и "косного" сословия»⁴⁸.

⁴⁵ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 173.

⁴⁶ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: Новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 74.

⁴⁷ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 9.

⁴⁸ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 184–185.

Более того, самый масштабный поток социальной активности в период 1917 – 1918 гг., а, возможно, и до 1922 г. надёжно укладывается в понятие «общинной революции». При этом так называемый «комитетный» период в истории становления новой революционной власти существа проблемы не меняет: вне зависимости от принятых губернскими крестьянскими съездами решений (учреждение комитетов народной власти в Самарской губернии, советов сельских представителей в Саратовской и т.д.) практика выборов сельской администрации сохранила свой традиционный характер и не вызывала какой-либо серьезной ломки представлений корпоративного сознания⁴⁹.

В Пензенской губернии объявление «народного права» состоялось 15 мая 1917 г. и было облачено в форму резолюции II губернского крестьянского съезда относительно «временных» мер «к использованию паровых земель и луговых участков до созыва и решения земельного вопроса Учредительным собранием и к принятию мер к учету частновладельческого мертвого и живого инвентаря и распределения его между нуждающимися». Во многих уездах резолюция была встречена «как давно желанный способ разрешения земельных отношений и при этом способ законный, как рекомендуемый – правомочным, по их мнению, решать эти дела окончательно съездом»⁵⁰. В некоторых уездах Пензенской губернии решения II-го крестьянского съезда становятся поистине определяющим фактором роста «захватных стремлений», и в мае-июне «паровые земли владельцев взяты под контроль волостными комитетами и распределены между нуждающимися крестьянами»⁵¹. Причем волостные комитеты стали в данном случае первой инстанцией, в которой формализовалось «право всех трудящихся на землю»⁵².

⁴⁹ *Кравчук Н.А.* Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971. С. 96; *Булдаков В.П.* Красная смута... С. 183, 187.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 123. Л. 82 об.

⁵¹ *Седов А.В.* Крестьянские комитеты Среднего Поволжья в борьбе за землю накануне Октябрьской революции // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья (XVII – н. XX в.). Межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1979. С. 173.

⁵² Государственный архив Пензенской области, ф. 206, оп. 1, д. 45, л. 6.

В своё время, подводя итоги первого десятилетия советской власти, А.В. Шестаков посетовал на отсутствие инициативы со стороны крестьянства в деле организации советов, которые, по его мнению, чаще всего «насаждались из уезда и губернии»⁵³.

Таким образом, уже в июне 1917 г. власти вынуждены были констатировать практически полную реализацию утопической программы крестьян – «чёрного передела». Как отмечали участники «Учредительного собрания Пензенского земельного комитета», «восстановление прав собственников на землю невозможно, ибо эти права фактически уничтожены»; «изменить постановление 15 мая невозможно, так как оно уже проведено в жизнь»⁵⁴.

Сакрализованная мифологема «чёрного передела», подкрепленная решениями крестьянских съездов, исподволь укрепляла предназначение схода как первичного и верховного источника народного революционного права, правомочного решить вопрос о захвате всех частновладельческих земель. Так, в ходе анкетирования, проведенного министерством земледелия весной-летом 1917 г. на территории Пензенской губернии, респонденты обнаружили исключительное положение схода в качестве источника правотворчества. Из 264 вопросных листов, в которых была заполнена графа, фиксирующая наличие приговоров по решению аграрного вопроса в деревне, в 217 анкетах (82,2%) говорилось, что решение о самовольной запашке частновладельческой земли принималось на сельском сходе⁵⁵.

Логика «общинной революции» диктовала утверждение эгалитаризма не только путём земельного поравнения, но и посредством практик социальной дискриминации, доминирования над «чужаками», носивших нередко демонстративный характер. Так, по аналогии с земельными угодьями

⁵³ Шестаков А.В. Крестьянские организации в 1917 году // Аграрная революция. В 4-х т. Т. 2. М., 1928. С. 116, 152, 154.

⁵⁴ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 281–281 об.

⁵⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 486. Оп. 1. ДД. 33–41.

строгую учету и контролю, а затем и распределению, подлежали излишки (в связи с тем, что земля изъята) «живого и мертвого инвентаря». Отсрочка окончательного дележа владельческого имущества позволяла крестьянам весьма пространно, но прагматично, толковать понятие «пользование». В Нижнеломовском уезде Пензенской губернии, где, по сообщению комиссара Временного правительства Г.С. Унковского, к июлю 1917 г. земли были «захвачены» полностью в четырех волостях: Верхнеломовской, Андреевской, Титовской, Адикаевской; в значительной степени: в Порошевской, Больше-Верховской, Кармишенской и Воронской, и путём примирительных переговоров в волостях: Долгоруковской, Голицинской, Аршиновской и Виргинской, тем не менее, лошадей по домам «не разбирают», а «берут на работу», и вечером возвращают владельцу «на прокорм»⁵⁶.

Примеры ограничения прав крестьян, укрепивших землю в личную собственность, на участие в решении вопросов сельского управления на сходе, на создание самостоятельных обществ, приводит Г.А. Герасименко. Так, весной 1917 г. выделенцы с. Верхней Добринки Камышинского уезда Саратовской губернии с санкции губернского комиссара решили открыть свое правление и выбрали своего старосту. Однако волостной комитет арестовал «отрубного» старосту, отобрал у него печать и разогнал сельское правление⁵⁷.

Утверждение сакральной функции доминанты «родового этического сознания»⁵⁸ нередко могло привести к возникновению непримиримых противоречий внутри сельского общества, вплоть до проявлений социальной агрессии, граничившей с практикой самосуда. Наглядной иллюстрацией служит ситуация, сложившаяся в с. Вязовке Городищенского уезда Пензенской губернии в ноябре 1917 г. В непосредственной близости от села располагались хуторские участки, приобретенные крестьянами при посредничестве Крестьянского поземельного банка. Еще в марте 1917 г. здесь

⁵⁶ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 123. Л. 106.

⁵⁷ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. Саратов, 1974. С. 61.

⁵⁸ Лурье С.В. Как погибла русская община... С. 137.

были зафиксированы первые эксцессы, связанные с выделенцами, а 11 ноября вязовцы переходят к погромам. Что примечательно, среди погромщиков встречаем, главным образом, зажиточных крестьян-общинников и солдат, «пришедших в отпуска и дезертиров» общим количеством более 100 человек (все же в селе насчитывалось 367 домохозяев). Сельский комитет занял в данном случае выжидательную позицию. Рост погромных настроений привел к расколу общества на «зажиточных» пассионариев и противников насилия – «бедных жителей». Как отмечалось в рапорте начальника милиции 2-го участка Городищенского уезда, 14 ноября крестьяне, «участвовавшие в грабеже, принуждали все общество к участию в ограблении хуторян, причем угрожали убийством, отобрали насильем печать у сельского старосты и составили приговор от всего общества о согласии на ограбление хуторян. На сходе К. Зайцевым читалось какое-то воззвание, которым призывался народ к ограблению хуторян»⁵⁹. В числе организаторов погромов 11–14 ноября встречаем фельдфебеля К. Зайцева, а также «состоятельных» крестьян: Г. Лукмазова, П. Байгузова и др. Итогом деревенского противостояния стала настоящая «гражданская война» в миниатюре, в масштабах одного села, завершившаяся разгромом около 50 домов и унесшая жизни, по меньшей мере, двух человек⁶⁰.

Документы свидетельствуют, что по отношению к отрубщикам крестьяне нередко действовали даже более радикально, чем предполагалось резолюциями съезда и распоряжениями волостных комитетов, рекомендовавших лишь ограничить размеры их землевладения трудовой нормой⁶¹. Большой частью земли хуторян и отрубников поступили в общий передел. Как сообщалось в отчетах с мест, поступавших в адрес Пензенского губернского комиссара, с частными владельцами «сравнительно легче удавалось улаживать конфликты, труднее с мелкими собственниками –

⁵⁹ ГАПО. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 69. Л. 7.

⁶⁰ ГАПО. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, 4 об., 7.

⁶¹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 347 об.

хуторянами, отрубниками...» (Инсарский уезд)⁶², «многочисленные споры с помещиками» улаживались в основном мирно и носили характер «хотя бы по форме добровольных сделок» (Саранский уезд)⁶³. «Печальной дело обстояло с хуторянами и отрубщиками...»: земли крестьян-собственников изымались все без остатка и пускались в общий передел вне зависимости от размеров хозяйства и даже в тех случаях, когда площадь земельного надела не превышала «трудовую норму» и составляла 2-3 десятины. При этом обыкновенно общество, захватившее хуторскую землю в общественное пользование, включало отрубщиков-собственников в общину и отводило им надел наравне с другими, воспринимая такого рода захваты, как «акт восстановления нарушенной, по их мнению, по отношению к общине справедливости и под влиянием агитации пришлых элементов извне»⁶⁴. Интересный прецедент был создан в Саловской волости Пензенского уезда. Здесь к июню 1917 г. крестьяне в массовом порядке изъяли только отрубные земли, а частновладельческие остались нетронутыми⁶⁵. По подсчетам Г.А. Герасименко, в 74 волостях Саратовской губ., где существовало отрубное и хуторское землевладение, к концу октября 1917 г. отруба и хутора были полностью ликвидированы, а их владельцев включили в общину, дав им наделные участки не больше той нормы, которая приходилась на каждого общинника⁶⁶.

Приливная волна «общинной революции» поглотила практически без остатка все формы землепользования, отличные от традиционной. К концу 1920-х гг. свыше 90% земель в РСФСР обрабатывались общинами. В

⁶² ГАПО. Ф.206. Оп.1. Д. 4. Л. 345 об.

⁶³ ГАПО. Ф.206. Оп.1. Д. 45. Л. 8.

⁶⁴ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 281, 282 об., 345, 348–350; Д. 34. Л. 8, 30; Д. 45. Л. 9, 11.

⁶⁵ ГАПО. Ф.206. Оп.1.Д. 4. Л. 282 об.

⁶⁶ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. Саратов, 1974. С. 190.

Пензенской губернии масштабы поравнения были наиболее впечатляющими: здесь общинная форма землепользования достигает показателя в 98,8%⁶⁷.

Попытки реформирования местного самоуправления, предпринятые революционными властями, не поколебали всеилие сельского схода: создание волостной земской единицы, а вслед за этим, насаждение системы советов воспринимались крестьянством как внешние, следовательно, чуждые по отношению к общине формы социально-политической коммуникации, что проявилось в распространении поведенческих моделей, родственных абсентеизму и нигилизму⁶⁸.

Скажем, на момент февраля 1918 г. в Саратовском уезде было «...мало организации советской власти... более преобладает земское правление, в котором находятся правые социалисты-революционеры и тормозят всему делу»; из Вольского уезда Саратовской губернии поступали аналогичные сообщения: «...власть фактически не в руках Советов, а в руках правительственных учреждений старого образца»⁶⁹. По данным Г.А. Герасименко и В.П. Семьянинова, 65 волостей Саратовской губернии отказались прислать своих делегатов на губернский съезд (открытие состоялось 30 ноября 1917 г.) по политическим мотивам – из-за непризнания Советской власти⁷⁰.

Резолюции об организации волостных и сельских советов принимались на губернских крестьянских съездах. В частности, в Среднем Поволжье первым подобное решение принимает III крестьянский съезд в Саратовской губернии 30 ноября 1917 г. 27 декабря IV губернский крестьянский съезд состоялся в Пензе, в Самаре и Симбирске крестьянские съезды, принявшие

⁶⁷ Каревский Ф.А. Состояние сельского хозяйства Среднего Поволжья в 1925–1927 гг. // Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства в первые годы советской власти. Рязань, 1979. С. 120.

⁶⁸ Посадский А.В. Саратовское крестьянство и выборы в волостное земство в августе-сентябре 1917 г. // Вопросы крестьяноведения. Вып. II. Саратов, 1996. С. 142.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 77. Д. 6. Л. 40, 45 об.

⁷⁰ Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). Саратов, 1980. С. 38.

аналогичные резолюции, прошли в январе 1918 г.⁷¹ Тем самым абсолютное большинство волостных советов появились в деревне в период января-апреля 1918 г.⁷², сменив существовавшие до этого чуть более полугодом волостные земства.

Приведем несколько развернутых характеристик отношения общинников в советской власти, представленных в анкетах иногороднего отдела Пензенского губернского совета. В частности, по словам респондента из Сиалеевско-Пятинской волости Инсарского уезда, «Вследствие бессилия Советской власти удовлетворить нужду в хлебе голодающего населения» отношение к Советской власти «неприятное и недоверчивое, как и к упраздненному земству»⁷³. «...Население ропщет... что не поставлено продовольственное дело»; «народ стал падать духом и говорить, что не работает совет» – такие высказывания содержались в ответах, поступивших из ряда волостей Краснослободского уезда⁷⁴. За дефиницией равнодушного отношения крестьян к советской власти иногда скрывались высказывания подобные следующему: «Население не желает слушать никаких властей и организаций. Меры не действуют кроме грубой силы...» (Грабовская волость Пензенского уезда)⁷⁵. И, пожалуй, общее состояние политической сферы крестьянского сознания предельно емко выразил респондент из Шишкевской волости Рузаевского уезда: «Из-за разрухи безразлично к политическим вопросам... «кто бы ни управлял нами, – лишь бы обеспечил хлебом и установил порядок»⁷⁶. «Вполне сочувственное» отношение к советской власти объяснялось «желательностью» иметь хоть какую-нибудь власть в волости, которая будет действовать в направлении «к улучшению жизни граждан»⁷⁷.

⁷¹ Герасименко Г.А., Семьянинов В.П. Указ. соч. С. 38–40.

⁷² ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 2.

⁷³ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 86. Л. 4–4 об.

⁷⁴ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 88. Л. 17–17 об., 23–23 об.

⁷⁵ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 93. Л. 68–68 об.

⁷⁶ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 92. Л. 4–4 об.

⁷⁷ ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 93. Л. 2–2 об.; Д. 91. Л. 36–36 об.

Интересна и такая трактовка: «Большинство смотрит как на вполне законное начальство и охотно подчиняется»⁷⁸.

По принятым нормам сельские советы численностью до 50 депутатов создавались в населенных пунктах с населением свыше 300 человек, причем в селениях, состоявших из нескольких обществ, действовал только один совет⁷⁹. Необходимо признать, что функционал совета измерялся почти исключительно сферой административного управления, учета и контроля, все остальные вопросы повседневной жизни были отнесены к полномочиям схода, что лишь укрепляло контркультурный по отношению к общине характер советской власти. Даже в области сельского хозяйства при констатации форм содействия аграрному развитию встречаем лишь организацию коммун, артелей и товариществ⁸⁰.

В последующем завоевания «общинной революции» были узаконены Декретом о социализации, закрепившим переход земли в пользование трудового народа и её распределение на уравнильно-трудовых началах. Однако уже здесь проявились определенные обременения для сельских обществ, выразившиеся в передаче права распределения земель советам различных уровней и приоритетности для государства надления землёй сельскохозяйственных коммун и товариществ⁸¹. Положение о социалистическом землеустройстве от 14 февраля 1919 г. и вовсе определило все виды единоличного землепользования как проходящие и отживающие и ограничило возможность единоличникам участвовать в землеустройстве на землях прежнего нетрудового пользования, предназначенных для организации товарищеского общего хозяйства⁸². В соответствии с этим положением за 8 –

⁷⁸ ГАПО. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 91. Л. 37–37 об.

⁷⁹ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 150.

⁸⁰ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 151.

⁸¹ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 3–10.

⁸² Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 62.

10 лет всю сельскохозяйственную территорию Советской России планировалось распределить между трудовым земледельческим населением на уравнильных началах сначала в форме волостных отводов и перераспределения земель между волостями, а затем между обществами, селениями и «другими сельскохозяйственными объединениями»⁸³. Натуральная повинность по осуществлению землеустройства была возложена непосредственно на земледельческое население⁸⁴.

Разработка перспективного плана землеустройства по сути косвенно свидетельствовала о том, что реализация утопии «чёрного передела» не решила окончательно проблемы малоземелья. Так, в Пензенской губернии обеспеченность землёй в среднем выросла с 6,3 до 8,65 дес. или с 1,05 дес. до 1,48 дес. в расчете на одного едока⁸⁵. Добавим сюда еще и проблему дальноземелья, характерную для многодворного типа поселений, и потенциальный рост доходности будет априори невозможен из-за издержек производства, вызванных удаленностью поля от крестьянской усадьбы. В той же Пензенской губернии в 1925 г. среднее расстояние полевого надела от двора составляло 3,18 км, а, скажем, в Оренбургской достигало порой и 25-30 км⁸⁶.

Вместе с тем, следует отметить, что объективно грандиозные планы уравнильного землеустройства укрепляли роль сельского схода и общины в хозяйственной жизни села и способствовали распространению земельных переделов. Спустя год это вызвало к жизни административный запрет на организацию полных переделов в тех обществах, где таковые были зафиксированы в 1918 и 1919 гг. в связи с временным распределением

⁸³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 7. Д. 1175. Л. 2 об.

⁸⁴ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 151.

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 1334. Л. 28 об.

⁸⁶ *Каревский Ф.А.* Состояние сельского хозяйства Среднего Поволжья в 1925–1927 гг. // Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства в первые годы советской власти. Рязань, 1979. С. 120–121.

земельного фонда (Декрет СНК от 30 апреля 1920 г.)⁸⁷. Производство полных переделов было отнесено к ведению уездного земельного отдела и могло быть разрешено только по прошествии времени, необходимого для трехкратного чередования севооборота, частичных – к ведению волостных земельных отделов. Примечательно, что декрет не разграничивал полномочия сельского совета и общества при решении вопроса о земельных переделах. Так, ходатайства о разрешении производства полных переделов принимались советом по приговору, за который проголосовало 2/3 членов общества⁸⁸.

В условиях Гражданской войны и трудностей объективного порядка (нехватка персонала земельных отделов, угроза нарушения существовавшего севооборота и пр.) со всей очевидностью проявилась неосуществимость масштабного проекта по проведению сплошного уравнильного землеустройства. Новой реальностью становится закрепление фактически наличной земли в постоянное пользование селений и других сельскохозяйственных объединений. Согласно с постановлением Президиума ВЦИК от 22 мая 1922 г. дальнейшее поравнение земель между волостями и селениями было прекращено. Теперь землеустройство могло производиться лишь по инициативе и за счёт заинтересованного населения, обязательные же землеустроительные работы по решению земельных органов затрагивали вопрос создания фонда для переселения на свободных землях и устранения значительной межволостной и межселенной чересполосицы⁸⁹.

Земельный кодекс 1922 г. пролонгировал сохранение многообразия форм и способов землепользования, закрепив практику уравнильных переделов внутри общины, и подтвердил исключительность полномочий схода по отношению к общим вопросам, касающимся земельного общества в

⁸⁷ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 163–165.

⁸⁸ Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1922. С. 164

⁸⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 1175. Л. 2 об. – 3.

целом⁹⁰. Нормой принципиального характера стал регламент формирования самого земельного общества, ключевым параметром которого была определена «совокупность дворов, имеющих общее пользование полевыми землями», включающая не менее 15 лиц трудоспособного возраста⁹¹.

Необходимо отметить, что восстановление традиционных, на первый взгляд, форм самоорганизации, не закрывало перспективы для эволюции крестьянского сообщества. Так, С.А. Есиков справедливо указывает на активное участие в деятельности схода в период НЭПа акторов социокультурной модернизации – учителей, врачей, агрономов, ветеринаров. Благодаря инициативам сельской интеллигенции, сходы обсуждали вопросы развития образования, здравоохранения, сельского хозяйства, благоустройства и выносили решения о переходе к многополью, проведении внутриселенного землеустройства, сборе средств на поддержку школ и больниц, об избрании санитарных комиссий и т. д.⁹² Как о заметной тенденции о стремлении земельных обществ к переходу на многополье говорится в отчете Ульяновского губземуправления за 1925 г.⁹³ Статистическая отчетность губернских земельных управлений Средней Волги свидетельствовала о том, что к концу 1927 г. землеустройством было охвачено свыше 37% земель сельскохозяйственного назначения, в Самарской губернии – 46,3%. Благодаря землеустройству в Самарской губернии 28,5% хозяйств перешло к многополью, удаленность поля от двора сократилась в 3 – 4 раза, произошло существенное увеличение урожайности зерновых⁹⁴.

⁹⁰ Постановление ВЦИК от 30.10.1922 «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на IV сессии IX созыва» <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19492#W3YOuwSYtNMVxupn> (Дата обращения: 06.02.2022)

⁹¹ Постановление ВЦИК от 30.10.1922 «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на IV сессии IX созыва» <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19492#W3YOuwSYtNMVxupn> (Дата обращения: 06.02.2022)

⁹² Есиков С.А. Указ. соч. С. 126.

⁹³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 1334. Л. 44.

⁹⁴ *Каревский Ф.А.* Состояние сельского хозяйства Среднего Поволжья в 1925–1927 гг... С. 122-123.

Знаковым моментом укрепления стратегий и форм общинной самоорганизации выступает частота созывов сходов и заседаний (пленумов) сельских советов. Этот сюжет детально рассмотрен в работе О.Ю. Яхшияна, Г.М. Сидоровой, И.К. Харичкина⁹⁵. По данным исследователей, в 1924 г. в РСФСР на один сельсовет приходилось 6 заседаний и 29 сходов⁹⁶. Летом 1925 г. в наиболее неблагополучные по состоянию партийной и советской работы уезды и округа СССР с инспекторской проверкой были направлены члены ЦКК РКП (б). Результаты ревизии работы низового аппарата (на сельском и на волостном уровнях) оказались неутешительными. Отмечалось, что связи «у советских организаций с населением почти никакой нет. Вопросы, которыми живёт крестьянство и которые являются важнейшими для крестьян, а именно: землеустройство, лес, переселение, школа, агрономия, ветеринария – этими вопросами советские работники не занимаются» (Пензенская губерния)⁹⁷. Во Владимирской губернии «отсутствующий сельсовет почти везде заменяется сходом, на котором по старинке решают все общественные дела»; «сход верховодит», работа же сельсовета ограничена выполнением административных и налоговых заданий, сбором статистических сведений⁹⁸. Как отмечалось в закрытом письме пензенского губкома в апреле 1926 г. «Местами работает один председатель Совета, и председатель превращается в "старосту старого порядка"», «крестьяне его так и называют»⁹⁹.

Смена приоритетов и наступление государства на права общины происходит по мере усиления кризиса хлебозаготовок и оформления курса на индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства во второй

⁹⁵ Яхшиян О.Ю., Сидорова Г.М., Харичкин И.К. Указ. соч. С. 54–65.

⁹⁶ Яхшиян О.Ю., Сидорова Г.М., Харичкин И.К. Указ. соч. С. 62.

⁹⁷ Розит Д.П. Проверка работы низового аппарата в деревне: основные итоги проверки низового аппарата членами ЦКК РКП (б) в 12 уездах и округах СССР. М., 1926. С. 10.

⁹⁸ Розит Д.П. Проверка работы низового аппарата в деревне: основные итоги проверки низового аппарата членами ЦКК РКП (б) в 12 уездах и округах СССР. М., 1926. С. 15.

⁹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 60. Д. 826. Л. 142 об.

половине 1920-х гг. По мнению В.В. Кондрашина, в этот период в арсенале средств борьбы государства и общины доминирующую позицию занимают: активное вторжение сельских советов в сферу земельных отношений, закреплённое рядом законодательных актов, а также кардинальное изменение механизма самообложения (самофинансирования) сельского сообщества. Так, по постановлению ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. сбор и расходование средств, поступающих от самообложения, были изъяты из ведения общины и переданы сельским советам. Окончательно земельные общества прекратили свое существование с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1931 г.¹⁰⁰

Одним из значимых аспектов проблемы выступает эволюция всего арсенала средств социального сопротивления общины, в том числе, и наиболее радикальных форм, связанных с проявлениями социальной агрессии. На отдельных этапах истории экстремальность крестьянской повседневности выступала основным каналом коммуникаций, принимавшим форму приглашения к диалогу или барьера против «вторжения» государства в сельский мир. Другими словами, институт общины может быть прочитан как форма солидаризации социальных действий, организующая сила крестьянского движения¹⁰¹.

И в этом случае, при сравнительном анализе форм крестьянского протеста в революционный период и в условиях Гражданской войны и утверждения большевистского режима мы скорее увидим обусловленность выбора тех или иных поведенческих стратегий конкретными историческими условиями и задачами социального сопротивления, чем традиционное проявление имманентно присущего общине стадной ярости (в смысле бессмысленности и беспощадности русского бунта).

Бесспорно, следует признать наличие элементов ритуальной практики, стратегий, выработанных вековыми традициями мирского долготерпения и

¹⁰⁰ Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 207, 210.

¹⁰¹ Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 205.

разгула стихии, но предназначение и функционал бунта изменится в условиях дезинтеграции отношений власти-подчинения, краха монархии, а вместе с ней и привычных способов взаимодействия. Так, материалы делопроизводственной документации региональной администрации периода Первой российской революции предельно чётко воспроизводят повторение ритмичности, сменяемость фаз в саморазвитии бунта в каждом из нападений крестьян на барские усадьбы: «согласование» действий, солидаризация членов общины; формирование образа объекта агрессии; принесение мнимой жертвы, провокационные действия толпы; образование массы и массового сознания, порождающего ощущение всемогущества и оправданности, и, напротив, подавляющего чувство ответственности; регуляция сверхсильных эмоциональных состояний; распад или самораспад массы¹⁰².

Речь здесь идёт о специфической форме обращения к высшей власти, о послании монарху, кричавшим о существовании неразрешимой проблемы, о стремлении «достучаться до небес» посредством допустимого и справедливого с позиций общинной этики насилия, ограниченного во времени и пространстве именно рамками ритуала. Однако крушение монархии, как отмечалось выше, не вызвало замешательства и растерянности в крестьянской среде. В преддверии сева община во всеуслышание заявила о своих претензиях на частновладельческую землю на губернских крестьянских съездах, состоявшихся в конце марта – начале апреля 1917 г.

Реализация общинного варианта «Правды» в ситуации безвластия привела к росту погромных настроений и тиражированию практик неконтролируемой агрессии. В итоге к осени 1917 г. происходит существенная формализация ритуала бунта, традиционный порядок нарушается, отдельные действия алгоритма сливаются, накладываются друг на друга. В отсутствии адресата частично теряется смысл и целеполагание социальных реакций, а в

¹⁰² Подробнее см.: *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 564.

общем наборе стимулов поведения магическое наказание сил зла соседствует с немотивированной агрессией. Примечательно, что в советской историографии тезис о снижении влияния крестьянских организаций и росте стихийности крестьянского движения осенью 1917 г. объяснялся локализацией центра принятия решений на уровне сельских комитетов и крестьянских сходов¹⁰³.

Характеризуя ситуацию 1918–1921 гг., трудно переоценить степень экстремальности крестьянской повседневности, оказавшейся под ударом «военно-коммунистического эксперимента». Большевистское государство разворачивает тотальную войну за ресурсы, обрушившись на общину prodrazверсткой, трудовой и подводной повинностями, поборам различного рода. Произвол и насилие стали исключительным форматом трансляции политической воли и утверждения новой власти, что незамедлительно спровоцировало ответную реакцию общины по всему спектру сопротивления: от обыденных его форм до социальной агрессии. В этом контексте эсхатологические переживания, предельное состояние психологического напряжения, осознание реальной угрозы физическому существованию каждой крестьянской семьи активизируют иную форму вооруженного противодействия, закрепленную историческим опытом мирского общежития – форму самосуда. По этому сценарию разворачивается восстание в селах Б. Ижмора, М. Ижмора, Ушинка, Ольшанка и Ключи Керенского уезда Пензенской губернии в феврале 1920 г., спровоцированное требованием выполнения подводной повинности и реквизицией лошадей во время празднования Масленицы. Прибытие отряда красноармейцев и арест «говорунов», заподозренных в агитации, вызвали настоящий мятеж, завершившийся разгромом райпродкома и военного комиссариата, убийством нескольких красноармейцев и представителей соввласти, созданием нового правительства («Объединенного Союза Трудовой Партии»). Материалы дознания бесстрастно воспроизводят элементы специфической формы

¹⁰³ *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Т. 1. М., 1966. С. 405.

«мирского» сопротивления, тяготеющей к самосуду: «Крестьяне стали собираться на сход по звону набата»; «на сходе решено оказать сопротивление»; «участие в разгроме райпрокома принимали все, как женщины, так и дети»; «во время грабежа били в набат»¹⁰⁴. В этом отношении глумление над трупами жертв крестьянского мятежа не будет разительно отличаться от случаев расправы с конокрадами, ворами и поджигателями, являвшейся в традиционном обществе скорее нормой, чем аномалией деревенской повседневности.

Как отмечает В.В. Кондрашин, историю крестьянского движения можно представить, как волну жестокой мести крестьян за причиненные им обиды, мести, регламентированной нормами и установлениями общинной организации. В частности, в условиях взрывного распространения повстанческого движения в 1920-1921 гг. решение о казни советских активистов принимал сельский сход, определявший степень виновности каждого из захваченных представителей власти¹⁰⁵. Отметим здесь и многочисленные случаи, когда организаторами и участниками крестьянских восстаний становились сельские, а нередко и волостные советы¹⁰⁶, что свидетельствует об эволюции системы самоорганизации российского крестьянства, впитавшей и адаптировавшей под свои нужды элементы внешнего политического управления.

Приговорная практика схода формировала правовое поле крестьянской войны: протоколом общего собрания оформлялись обращения к властям с призывами «арестов не производить», а вольную торговлю разрешить¹⁰⁷, такое же решение требовалось и в случае организации вооруженного сопротивления властям. Так, в марте 1919 г. крестьяне д. Ташолки (Мелекесский уезд

¹⁰⁴ ГАПО, ф. р-473, оп. 3, дд. 43, 43а, 43б.

¹⁰⁵ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 297–298.

¹⁰⁶ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 298–299.

¹⁰⁷ Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 78. Л. 7–7об.

Самарской губернии) потребовали от граждан д. Александровки созвать сход и принять резолюцию о поддержке восстания: «...вы должны присоединиться к крестьянам окрестных сел, которые восстали против Советской власти»¹⁰⁸. Позиция александровских крестьян подобным экстремизмом не отличалась: «...на сходе говорили, что если в волости все спокойно, то протокол этот секретарь должен уничтожить. На сходе никто из наших крестьян восставать не призывал, но говорили, в том числе и я, что если подтвердится, что везде на самом деле восстали, то и нам нужно будет восставать». После того, как возвратились «послы» и объяснили, что «в волости все спокойно», то «сход заявил, что «и мы не будем присоединяться» и потребовал уничтожить протокол»¹⁰⁹.

Ситуация конца 1920-х гг. во многом предстаёт повторением эксперимента времен Гражданской войны и окончательным утверждением мобилизационной стратегии, имевшей своей целью не столько уничтожение общины, сколько подавление любых возможностей для самоорганизации крестьянства. Главным средством в этом отношении стала политика ликвидации кулачества, политика раскола и дезинтеграции, замаскированная мнимыми одеждами классово-борьбы. Именно поэтому волна крестьянского недовольства, захлестнувшая советскую деревню в 1930 г., очень быстро разбилась о подножие колхозной системы. Ведь артель образца начала 1930-х гг. априори не предназначалась для укрепления солидарной системы социальной защиты, а выступала административным стимулом для интенсификации производства, способом оптимизации и изъятия ресурсов. Тяготы коллективной обработки общественной земли и выполнения государственных обязательств в обмен на право пользования усадьбой и личным подсобным хозяйством могли объединить крестьян, разве что в ожидании роспуска колхозов и освобождения от «барщины». В этом контексте

¹⁰⁸ ГАСамО. Д. 40. Л. 25.

¹⁰⁹ ГАСамО. Д.40. Л. 25 об.

история российской поземельной общины завершилась вместе с ликвидацией правовых оснований существования земельных обществ осенью 1931 года.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2 2022 г

Автор П.Кабытов, Н.Кабытова

Страниц 26

Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. П.Кабытов, Н.Кабытова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

Крестьяне и власть в 1917 году: локализация революции

*Петр Кабытов, Надежда Кабытова, Самарский национальный
исследовательский университет имени академика С.П.Королева (г. Самара)*

Аннотация.

В статье анализируются взаимоотношения крестьян и власти в условиях Великой российской революции. Выделены этапы в изучении данной проблемы. При рассмотрении механизма формирования властных структур в сельской местности выявляется специфика общественно-политических объединений в деревне, которые отличались от аналогичных в

городе. Самоорганизация сельского мира проявилась в создании инициативных низовых крестьянских комитетов, воплощавших в жизнь общинные формы народного представительства. Показана организующая роль губернских и уездных крестьянских съездов, которые крестьяне наделяли правотворческими полномочиями. Выявлены причины поддержки крестьянами, как общинниками, так и мелкими собственниками, советской власти, рассмотрены способы ее конституирования на местах, доказано использование беспочвенной властью традиционных народных ценностей.

Ключевые слова. Революция, 1917 год, крестьяне, власть

Проблематика исторических исследований, характеризующих взаимоотношения народа и власти в условиях гражданского противостояния, является остро дискуссионной. Она зависит от идейно-политической ситуации в обществе, состояния источниковой базы, методологических принципов и методов анализа социальных действий. На разных этапах историографического освоения революционного процесса в России начала XX века приоритеты исследователей определялись не только субъективными, но и объективными факторами. Субъективные обстоятельства – это идеологическое давление властно-директивных структур, профессиональный интерес историков, морально-нравственные приоритеты общественной среды. Состояние источниковой базы, ее доступность для исследователей, методика и техника обработки громадного документального наследия — явления объективного характера, определяющие репрезентативность наблюдений и выводов. Магистральная линия развития революции, то есть ее причины, ход и итоги, обросла огромной литературой. Довольно хорошо изучена направленность действий «революционных потоков», важнейшей составляющей которых было крестьянское движение. В 1920–е гг. историки обратили внимание на наличие специфических крестьянских организаций, отличных от рабочих и солдатских. В 1930–1950-е гг. явно прослеживается стремление исследователей унифицировать революционные события в городе и деревне, чтобы доказать наличие «союза рабочего класса и беднейшего

крестьянства» как движущей силы социалистической революции, действующей под руководством большевиков. В 1960–1980-е гг. происходит расширение проблематики исторических исследований: появились работы, посвященные низовым крестьянским исполнительным и земельным комитетам, съездам и советам. В конце XX – начале XXI веков стали рассматриваться взаимоотношения крестьянских организаций с земствами, властными структурами, политическими партиями, анализироваться социально-психологические мотивы поведения сельских жителей в революции.

Специфика исторических трудов 1920–1950-х гг. была обусловлена необходимостью выполнения идеологического заказа правящей партии большевиков, стремившейся доказать закономерность и справедливость своей победы в революции. Партийно-советские функционеры, мобилизованные на фронт идеологической борьбы, часто фальсифицировали исторические факты, преувеличивая влияние большевиков и недооценивая организаторской деятельности эсеров среди крестьян. Исследования профессиональных историков, анализировавших в первое десятилетие советской власти российскую революцию 1917 г., немногочисленны и тематически ограничены. Предметом их изучения была преимущественно аграрная революция¹. Это обусловлено несколькими причинами: распространенностью народнических традиций в отечественной историографии; определяющим влиянием крестьянской борьбы за землю на весь ход революционных преобразований в стране; своеобразным негласным разделением направлений исторических изысканий между идеологами новой власти и лояльными, но не

¹ Аграрная революция. Т. 2: Крестьянское движение в 1917 году. М., 1928; *Дубровский С.М.* Крестьянство в 1917 году. М.; Л., 1927; *Чаадаева О.Н.* Помещики и их организации в 1917 году. М.;Л., 1928; *Шестаков А.В.* Октябрь в деревне. М., 1925; Он же. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов// Пролетарская революция. 1927. № 5; *Фирсов Н.Н.* Крестьянская революция 1917 года (до Октября) и Временное правительство. Казань, 1922; *Чернышов Е.И.* Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. Казань, 1926.

ангажированными ею историками. К тому же в это время широкое распространение получила концепция наличия в России в 1917–1918 гг. двух революций – пролетарской и крестьянской. В соответствии с нею и распределялись силы: рабочий класс и его авангард, большевистскую партию, прославляли агитаторы, пропагандисты и организаторы революционного насилия; крестьянский бунт как ведущую линию социальной революции пытались осмыслить специалисты-историки.

«Великий перелом» рубежа 1920–1930-х гг., положивший начало раскрестьяниванию страны, повлек директивное ограничение исследовательской проблематики. Политические противники большевиков в революции, а вместе с ними крестьянские организации, за влияние в которых они соперничали, почти не изучались советскими историками, а если упоминались, то как «контрреволюционные». Зарубежные исследователи российской революции 1917 г. в условиях «железного занавеса» были отлучены от пополнявшейся источниковой базы проблемы и вынуждены довольствоваться обветшавшими мифами, созданными участниками событий из числа русских эмигрантов «первой волны». Ужесточение идеологического диктата ВКП(б) привело к резкому сужению источниковой базы исторических исследований и намеренному ограничению их проблематики. Вопросы о власти, самоуправлении, деятельности общественных организаций были преданы забвению. В условиях своеобразного ренессанса советской исторической науки 1960–1980-х гг. не разрушены основополагающие ценности марксистско-ленинской методологии. Расширение проблематики исследований, создание обобщающих историографических трудов способствовало накоплению и классификации фактов о событиях, составлявших суть революционного процесса. Анализируя деятельность низовых органов самоуправления, организовававших социальные действия, историки оценивали их в соответствии с радикализмом решений тех или иных комитетов. Наибольшее количество публикаций посвящено созданным в деревне после февраля 1917 г. крестьянским организациям: волостным и

сельским исполнительным, земельным, продовольственным комитетам, поощрявшим конфискационные притязания крестьян-общинников по земельному вопросу².

Систематизация созданных в предыдущие годы исследований позволила поставить целый ряд новых тем в изучении российского революционаризма³. В 1990-е гг. появились оригинальные труды, не только углубляющие и расширяющие общее знание о сути революционных преобразований 1917 г. в России, но вносящие значительные коррективы в устоявшиеся оценки исторического значения данного глобального события⁴. Международные дискуссии о характере российского революционного процесса начала XX столетия способствовали расширению проблематики исследований, своеобразной конвергенции в оценках отечественных и зарубежных авторов. Наряду с традиционными, появились новые сюжеты, характеризующие специфику крестьянского движения в 1917 г. Стал активно изучаться процесс формирования новой властной парадигмы в России. Взаимоотношения

² Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов (На материалах Нижнего Поволжья). Саратов, 1974; Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община// Исторические записки. 1984. Т. 111. С. 100–150; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975; Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 году, март-октябрь. М., 1981; Медведев Е.М. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970; Седов А.В. Крестьянские комитеты в 1917 году: идея, организация, статус. Саратов, 1990; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. Гл. V–VII.

³ Россия, 1917 год: выбор исторического пути. («Круглый стол» историков Октября, 22–23 октября 1988 г.). М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Революция и реформа: их влияние на историю общества// Новая и новейшая история. 1991. № 2; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: Быт и нравы поведения, мораль. М., 1997; Великий Октябрь и современная Россия. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Нижний Новгород, 1997; Революция в России. Спорное прошлое и неопределенные перспективы («Круглый стол» к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции) // Альтернативы. 1997. № 3.

⁴ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация. М., 1997; Кабытова Н.Н. Земство или Советы: российская властная альтернатива // Самарский земский сборник. 1996. Вып. 3.; Лавров В.М. Крестьянский парламент России: всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. М., 1996; Матвеев М.Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997.

крестьянских комитетов с властными и самоуправленческими структурами рассматривались как уникальный, хотя и полностью не реализованный опыт переустройства общественных отношений⁵. Детально разработан вопрос о причинах популярности эсеров на выборах в Учредительное собрание⁶, что позволило по-новому оценить крестьянские съезды и советы. Рассматривая региональные модификации российской революции 1917 г., исследователи отметили значительное влияние крестьянских организаций – от низовых комитетов до советов и съездов на государственное строительство⁷. Исследование этих вопросов позволило выявить глубинные причины системного кризиса в России, понять механизм влияния народа на власть через инициативные общественные институты⁸, стимулировало появление новых оригинальных работ, рассматривающих социопсихологические аспекты поведения крестьян в условиях социальных катаклизмов⁹.

Возрождение форумов историков-аграрников в начале XXI века способствовало углубленному изучению эволюции аграрных отношений в России. Рассматривая социально-экономические аспекты развития деревни в разные исторические эпохи, исследователи неизбежно выявляли специфику поведения хозяйствующих субъектов, непосредственно влиявших на действия

⁵ *Седов А.В.* Февральская революция в деревне. Нижний Новгород, 1997.

⁶ *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

⁷ *Герасименко Г.А.* Народ и власть. 1917. М., 1995; *Кабытова Н.Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002; *Кабытов П.С., Курсков Н.А.* Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2005; *Симонова Е.В.* Революционный процесс в региональном измерении: общество, партии и власть в 1917–первой половине 1918 г. Тула, 2017; *Тропов И.А.* Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). СПб., 2011.

⁸ *Данилов В.Н., Кабытова Н.Н.* Трансформация институциональной структуры регионов Поволжья в 1917 году: движущие силы и этапы процесса//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т.22. №6.

⁹ *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; Он же. Коммунары поневоле: общинная революция с драматургии второй русской смуты. Казань, 2017; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.

власти¹⁰. Опыт воздействия крестьян на власть изучен недостаточно и требует детального исследования в региональном измерении¹¹. К выявлению специфики революционного процесса на местах обратились как российские, так и зарубежные историки¹². Это дает возможность проследить, как менялся первоначальный сценарий революции, которая по традиции начиналась в центре, а делалась в провинции.

Процесс формирования власти в сельской местности после Февраля 1917 г. был сложным и противоречивым. Формы общественно-политических объединений в деревне отличались от аналогичных в городе. Это были различные крестьянские комитеты (исполнительные, земельные, продовольственные), кооперативы, земские службы, организации «Крестьянского союза» и «Союза земельных собственников», церковные приходы и сельские общества. Крестьянская поземельная община трансформировалась в представительный институт сельской местности. Произошло расширение состава сельского схода; организационно-хозяйственные функции схода домохозяев перестали быть основными на собраниях сельских обществ. На смену им пришли организованные или стихийные сходы-митинги всего населения, на которых решались актуальные общественно-политические вопросы¹³. В 1917 г. община проявила себя как самовозрождающаяся структура, выдвинув новые организационные формы в

¹⁰ См. например: *Кабытова Н.Н.* Перегрузка сельского самоуправления в Российской революции 1917 года; *Романченко В.Я.* Крестьянская революция и двоевластие в российской деревне (весна–осень 1917 г.); *Безгин В.Б.* Крестьянский «мир» в революции 1917 года (на материалах Тамбовской губернии) //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017 год: Формы землевладения и системы землепользования, сельское управление и самоуправление в аграрной истории России X–XXI вв. М.; Брянск, 2018. С.139–168.

¹¹ Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. Раздел 3. Региональная аграрная историография.

¹² Характеристика зарубежной литературы дана в статье: *Бэдкок Сара.* Переписывая историю российской революции//Отечественная история. 2007. 34. С.103–112.

¹³ *Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм М., 1996. С. 79.

лице крестьянских комитетов для решения актуальных задач «текущего момента».

Стремление крестьян выйти со своими проблемами за пределы своего территориального образования вызвало к жизни такие специфические формы объединения, как крестьянские съезды. Различные местные съезды, сословно-корпоративные или профессиональные по составу, еще до революции практиковавшиеся как форма общественно-политического объединения, получили широкое распространение в русской революции 1917 г. Крестьянские съезды в губерниях Поволжья были значительным явлением общественно-политической жизни. На них избирали советы крестьянских депутатов, которые в соответствии с пропорциональным представительством имели самое большое число мест в губернских общественных комитетах¹⁴. Губернские исполнительные комитеты в свою очередь использовали крестьянские съезды для укрепления собственных позиций в борьбе за власть. В революции проявилось новое качество крестьянских общественных объединений – постановка и решение вопросов политической организации общества в масштабах всей страны. Сельские сходы и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире. Они не ограничивались выражением своего мнения по названным вопросам, а принимали решения принципиального характера, предусматривавшие практические действия по реализации сложившихся в крестьянской среде политических идеалов. Разумеется, общественно-политическая активность крестьянства была направлена на достижение векового стремления к «земле и воле».

Осуществляя демократические преобразования в управлении на местах, Временное правительство первоначально стремилось сохранить органы царской администрации и местного самоуправления в волостях и селах.

¹⁴ Кабытова Н.Н. Власть и крестьянские съезды в 1917 году// Самарский земский сборник. Самара, 2008. № 1 (17). С.64.

Однако, в условиях революции это оказалось невозможным. Крестьяне по собственной инициативе начали организовывать новые органы самоуправления, которые возрождали преданные забвению под давлением царской администрации общинные нормы и традиции. Они восстановили все звенья сельского самоуправления. На сельские сходы собирались все домохозяева, а не только десятидворники (по 1 делегату от 10 крестьянских дворов), как это сложилось с введением института земских начальников¹⁵. Сначала крестьянки-солдатки, а затем все женщины получили право участия в сельских собраниях. Для реализации своих требований в революции крестьяне создавали общественные исполнительные комитеты, избиравшиеся на крестьянских сходах и съездах. Отношение Временного правительства к возникавшим чаще всего по инициативе самих крестьян комитетам было двойственным. Оно было не прочь вовсе обойтись без самочинных организаций, но в условиях развития революции вынуждено было мириться с ними. Разработки правоведов о поэтапной демократизации государственного и общественного строя под контролем Временного правительства не нашли применения в конкретной российской действительности.

Единообразия в образовании и деятельности исполнительных комитетов не было. Сельские и волостные крестьянские комитеты избирались различными способами. Сельские комитеты крестьяне чаще всего выбирали на сходах первоначально по старым правилам, просто потому, что новые еще не были разработаны. Позднее, когда появились новые инструкции по организации власти, а приезжие агитаторы развернули свою пропагандистскую деятельность, в деревне стали использоваться и новые формы социальной организации: применялись всеобщие, равные, прямые выборы, чаще всего открытым голосованием. В волостные крестьянские комитеты выборы проходили путем представительства от определенного числа жителей. В них избирались делегаты от сел и деревень или от сельских

¹⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.820. Оп.1. Д.5. Л.48.

комитетов, если они уже были образованы на сходах и собраниях. Комитеты формировались также на волостных съездах из числа делегатов¹⁶. В марте–апреле 1917 г. собирались чрезвычайные губернские и уездные земские собрания, выражавшие поддержку Временному правительству и претендовавшие на участие в строительстве новых властных структур. В связи с тем, что «земства оставались в подавляющем большинстве в старом составе»¹⁷, им не удалось в достаточной степени повлиять на состав волостных и сельских исполнительных комитетов.

Выработку правил и инструкций по организации власти на местах считали своей задачей все новые организации. Для этого созывались специальные съезды как общественных комитетов, так и комиссаров Временного правительства. По инициативе и под руководством преимущественно эсеров и различных земских, кооперативных и других организаций, где они служили, собирались также крестьянские съезды. На них обязательно разрабатывались нормы крестьянского представительства в структурах местной власти и самоуправления¹⁸. Временное правительство не смогло предотвратить процесс крестьянского правотворчества в области сельского самоуправления, а поэтому попыталось взять его под свой контроль. Постановлением от 19 марта 1917 г. оно признало лишь волостные комитеты, а сельские по-прежнему продолжало считать незаконными¹⁹.

Губернские и уездные комиссары, выполнявшие указания правительства, не могли управлять структурами, которые считали нелегитимными. В результате сельские исполнительные комитеты действовали в интересах избравшего их мира, а не по инструкциям власти. Волостные исполнительные комитеты были включены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их

¹⁶ ЦГАСО. Ф.820. Оп.1. Д.5. Л.69.

¹⁷ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 886. Л. 10.

¹⁸ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.5. Оп. 1. Д.3870. Л.4.

¹⁹ ЦГАСО. Ф.820. Оп.1 Д.5. Л.34.

функционирования разрабатывались общественными комитетами, съездами, советами в каждой губернии, а иногда даже уезде, самостоятельно. В марте 1917 г. по инициативе крестьян в Поволжье повсеместно были созданы волостные и сельские исполнительные комитеты. Временное правительство обязывало губернских комиссаров организовать контроль со стороны уездных комиссаров за их деятельностью. Министерство внутренних дел разослало на места инструкции о необходимости согласования действий волостных комитетов с распоряжениями губернских комиссаров Временного правительства и постановлениями губернских и уездных исполнительных комитетов²⁰.

Для завершения организационного оформления местной власти волостные исполнительные комитеты были включены в систему административного управления в пределах территории волости. I Поволжский областной съезд исполнительных комитетов, открывшийся 27 мая 1917 г., принял резолюцию, определявшую права и обязанности волостных исполнительных комитетов. Права волостных исполнительных комитетов подтверждали определенный для них Временным правительством статус:

«1. Власть волостных комитетов распространяется на всю территорию волости.

2. Волостным комитетам принадлежит право руководства административной, хозяйственной и культурной деятельностью волости.

3. Волостной комитет избирает президиум, волостного комиссара.

4. Волостной комитет контролирует деятельность подчиненных ему организаций (сельских комитетов)»²¹.

Механизм реализации этих прав разработан не был. При перечислении обязанностей волостных исполнительных комитетов составители документа также ограничились призывами к выполнению общих указаний Временного правительства:

²⁰ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 983. Оп. 1. Д. 16. Л. 3–5.

²¹ ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 341.

«1. Волостные комитеты осуществляют активную поддержку Временного правительства.

2. Всеми мерами содействуют укреплению нового строя.

3. Подготовка к выборам в Учредительное собрание.

4. Волостные комитеты подчиняются уездным исполнительным комитетам. Составляют сметы доходов и расходов. Рассматривают и утверждают отчеты всех подчиненных им учреждений. Приглашают и увольняют должностных лиц. Приводят в исполнение распоряжения высших органов власти»²².

Для выполнения даже самых общих обязательств по организации управления в сельской местности необходимо было решить вопрос финансирования волостных комитетов. Временное правительство неоднократно дебатировало этот вопрос. Желая теснее привязать крестьянские организации к административным структурам Временного правительства на местах, часть чиновников настаивала на их государственном содержании. Однако, средств Казначейства не хватало даже на финансовую поддержку губернских комитетов, которые вместе с уездными в большинстве сохранили статус общественных организаций. Поэтому содержание не только сельских, но и волостных комитетов осуществлялось за счет системы самообложения. До революции сельское самообложение носило сословную форму мирских сборов и распространялось на надельные крестьянские земли. В ходе преобразования самоуправления крестьяне потребовали распространения таких сборов на всех землевладельцев, промышленников, церковные земли. «Содержание волостных комитетов относится за счет волостных средств. Волостным комитетам предоставляется право с настоящего времени привлечь на равных для всех основаниях к обложению волостными сборами необлагавшиеся ранее этими сборами казенные, удельные, банковские, частновладельческие, монастырские, церковные земли,

²² ЦГАСО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 342.

а также торгово-промышленные предприятия»²³. Такая система содержания выводила органы сельского самоуправления из системы административной власти. Сельские и волостные комитеты в условиях финансовой независимости претендовали на свободу действий и выбирали среди множества общественно-политических структур те, которые заявляли о поддержке крестьянских требований в революции.

В 1917 г. определяющую роль в регулировании взаимоотношений местной администрации Временного правительства с органами самоуправления и другими общественными организациями взяли на себя крестьянские съезды. На всероссийских, губернских, уездных крестьянских съездах обсуждался весь комплекс вопросов революционного времени. Являясь наиболее представительными массовыми общественными объединениями, крестьянские съезды выступали инициаторами изменения партийно-социального состава губернской и уездной администрации Временного правительства. Они разрабатывали правила организации власти, самоуправления, аграрных отношений. На крестьянских съездах разгорались острейшие дискуссии по всем политическим вопросам, в ходе которых делегаты от крестьянских обществ противостояли организаторам от политических партий. Уже первые губернские крестьянские съезды взяли на себя правотворческую миссию, разрабатывая и утверждая инструкции по формированию самоуправления, его взаимодействия с местной администрацией на переходный период²⁴. Под демократией крестьянские делегаты съездов вообще понимали нормы обычного общинного права. Обсуждая вопросы организации местного управления, они стремились к обособлению низовых крестьянских комитетов от органов местной администрации Временного правительства.

²³ ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

²⁴ См. например: Протоколы заседаний крестьянской секции Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Казанской губернии. Казань, 1917; Постановления I съезда крестьянских делегатов Самарского уезда Самарской губернии. Самара, 1917.

Апрельский кризис Временного правительства привел, как известно, к созданию нового коалиционного его состава. Это событие по-разному оценивалось общественно-политическими силами в центре и провинции. Большевики, не представленные в новом составе Временного правительства, продолжали резко критиковать его политику. Они упрекали в соглашательстве с классовыми врагами, обвиняли в предательстве интересов трудящихся министров-социалистов и партии, к которым те принадлежали. В.И. Ленин оценивал с трудом достигнутое между Временным правительством и Исполкомом Петросовета соглашение как начало «медового месяца бракосочетания «социалистов», эсеров и меньшевиков с буржуазией в коалиционном правительстве»²⁵. Однако совсем не таким сладким, как казалось большевикам, был этот месяц. Крестьянские съезды, проходившие в мае 1917 г., выражали поддержку Временному правительству, но далеко не безоговорочную²⁶. На сельских сходах и волостных собраниях, уездных и губернских съездах составлялись наказаы делегатам, избравшимся на Всероссийский крестьянский съезд. В этих наказах выдвигался ряд условий политического характера. В советской историографии преобладала негативная ленинская оценка вхождения социалистов во власть как в центре, так и на местах. Она заключалась в утверждении, что «чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров»²⁷. Между тем на местах, где давление революционных масс ощущалось сильнее, как раз и принимались различные постановления не только о земле, но и о власти, шедшие вразрез с политической линией центрального руководства. А разработчиками конфискационно–радикальных проектов по аграрному вопросу были эсеры.

²⁵ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 13.

²⁶ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы общегубернского сословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917. С.11.

²⁷ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 30.

Признавая Временное правительство, в вопросах местного управления крестьянские съезды расходились с ним при определении полномочий органов власти и самоуправления. Они выступили в качестве организаторов советов крестьянских депутатов, которые стали фактическими руководителями волостных и сельских исполнительных комитетов. В общественном сознании удивительно быстро утвердился «культ народного избрания», убеждение в том, что при «новом праве воля народа... есть высший закон страны и над постановлением народоправства никакого контроля нет»²⁸. В формах осуществления «народоправства» правительство и народ существенно расходились.

Среди основных факторов общенационального кризиса в России аграрный вопрос к осени 1917 года выдвинулся на первое место. Крестьянский «черный передел» принял небывалый размах и определял взаимоотношения власти и общества как в деревне, так и в городе. Это было связано не только с численным превосходством крестьянского населения, но и особенностями функционирования народного хозяйства. Обострение продовольственного вопроса напрямую влияло на ход социальной революции и поляризовало политические силы общества. Крестьянские выступления, направленные против хлебной монополии, объявленной Временным правительством, перерастали в настоящие восстания против правительственных войск, посылаемых в деревню для наведения порядка. Перераспределением собственности, а следовательно, и власти в сельской местности, занялись низовые крестьянские комитеты, вышедшие из-под контроля не только местной администрации, но и советов. Крестьянские съезды стали рассматриваться местными административными структурами как организующие объединения, способные хоть как-то стабилизировать ситуацию в деревне. В ходе подготовки выборов в Учредительное собрание социалисты-революционеры имели явное преимущество по сравнению с

²⁸ Красный архив. М., 1926. Т. 2. С. 40.

другими политическими партиями в организационном плане. Временное правительство возложило на земские учреждения все организационные мероприятия по подготовке и проведению выборов в Учредительное собрание в сельской местности. Земства формировали избирательные округа, готовили списки избирателей, регистрировали кандидатов в депутаты от партий и объединений, создавали участковые избирательные комиссии. Разработчики законов о местном самоуправлении отлично понимали, что «в многомиллионной крестьянской России от выборов в волостное земство»²⁹ зависел состав Учредительного собрания. Волостные земства должны были также преодолеть диктат крестьян-общинников, объединенных в низовые исполнительные и земельные комитеты, избиравшиеся по сословному принципу.

По закону о выборах земских гласных, в них могли участвовать все граждане, достигшие двадцатилетнего возраста, проживавшие в волости, имевшие там собственность, состоявшие на земской или иной местной службе. Таким образом сословное представительство заменялось всеобщими демократическими выборами. Благодаря этому в них участвовали не только общинники, но и хуторяне, отрубщики, помещики, священнослужители, служащие и торговцы. Однако преодолеть синдром «общинной революции» в условиях нарастания общенационального кризиса не удалось даже в юго-восточных, более зажиточных районах Поволжья. Народнические идеи привлекали не только крестьян-общинников, но и всех мелких собственников в деревне и городе, им симпатизировали многие служащие земских и городских самоуправлений. Выборы волостных земств, начавшись в августе, проходили до конца 1917 года, но большинство их состоялось в сентябре-октябре. Это было связано с трудностями реализации организационных предвыборных мероприятий в сельской местности. К тому же крестьяне-общинники, столь успешно реализовывавшие свои требования через низовые

²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1811. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.

комитеты, с большим подозрением относились к реформе самоуправления, осуществлявшейся Временным правительством. Приверженность архаичным формам самоорганизации и представительства во властных структурах крестьяне проявили с самого начала революции; не изменились их приоритеты и при выборах волостных земств. Хотя организаторы избирательной кампании уверяли, что «деревня ответственно подошла к выборам, выставив большое количества кандидатов в гласные»³⁰, сообщений о том, что «население относилось к ним равнодушно или даже отрицательно»³¹, было предостаточно.

Стремление Временного правительства унифицировать органы местного самоуправления в огромной многонациональной стране, не учитывая особенностей самоорганизации народов, ее населявших, не способствовало успеху преобразований. Так, Чебоксарский уездный комиссар 9 октября 1917 года в докладной записке на имя Казанского губернского комиссара отмечал, что при «составлении списков избирателей никаких затруднений не возникало, за исключением мусульманских округов, отказавшихся дать сведения о женской половине населения... За отсутствием классовой или политической борьбы кандидатские списки составлялись или каждой деревней, или группой деревень... Мусульманское население принять участие в тайном и равном голосовании отказалось и выбрало гласных открытым голосованием»³². Уездные земства под эгидой губернских пытались преодолеть негативное отношение крестьян к навязывавшимся им сверху преобразованиям. Народнические партии и союзы организовывали различного рода агитационно-пропагандистские курсы, «командируя в распоряжение земств, кооперативов и других организаций студентов и курсисток»³³ из Москвы, местных «представителей партий с-д; н-с; к-д; с-р»³⁴. Например, программа курсов, разработанная Саратовским обществом народных

³⁰ Народная газета. Пенза. 1917. 26 июля.

³¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 45. Л. 32.

³² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 102. Л. 211-211 об.

³³ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894. Л. 7.

³⁴ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894. Л. 26.

университетов, включала следующие вопросы: «1) По местному самоуправлению... 2) Конспект Учредительного собрания... 3) Можно ли жить без царя?... 4) Организация сельского общества... 5) Местное строительство.»³⁵.

Земские деятели, которые были «сплошь из демократического элемента», успели скомпрометировать себя в глазах крестьян, осуждая «насильственный захват» ими чужой собственности³⁶. При выборах волостных земств крестьяне предпочли кандидатов не от партий и союзов, общественных организаций и земских учреждений, а представителей из своей среды. Оценивая промежуточные итоги выборов в Самарской губернии, земские служащие с горечью констатировали: «Выборы нужно признать неудачными. Преобладающий элемент – зажиточные крестьяне, некультурные и малограмотные. Интеллигенции очень незначительно... Понятие о земстве населением усвоено плохо...»³⁷. По мнению организаторов выборов, в некоторых волостях «состав гласных хороший, прошли преимущественно интеллигенты, между которыми значительная часть учителей, ветеринаров, агентов и прочих». Одновременно «почти везде наблюдалось несознательное отношение к выборам... Были случаи, когда сельские писари ... указывали избирателям, что они могут голосовать только за предлагаемый список, хотя это шло вразрез с желанием избирателя»³⁸. «По некоторым волостям выборы были по партийным спискам (эсеров), а по Абдулинской – даже большевики»³⁹. В окрестностях городов, фабрично-заводских поселков, узловых железнодорожных станций имела место политическая дифференциация сельских жителей, но в крестьянской среде она была скорее интуитивной, нежели сознательной. Крестьяне не понимали «хитрой

³⁵ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894. Л. 19-23 об.

³⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 44. Л. 3, 3 об.

³⁷ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1117. Л. 5.

³⁸ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1117. Л. 6.

³⁹ *Блюменталь И.И.* Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1927. Т. 1. С. 227.

механики» разногласий между партиями. В условиях массового распространения радикальных настроений среди большинства социума, возможностей для реализации либеральных взглядов в сельской местности практически не было. Например, священник Николаевской церкви села Нижняя Кармалка Вениамин Павлов 21 августа 1917 г. направил заявление в Организационный комитет РСДРП (меньшевиков), в котором просил принять его «в число действительных членов РСД Рабочей партии». Он обязался «членские взносы вносить аккуратно и постановлением Центрального комитета ненарушимо подчиняться беспрекословно»⁴⁰. Несмотря на всю экзотичность политической ориентации отца Вениамина, понять побудившие его причины можно. Он пытался лавировать между правящими кадетами и левыми социалистами в поисках умеренного политического центра демократического направления.

Неосуществимость принципов земского представительства на выборах Учредительного собрания казалась очевидной всем политическим партиям и течениям, действовавшим в российской революции 1917 года. Члены «Особого совещания по делам о выборах в Учредительное собрание» образовали специальную комиссию и провели сравнительно-сопоставительный анализ мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Отмеченные недостатки партийно-пропорциональной системы, когда «страна окажется во власти партийной бюрократии»⁴¹, комиссия надеялась преодолеть. Она считала, что пропорциональная система лучше выразит мнение национального и политического меньшинства. Последнее обстоятельство для составителей проекта «Положения о выборах в Учредительное собрание» имело особое значение при их всеобщности. Они успели убедиться в непопулярности на местах губернских и уездных комиссаров Временного правительства, назначенных из числа председателей

⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 451. Оп. 2. Д. 116.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

земских управ. Предпочтя пропорциональную систему мажоритарной, демократические законодатели не смогли предотвратить опасности охлократического диктата в стране.

Выявление социально-экономических требований крестьян в революции показало господство радикально-конфискационных настроений как среди общинников, так и собственников в отношении некрестьянского землевладения. Общинно-уравнительные иллюзии были присущи в значительной степени пролетарским и полупролетарским городским слоям, солдатам среднего возраста. Эсеры, пропагандировавшие идеи социализации земли, находясь во власти, не спешили с реализацией конфискационных мероприятий, опасаясь аграрного беспредела, но обещали утвердить их законодательно. В большинстве поволжских губерний к осени 1917 года эсеры стали «партией власти», руководили идейно и организационно избирательной кампанией в Учредительное собрание, а следовательно, имели большие возможности склонить на свою сторону электорат. Выдающийся русский мыслитель первой половины XX века И.А.Ильин, изгнанный из России в 1922 году большевистским режимом, писал: «Баба Авдотья рассказывала в 1917 году о своем участии в избрании «учредительного собрания»: «пришла я этта в волость, на крыльце люди толпятся; спрашивают – ты на выборы? На выборы... – что, откеда? – говорю: Авдотья Митрошкина с Погорелых Выселок, – отыскали они на бумажке чегой-то отметили, а мне на ладонь крест поставили мелом, иди, говрят, домой, проголосовала; ну я и пошла»... Так социалисты-революционеры составляли свое «большинство» в «учредилке»...»⁴².

Крестьяне – общинники, выступавшие против аграрной политики Временного правительства и его местной администрации, тем не менее, поддержали эсеров на выборах в Учредительное собрание, прежде всего, из-за одобрения их списков крестьянскими съездами. Кроме того, эсеры провели

⁴² Ильин И.А. О грядущей России. М., 1993. С. 33.

большую организационную работу по выявлению крестьянских наказов Учредительному собранию, распространяя через земельные комитеты различные анкеты и вопросники о желательном разрешении аграрного вопроса. Крестьяне–собственники, также заинтересованные в перераспределении земельного фонда, требовали только «строгую поставить милицию и дать ей власть арестовывать и наказывать хотя бы тюрьмой... так как происходит сильное воровство и озорство», хотя они тоже стремились «земли у большеземельных отобрать и поделить по справедливости»⁴³. Итак, крестьяне, вынужденно втянутые в партийно-пропорциональную избирательную систему на основе «четырёххвостки», выбрали более знакомую им партию, которая декларировала уравнительный передел земли.

В расстановке не только социальных, но и общественно-политических сил к осени 1917 г. в отдельных регионах России имелись свои нюансы, но кризис власти был всеобщий. Поскольку большевикам удалось не только захватить, но и удержать власть, следует обратить особое внимание на их тактику при локализации революции. Ведущим фактором взаимоотношений крестьян с властью оставался аграрный вопрос. Большевики, умело манипулируя традиционалистскими иллюзиями большинства социума, стали организовывать властную вертикаль, создавая советы до волостей и сел включительно. Эсеры, формально руководившие всеми крестьянскими организациями, оказывали им противодействие. Они развернули широкую антибольшевистскую кампанию, заявляя со страниц своих центральных и местных газет: «Большевики губят родину и революцию, грабят государственную казну»⁴⁴. В связи с приближавшимися выборами Учредительного собрания ЦК ПСР, призывая крестьян голосовать за список социалистов-революционеров, разъяснял, что так они выразят «протест

⁴³ ГАРФ. Ф.1781. Оп.1. Д.2. Л.4.

⁴⁴ Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Петроград. 1917. 4 ноября.

против большевиков, узурпировавших власть»⁴⁵. Например, самарские эсеры развернули контрпропагандистскую кампанию, направленную против организационно-административных мероприятий Ревкома. Они заявляли: «Большевики, став у власти, не могут даже в минимальнейшей части осуществить свои демагогические лозунги и призывы ... всячески поносят меньшевиков и эсеров ... стараются навести тень на партию социалистов-революционеров, обвиняя ее – полувекового борца за народ – в предательстве»⁴⁶. Им вторили меньшевики, обвинявшие большевиков в демагогических обещаниях: «Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, землю и волю, а гражданскую войну, кровь, прежнее безземелие и торжество кнута несут они... Свершившийся переворот ... отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародной поддержкой»⁴⁷. Земские самоуправления также заявляли протесты «насилию большевиков, игнорировавших мнение всей России и повсеместно внедрявших советы вместо земств и дум»⁴⁸. Крестьяне считали иначе. Так, делегаты IV Инсарского уездного съезда Пензенской губернии потребовали от Учредительного собрания разрешения вопросов о мире, земле и рабочем контроле. Они признали необходимым «обновление его состава посредством перевыборов в отдельных избирательных округах под руководством местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ... Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с Советами... считать посягательством на волю населения»⁴⁹.

Для обеспечения материальной силы своей власти большевики обратились к крестьянству, декретируя его главное требование в революции – уравнильный земельный передел. На Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов сформировался блок большевиков и левых

⁴⁵ Дело народа. Петроград. 1917. 12 ноября.

⁴⁶ Земля и воля. Самара. 1917. 2 ноября.

⁴⁷ Городской вестник. Самара. 1917. 2 ноября.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.

⁴⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

эсеров. Последние осудили позицию Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, требовавшего «восстановления законного Временного правительства»⁵⁰. Эсеры, монополизировавшие руководство крестьянскими организациями, стремились не допустить участия большевиков в работе съездов, но оградить крестьянских депутатов от общения с представителями рабочих и солдатских советов они не смогли. Анализируя предпочтения революционных потоков, В.И. Ленин впоследствии констатировал: «В России в сентябре–ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента»⁵¹. Крестьянские съезды, сначала условно поддерживая Учредительное собрание, затем не только не сожалели, но и одобрили его роспуск большевиками. Советские историки считали это следствием успешной агитационно-пропагандистской деятельности большевистской партии⁵², политики-эмигранты первой войны – коллективным помрачением массового сознания⁵³, современные исследователи активно эксплуатируют тезис о победе традиционализма над модернизацией по западному образцу⁵⁴. Скорее всего мимикрия большинства социума в отношении идей и практики Учредительного собрания в России

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 3875. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

⁵¹ Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 43.

⁵² Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. 1917–1918. М., 1987. С. 281; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 348; Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 3. С. 829; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. 1. С. 350.

⁵³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 177; Записки белогвардейца лейтенанта N.N. // Архив русской революции. М., 1991. Т. 10. С. 62.

⁵⁴ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.183; Он же. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; Кабытова Н.Н. Организация российской государственности в революции 1917 г.: от демократии – через охлократию–к диктатуре// Российская государственность: от истоков до современности. Самара, 2012. С.89; Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997.С. 159; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 224; Красильников В.А. Вдогонку за прошедшим веком. М., 1998. С. 57.

объяснима всем комплексом названных причин, которые требуют специального непредвзятого изучения.

Поддержка на местах роспуска Учредительного собрания советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов способствовала укреплению советской власти. Ее легитимность была подтверждена в ходе совместных заседаний III Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, начавшего работать 10 января 1918 г., и III Всероссийского съезда крестьянских депутатов, открывшегося 13 января 1918 г. Предварительно между ЦК большевиков и ЦК левых эсеров была достигнута договоренность об этом объединении⁵⁵. Здесь были одобрены «все декреты и постановления новой народной Советской власти»⁵⁶. Съезд подвел итог ожесточенной борьбе политических партий за крестьянство, развернувшейся в провинции после захвата власти большевиками. В ходе ее не только демократические, но и умеренно-социалистические партии потеряли опору сначала среди рабочих, солдат, а затем и крестьян. Они вынуждены были признать, что «стоило большевикам усилить работу в массе крестьян, как и не трудно стало сделать их большевиками»⁵⁷.

В течение января–марта 1918 года завершился процесс слияния советов в губернских и уездных центрах, шло интенсивное образование волостных и сельских советов. Первоначально большинство советов пытались использовать органы местного самоуправления, лишь ограничивая их деятельность «ведением хозяйственной части»⁵⁸ под своим контролем. При этом они постоянно подчеркивали, что «политическим строем ведают советы»⁵⁹. После объединения губернских советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими не только в центре, но и на местах усилилась

⁵⁵ *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С.117.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.

⁵⁷ Наш путь. Пенза. 1917. 19 декабря.

⁵⁸ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

⁵⁹ ГАПО. Ф.206.Оп. 1. Д.13. Л.25.

тенденция к ликвидации дум и земств как чуждых новой власти общедемократических структур⁶⁰. По инициативе местных советов и съездов принимались решения о соединении функций администрации и самоуправления в единой структуре советской власти. Большевики, добившись власти через советы, стремились предотвратить неизбежную для них конкуренцию со стороны демократических органов самоуправления. Губернские, уездные съезды советов и даже исполкомы советов принимали постановления по унификации власти в пределах своего ведения. В соответствии с решениями III Всероссийского съезда советов на местах реорганизовывали «земельные комитеты и сельскохозяйственные отделы земств в отделы народного сельского хозяйства при советах»⁶¹. На практике чаще всего реорганизация превращалась в ликвидацию земств и утрату их опыта организации сельского самоуправления.

Анализируя революционные события 1917 г. в российской провинции, констатируем, что аграрный вопрос был определяющим во взаимоотношениях крестьян и власти. Способы и методы его разрешения каждая сторона реализовывала через квазидемократические управленческие структуры. Деятельность Временного правительства была направлена на создание вертикали власти. Однако, его законодательные инициативы не были реализованы – сформировать четкую систему соподчинения органов местной власти не удалось. Обособленность крестьянского самоуправления проявилась уже при организации волостных и сельских комитетов, избиравшихся на основе общинных принципов. Крестьянские съезды, признавая Временное правительство, расходились с ним при определении полномочий органов местной власти и самоуправления. В результате: из центра требовали соблюдения временной законности, а деревня

⁶⁰ *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997. С. 149.

⁶¹ ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 216.

реализовывала на практике принципы социальной справедливости, как она их понимала. Все попытки внедрить в революционной России западные общедемократические принципы в провинции оказались неэффективными, поскольку традиционные устои здесь не были разрушены. Большая часть населения придерживалась норм общинного права, что создавало предпосылки для изменения форм регулирования общественных отношений. Советы, не только для рабочих и солдат, но и для крестьян, оказались предпочтительней. Они строились по классовому принципу и сначала декларировали, а затем декретировали социально-экономические требования революционных потоков. Советская система власти была унифицирована большевиками, а местные инициативные объединения крестьян ликвидированы. Таким образом демократические инициативы власти Временного правительства способствовали проявлению охлократических начал в процессе самоорганизации крестьян-общинников. Советы были приспособлены большевиками для выхода из революционного кризиса и осуществления диктатуры в государственном строительстве на местах.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2 2022 г

Автор В.Кондрашин

Страниц 21 Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. В.Кондрашин

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: vikont37@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

Влияние коллективизации на судьбы России в XX в.¹

Виктор Кондрашин, Институт российской истории РАН (г. Москва)

Аннотация. В статье рассматривается феномен коллективизации, делается вывод о том, что это важнейшее событие в истории России XX века, которое кардинально изменило ее аграрный строй и оказало огромное влияние на последующее развитие страны.

¹ *Опубликовано:* Российская история. 2018. № 4. С. 3–13.

Указывается, что понять коллективизацию невозможно без осмысления всего исторического пути российской модернизации. В статье анализируется «бухаринская альтернатива» сталинской коллективизации, характеризуется историческое значение создания в СССР колхозного строя, его влияния на экономику и менталитет советского крестьянства.

Ключевые слова. Россия, XX век, коллективизация, «бухаринская альтернатива», историческое значение колхозного строя.

Коллективизация советской деревни – важнейшее событие в истории России XX в. Она не только кардинально изменила её аграрный строй и жизнь основной массы населения страны, но и оказала огромное влияние на последующее развитие государства: судьбоносные события Великой Отечественной войны, послевоенное развитие советской деревни, аграрного сектора экономики, а также страны в целом. Последствия коллективизации сказываются и на ходе современной аграрной реформы в России, а также её общественно-политической жизни. Свидетельство тому – активное обсуждение данной темы в рамках общественно-политической и научной дискуссии о сталинизме и советском периоде в целом². Её осмысление актуально и в связи с «санкционной» ситуацией, когда учёт исторического опыта развития отечественной экономики, опирающейся на внутренние источники и «собственные силы», представляет практический интерес.

Именно поэтому в рамках настоящей статьи предпринимается попытка осмысления феномена коллективизации. Причём автор понимает, что это лишь один из подходов к рассматриваемой проблеме, отнюдь не претендующий на бесспорность и категоричность выводов. Учитывая её сложность, а также невозможность исчерпывающего анализа в рамках статьи

² См.: *Кондрашин В.В.* Куда идёт Россия? // Вестник Совета Федерации. 2016. № 1. С. 48–55; № 7. С. 68–75; *Носонов А.М.* Исторические, природные и социально-экономические предпосылки развития аграрной реформы в России // Проблемы перехода России к рыночной экономике. М., 1996. С. 21–53; и др.

всех исторических последствий коллективизации, рассматриваются лишь те из них, которые представляются автору наиболее важными.

Прежде всего необходимо отметить выдающиеся достижения отечественных исследователей. За последние десятилетия, благодаря подвижнической деятельности аграрного сектора Института российской истории РАН под руководством В.П. Данилова и его коллег из российских регионов и зарубежья, в научный оборот введён огромный массив архивных и других материалов, доказавших насильственный характер коллективизации, её трагические последствия для миллионов крестьян³. Вполне обоснован и вывод исследователей об общей трагедии народов бывшего СССР в период раскулачивания и голода 1932–1933гг. Он имеет особую актуальность в связи с продолжающимися на Украине и в ряде западных стран попытками возложить ответственность за эту трагедию на Россию как правопреемницу СССР⁴. В этой связи очевидно влияние последствий коллективизации на современные международные отношения.

Несомненны достижения российских и зарубежных исследователей в изучении причин, хода и последствий коллективизации. Они едины во мнении о том, что она представляла собой осуществление на практике антикрестьянской аграрной политики сталинской группировки, которая сделала ставку на насилие ради выкачивания из деревни средств на

³ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. / Под ред. В. Данилова, А. Береловича. М., 2001–2005; Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлёв и др. М., Торонто, 1998; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов. В 10 т. Т. 10 (1932–1934 гг.) / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М., 2017; и др.

⁴ См.: Голод в СССР. 1929–1934. В 3 т. / Отв. сост. В.В. Кондрашин. М., 2011–2013; «Первая заповедь»: Хлебозаготовки в СССР. 1931–1932 / Отв. сост. В.В. Кондрашин. М., 2016; и др.

проведение форсированной индустриализации. Результатом стали глубокий кризис сельского хозяйства и голод, унёсший жизни миллионов крестьян⁵.

Говоря о влиянии коллективизации на дальнейшее развитие сельского хозяйства СССР, исследователи указывают на необходимость изучения данной проблематики в исторической ретроспективе. Уже понятно, что коллективизация не может рассматриваться вне проблемы общей индустриальной модернизации России, хронологические рамки которой выходят далеко за пределы «сталинского периода»⁶. На мой взгляд, Ю.А. Петров очень точно определил модернизацию как «переход от традиционного общества к современному, то есть от аграрного к индустриальному или аграрно-индустриальному»⁷.

В рамках такого подхода объяснение феномена коллективизации невозможно без осмысления всего исторического пути российской модернизации, подразумевающего изучение в неразрывной связи хода аграрных реформ в дореволюционной и советской России и с задачами

⁵ См.: *Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance.* N.Y.; Oxford, 1996; *Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // *История СССР.* 1990. № 5. С. 7–30; *Доброноженко Г.Ф.* Коллективизация на Севере. 1929–1932. Сыктывкар, 1994; *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011; *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006; *Есиков С.А.* Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.). Тамбов, 2005; *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта. М., 2010; *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; *Lewin M.* Russian peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. N.Y., 1975; *Мерль Ш.* Голод 1932–1933 годов: геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // *Отечественная история.* 1995. № 1. С. 49–61; *Роголина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 99–147; *Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР /* Науч. ред. В.В. Кондрашин. М., 2011; *Таугер М.Б.* Голод, голодомор, геноцид: голод, сельское хозяйство и советская сельскохозяйственная политика. Киев, 2008; *Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. N.Y., 1994; *Okuda H.* Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929–1934. Токио, 1996 (на японском языке).

⁶ См.: *Лельчук В.С.* 1926–1940 годы: завершённая индустриализация или промышленный рывок? // *История СССР.* 1990. № 4. С. 24.

⁷ *Петров Ю.А.* Государство и экономический рост в дореволюционной России (конец XIX – начало XX века) // *Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы.* № 25. М., 2002. С. 63.

индустриализации, а также в контексте всех судьбоносных событий политической истории страны, определяемых особенностям и её исторического развития⁸. И российские исследователи идут по этому пути, сделав ряд очень важных и аргументированных выводов, указывающих на историческую закономерность коллективизации как состоявшегося варианта аграрной модернизации, обусловленной особенностями и страны. Так, например, Л.В. Милов отметил, что в неблагоприятных природных условиях, при низком уровне агрокультуры объём совокупного прибавочного продукта, создававшийся крестьянством как основной производительной силой, был намного ниже, чем в европейских странах, и государству требовались очень жёсткие меры, чтобы получить его для своих нужд, прежде всего, материального обеспечения дворянства и бюрократии. Такими мерами явились крепостное право и дальнейшее усиление самодержавия. Последующее аграрное развитие страны демонстрирует принципиально иной, чем на Западе Европы (не говоря уже о США), тип эволюции России, причём этот путь не был выбран произвольно правящими кругами, а диктовался объективными условиями существования. В данной трактовке даже «второе крепостное право большевиков», несмотря на его огромные издержки, в целом укладывалось в рамки приспособления к указанной долговременной тенденции — необходимости в условиях Центральной России максимальной концентрации рабочей силы и проведения земледельческих работ в кратчайшие сроки⁹. Историк заключал: «От этой парадигмы России никуда не уйти, так как природу изменить мы не в силах»¹⁰.

⁸ См. об этом: *Шелохаев В.В.* Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идёт Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1999. С. 28–38.

⁹ См. об этом: *Шелохаев В.В.* Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идёт Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1999. С. 28–38.

¹⁰ *Милов Л.В.* К вопросу о фундаментальных факторах в русском историческом процессе // Куда идёт Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 58.

Таким образом, природно-географический фактор – несомненная причина развития страны по пути создания крупного сельскохозяйственного производства. Как известно, именно такое и было создано в СССР. Да и в настоящее время очевидна закономерность эффективно хозяйствующих в России и субъектов аграрной экономики именно как крупных, сравнимых по размерам с советскими колхозами.

В аналогичном с Миловым ключе рассуждает И.А. Кузнецов, по мнению которого коллективизация явилась одним из вариантов решения «аграрного (крестьянского) вопроса» в том виде, в котором он возник после «великой реформы» 1861 г.¹¹ Исследователи отмечают «преемственность» решения аграрного вопроса в связи с потребностями индустриального развития. Например, В.В. Шелохаев обращает внимание на парадокс: «Новая, большевистская, власть также (как и самодержавие. – В.К.) “сверху” пыталась насадить собственную модель социалистической модернизации»¹². Его поддерживает В.В. Зверев, считая, что «по-другому и не могло быть в аграрной стране», где модернизация осуществлялась по принципу «крестьянский труд в обмен на промышленный рынок». По его мнению, разделяемому мною, «эта же тактика в дальнейшем была заимствована большевиками». «По характерным чертам деятельности новая власть мало чем отличалась от бюрократизированного стиля самодержавия: та же жёсткая централизация, те же директивные указания»¹³.

В то же время понятна принципиальная разница между аграрной политикой самодержавия и советской власти в период осуществления индустриализации. Прежде всего она проявилась в цене, оплаченной в человеческих жизнях и производственных ресурсах сельской экономии. В первом случае она была «вполне приемлемой», поскольку осуществлялась с

¹¹ См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015. С. 307.

¹² Шелохаев В.В. Почему Россия обречена на однотипный сценарий развития? // Россия в условиях трансформаций... № 21. М., 2002. С. 31.

¹³ Зверев В.В. Государственная модернизация и модернизация государства // Россия в условиях трансформаций... № 25. С. 69.

активным участием иностранного капитала, чего не было в сталинской индустриализации с её опорой «исключительно на собственные силы»¹⁴. Данное обстоятельство, на мой взгляд, необходимо учитывать при объяснении негативных последствий коллективизации¹⁵. В то же время следует помнить, что катастрофы, связанные с голодом, имели место и в тех странах, в развитии экономики которых иностранный капитал принимал самое активное участие (британская Индия, французский Индокитай)¹⁶.

Говоря о неразрывной связи коллективизации и индустриальной модернизации, исследователи указывают на важность изучения исторических форм коллективного земледелия в России, их появления и отношения к ним государственной власти. Например, П.Н. Зырянов отмечал, что принудительное насаждение властью коллективности — традиция давняя. В частности, масштабные попытки внедрения элементов таковой предпринимались при Николае I (с 1827 г. по инициативе главы удельного ведомства Л.А. Перовского среди удельных крестьян повсеместно вводились «общественные запашки»). Однако они «всё время наталкивались на сопротивление крестьянской общины»¹⁷. С другой стороны, В.П. Данилов отмечал, что крестьяне добровольно объединялись в артели и товарищества для совместного ведения хозяйства. В подтверждение он привёл пример состоявшегося в сентябре 1913 г. I Всероссийского сельскохозяйственного съезда, на котором по докладу известного агронома А.Н. Минина «О содействии развитию коллективной обработки земли» было принято соответствующее решение¹⁸. Факт добровольного участия крестьян дореволюционной России в создании коллективных хозяйств подтверждает

¹⁴ См.: *Донгаров А.Г.* Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 75.

¹⁵ См.: Голод в СССР. Т. 3. С. 469–553; *Кондрашин В.В.* Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации // *Клио. Журнал для учёных.* 2011. № 3(54). С. 112–114.

¹⁶ *Кондрашин В.В.* Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. // *Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века. Сборник статей.* Коломна, 2009. С. 397–402.

¹⁷ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 297.

¹⁸ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 297.

Т.М. Китанина, которая указывает на пробел в историографии, касающийся изучения возникших в период Столыпинской аграрной реформы коллективных хозяйств крестьян в Поволжье и других регионах России¹⁹. Так что линия на развитие коллективного земледелия до революции не должна связываться только с деятельностью самодержавно-бюрократического аппарата.

В любом случае, неслучайный характер коллективизации как процесса создания крупного коллективного хозяйства очевиден. Она – прямой продукт индустриальной модернизации страны. Признавая этот факт, исследователи рассуждают о причинах её осуществления в «сталинском варианте». На мой взгляд, без ответа на этот вопрос трудно понять не только последующую историю страны, но и её современное состояние.

Как известно, на рубеже 1980–1990-гг. и в последующие годы в научном сообществе распространилась мода на «альтернативную историю». Применительно к рассматриваемой проблеме речь идёт о «бухаринской альтернативе», активным сторонником и пропагандистом которой выступал В.П. Данилов. Он выдвинул концепцию существования «ленинского кооперативного плана» – в первую очередь взглядов на развитие сельского хозяйства Н.И. Бухарина, основанных на теоретических разработках учёных-экономистов «организационно-производственного» направления (А.В. Чаянова и др.). Центральным звеном данной концепции является идея «кооперативного социализма»: крестьянской кооперации как мотора преодоления стагнации сельского хозяйства в конце 1920-х гг. и создания условий для успешного проведения индустриализации без жертв и потрясений²⁰. Ещё одной составляющей аргументации было убеждение в отсутствии реальной военной угрозы для СССР накануне и в период коллективизации. Как известно, именно этим тезисом И.В. Сталин и его

¹⁹ Об этом Т.М. Китанина говорила мне во время личных встреч, когда обсуждался план научной работы Центра экономической истории Института российской истории РАН.

²⁰ Современное крестьяноведение и аграрная история... С. 219–220.

команда обосновывали необходимость ускоренного создания крупной индустрии за счёт «военно-феодальной эксплуатации крестьянства». По мнению историка, отказ от этой «программы» в результате «слома нэпа» бюрократической номенклатурой, осуществившей в стране «термидорианский» «контрреволюционный переворот», привёл к трагедии деревни и всего общества – насильственной коллективизации и голоду, утверждению антинародного режима – сталинизма²¹.

В том же русле рассуждал английский социолог и крестьяновед Т. Шанин. Он сформулировал, пожалуй, квинтэссенцию «альтернативного» взгляда на коллективизацию: «Если бы советская экономика развивалась в 30-е годы так, как предлагали лучшие аналитики и плановики, страна, по моему убеждению, пришла бы к 1940 г. с несколько меньшим количеством фабрик, но они были бы гораздо более эффективными и с более высоким, чем достигнутый, уровнем производства. Сельское хозяйство к 1940 г. было бы продуктивнее не менее чем на треть, самые лучшие командиры остались живы, партийные кадры сохранились в целости, около 5 млн человек могли бы пополнить ряды армии. Не следует ли признать, что это был бы лучший путь индустриализации (если бы ему последовали, гитлеровские армии были бы остановлены не на окраинах Москвы, но у Смоленска)?»²².

Концепция Данилова подверглась серьёзной критике. Основной «удар» пришёлся по её сердцевине: кооперации. Исследователи, на мой взгляд, убедительно доказали, что в действительности к началу коллективизации кооперация перестала быть общекрестьянской, превратившись в придаток государственного аппарата, «кассу взаимопомощи» для бедноты и инструмент проведения в деревне налоговой политики. Это был закономерный результат целенаправленной политики по «осереднячиванию» кооперации, вытеснению

²¹ Современное крестьяноведение и аграрная история... С. 219–220.

²² Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 16–17.

из неё «кулаков» и просто хозяйственных крестьян. Поэтому никакой «альтернативой» она уже не могла стать в принципе²³. «Бухаринская альтернатива» также подверглась критике из-за очевидных слабых сторон. Прежде всего она не учитывала сложившуюся международную обстановку, требовавшую ускорения экономического развития страны, Бухарин же допускал «черепашьи темпы развития страны»²⁴. В связи с этим С.А. Есиков задавался вопросом: «Могла ли быть осуществлена “бухаринская альтернатива”?» И отвечал: «По всей видимости, нет. Из-за серьёзных изъянов в самих построениях Бухарина, да и в связи со сложившейся обстановкой в стране и партии эта альтернатива вряд ли имела шансы на успех»²⁵.

Заметным событием в дискуссии об «альтернативах сталинизму» и коллективизации стал теоретический семинар, организованный Даниловым 1 мая 1993 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук²⁶. На нем обсуждалась монография американских экономистов Г. Хантера и Я. Ширмера, в которой с помощью математического моделирования была представлена картина экономического развития СССР без коллективизации²⁷. Авторы пришли к выводу, что в конце 1920-х гг. была возможна иная экономическая политика, которая бы обеспечивала более эффективное движение к тем же целям. Без коллективизации, при сохранении уровня сельскохозяйственного производства периода нэпа, к началу Великой

²³ См.: *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 169–199; *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С. 142–144; *Телицын В.Л., Козлова Е.Н.* Российская кооперация: Что это было: Очерки. М., 2009. С. 314.

²⁴ *Есиков С.А.* Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XXI вв.: эволюция и кризисы. Сборник статей. Оренбург, 2009. С. 98–99.

²⁵ Там же. С. 98; *Есиков С.А.* «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М., 2011. С. 478–479.

²⁶ См. об этом: Отечественная история. 1995. № 6. С. 143–177.

²⁷ *Hunter H.* Soviet Agriculture with and without Collectivization // *Slavic Review*. 1998. № 2; *Hunter H., Szyrmer J.M.* Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928–1940. Princeton, 1992; *Hunter H.* The Over-Ambitious First Soviet Five-Year Plan // *Slavic Review*. 1973. № 2. P. 237–291.

Отечественной войны была бы выше урожайность, продуктивность животноводства, а самое главное — удалось бы сохранить в сельском хозяйстве «человеческий капитал» и огромные производственные ресурсы²⁸.

Я не разделяю ни данный вывод, ни общую положительную оценку подобных исследований участниками семинара (кроме Л.И. Бородкина), поскольку они не учли реальную общественно-политическую ситуацию в рассматриваемый период. На это очень убедительно указал крупнейший исследователь советской экономики периода сталинизма Р. Дэвис: «По Хантеру и Ширмеру, если бы большевики не бросились, очертя голову, в коллективизацию, крестьяне вполне бы могли добиться некоторого роста производства сельскохозяйственной продукции, необходимую часть которой они предоставили бы на нужды индустрии и городского населения. Это предположение и было вмонтировано в альтернативную модель экономической политики. Но оно как бы само собой подразумевает, что в период с 1928 по 1940 г. рыночные условия складывались бы приемлемо для крестьян. Однако уже в 1928 г., которым открывается построение Г. Хантера, рынок был подорван, и советское правительство использовало значительное административное давление, чтобы получить от упорствующих крестьян зерно»²⁹.

Как уже отмечалось, в рамках дискуссии об «альтернативах» коллективизации важным является вопрос о международной обстановке в рассматриваемый период. В более широком смысле – это вопрос о внешнем факторе в коллективизации, который, на мой взгляд, ещё не получил должного внимания в историографии. А без его учёта невозможно понять в полной мере последствия коллективизации и для России, и для других стран, так или иначе связанных с её новейшей историей.

²⁸ См.: Современное крестьяноведение и аграрная история... С. 161, 163, 188–189, 196.

²⁹ Europe-Asia Studies. Vol. 46. 1994. № 1. P. 143–144.

Последние исследования на эту тему корректируют утвердившееся в историографии мнение об отсутствии военной угрозы СССР³⁰. Заслуживают внимания рассуждения участника фундаментальной документальной серии по истории советского ВПК и автора одноимённой монографии А.К. Соколова³¹. Он критически оценил попытки ряда исследователей «задним числом» говорить, что «в тот период Советскому Союзу никто не угрожал и что военные приготовления СССР не имели особых оправданий». Военная угроза в тот период рассматривалась как «вполне реальная». Вероятными противниками виделись «лимитрофы» – государства, созданные на территории бывшей Российской империи, а также страны Малой Антанты, находившиеся в тесном союзе с Францией и Англией, которые в случае войны могли оказать помощь своим союзникам. В Штабе РККА «внимательно отслеживали военные приготовления в Польше, Румынии, Чехословакии и других странах», звучали настойчивые требования милитаризации: интенсификации производства вооружений, усиления оборонной составляющей пятилетнего плана.

Соколов подчеркнул, что мирные договоры с Польшей, Румынией, Латвией и Эстонией, заключённые в 1929 г., не устранили подозрительности относительно намерений соседей и других стран. Во всех документах этого времени «сквозит мысль, что военное нападение на СССР возможно в ближайшие годы», а недооценка военной опасности стала «опознавательным знаком правого уклона, борьба с которым разворачивается в 1928–1929 гг.». Сталинское руководство всячески подчёркивало, что отстаивание независимости страны «невозможно без передовой индустрии, настаивало на максимальном ускорении темпов индустриализации». Вопросы о сроке начала войны и о возможных противниках «постоянно рассматривались в эшелонах

³⁰ Лельчук В.С. Указ. соч. С. 19.

³¹ См.: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). В 4 т. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932). Сборник документов. М., 2008; Ч. 2 (1933–1937). М., 2011; Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 гг. М., 2012.

власти»³². Но военная угроза не только виделась на западных границах, но и явственно обозначилась на Дальнем Востоке. Конфликт на КВЖД, «маньчжурский инцидент» как фактическое начало реализации империалистической политики Японии в Китае – убедительное тому подтверждение. По мнению авторитетного японского исследователя К. Тэраямы, именно действия Квантунской армии в Маньчжурии осенью 1931 г. привели к тому, что «Советский Союз начал серьёзно готовиться к войне по всем линиям»³³.

Но всё же главным был внутренний фактор – победа сталинской группировки в борьбе за власть³⁴. Этот вывод разделяется подавляющим большинством исследователей, в том числе автором настоящей статьи. Но объяснение успеха коллективизации и относительной долговечности колхозного строя лишь мощью административно-репрессивного аппарата нуждается в уточнении. Иначе все последующие события советской истории должны рассматриваться только сквозь призму «ужасной власти» и «хорошего народа», ставшего его невинной жертвой. В связи с этим я солидарен с ещё одним японским исследователем Х. Окудой, который аргументированно указал, что накануне коллективизации в советской деревне возник значительный слой молодых крестьян, связавших свою судьбу с сельским комсомолом, Советом, сельской ячейкой большевистской партии. Они отказывались от сохи ради «портфеля», им были ближе идеи культурной революции, индустриализации и коллективизации, чем труд на клочке земли. Даже сельские девушки в нэповской деревне стали предпочитать активиста трудолюбивым парням из зажиточных хозяйств. В результате коллективизация получила в деревне активных сторонников, для которых

³² Соколов А.К. «Военизация» первой пятилетки (советская военная промышленность в 1927–1932 гг.) // Труды Института российской истории РАН. М., 1997. С. 127–128.

³³ Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР // Acta Slavica Iaponica. Vol. XIV. 1996. P. 194.

³⁴ См., например: Хлевнюк О.В. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

создала множество новых должностей (в колхозах, Советах, партии и т.д.), а также освободила их от тяжелого труда. Поэтому десятки тысяч крестьян поддержал и коллективизацию и стали её социальной базой и инструментом³⁵. В противном случае успех был бы невозможен. И здесь следует отметить несомненно позитивный факт в истории колхозного строя – «культурную революцию», механизацию производства, «урбанизацию», электрификацию деревни, создание в ней социального лифта для молодежи через МТС, рабфаки и вузы, службу в армии и т.п.³⁶

Изучение комплекса доступных источников выводит на вопрос о роли колхозного строя как одного из факторов победы в Великой Отечественной войне. Влияние коллективизации сказалось в полной мере именно в те трагические годы³⁷. Парадокс состоял в том, что обеспечение фронта продовольствием удалось добиться сельскому хозяйству, находившемуся после коллективизации в состоянии перманентного кризиса, крайне неэффективному по своей сути. Продовольственные трудности начались уже в 1939–1940 гг., когда из свободной продажи исчезли хлеб и мука, и страна фактически перешла на нормированное снабжение. Весной 1940 г. колхозники Украины и российских регионов на почве голода ели мясо из скотомогильников, подсолнечный жмых и другие суррогаты, бросали работу и бежали из колхозов в другие районы и города³⁸.

Такая ситуация возникла не сразу. Она стала результатом действий сталинского руководства во второй половине 1930-х гг., направленных на

³⁵ *Окуда Х.* «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения... С. 495–527.

³⁶ См. об этом: *Левин М.* Советский век. М., 2008. С. 343–344; *Мазур Л.Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург, 2012. С. 300–351.

³⁷ *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993; *Арутюнян Ю.Б.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. Вып. 1–2. М., 1994; и др.

³⁸ *Вьлцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945. В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов. Кн. 2. М., 2004. С. 51–52.

устранение негативных процессов в колхозной деревне. Несмотря на все усилия по принуждению к «добросовестному труду», колхозники не желали работать за «палочки». Получив, согласно Уставу сельскохозяйственной артели 1935 г., право на личный клочок земли, впоследствии названный ЛПХ (личное подсобное хозяйство), они бросили на него все свои силы, отодвинув работу на колхозных полях и фермах на дальний план. Более того, в условиях огромной потребности в рабочей силе в городах и на стройках пятилеток самые трудоспособные и молодые сколачивали бригады и уходили из колхоза на заработки. Часть колхозников и единоличники на «хуторах», несмотря на налоговый пресс, занимались различными видами предпринимательства и зажили лучше, чем основная масса колхозников. Сталинское руководство отреагировало на эти процессы указом и «о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели», согласно которым в колхозах был установлен обязательный минимум выработки трудодней, произведены обрезки усадебных участков колхозников (в размере 2542.2 тыс. га), дабы они не тратили слишком много времени на работу на них, увеличены размеры обязательных поставок с подсобных хозяйств, произошла ликвидация хуторов. В результате оказался подорван колхозный рынок, где не стало продуктов с крестьянских подворий, а сами крестьяне вынуждены были возвращаться работать в колхозы, где им по-прежнему фактически не платили за тяжёлый труд³⁹.

Таким образом, сохранялась ставка на административно-репрессивный ресурс управления деревней. Но он не давал результата с точки зрения производства: урожаи не росли (за исключением благоприятного в климатическом отношении 1937 г. – *В.К.*), животноводство находилось в кризисном состоянии⁴⁰. Подобная ситуация не могла продолжаться долго, поскольку факт неэффективности колхозного строя был налицо и его

³⁹ *Вылцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства // *Война и общество, 1941–1945.* В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов. Кн. 2. М., 2004. С. 52–53.

⁴⁰ См.: *Растяжников В.Г., Дерюгина И.В.* Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М., 2009. С. 125, 133.

реформирование стало бы неизбежным – но война задержала этот процесс⁴¹. Однако, как раз для военного времени и чрезвычайных ситуаций колхозное хозяйство оказалось наиболее приемлемыми эффективным. Государство имело возможность получать из деревни максимально возможное количество продовольствия и сырья для своих нужд, не заботясь о положении селян, которые должны были выживать за счёт ЛПХ.

К тому времени у сталинского руководства имелся успешный опыт, связанный с деятельностью политотделов МТС и совхозов в 1933–1934 гг. Они эффективно сработали в чрезвычайных условиях глубочайшего кризиса сельского хозяйства и массового голода, добившись «организационно-хозяйственного укрепления колхозов» посредством принуждения к труду, в том числе через проведение массовых репрессий. Это был нетипичный для сталинской эпохи случай, когда репрессии не привели к ухудшению положения в экономике. Политотделы обеспечили проведение основных сельскохозяйственных кампаний и выполнение колхозами государственных заданий по хлебосдаче⁴². Этот опыт был в полной мере использован в годы Великой Отечественной войны.

Конечно, не подлежит сомнению жертвенный подвиг крестьянства в эти годы, но всё же главной причиной выполнения государственных обязательств выступила административно-репрессивная, командная модель управления аграрной экономикой. В рассматриваемый период ужесточались законодательство и его право применение в отношении колхозников, не выходявших на работу и расхищавших колхозное имущество, руководства колхозов, срывавших государственные поставки, усилилось налоговое давление на крестьян⁴³. Маховик репрессий вновь заработал, военно-феодалная эксплуатация деревни достигла своего апогея⁴⁴. Только в

⁴¹ См., например: *Зверев В.В.* Затянувшееся прощание с прошлым // *Россия в условиях трансформаций...* № 18–19. М., 2002. С. 41.

⁴² См. об этом: *Кондрашин В.В., Мозохин О.Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М., 2017.

⁴³ *Вылцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства. С. 57–59.

⁴⁴ *Буздалов И.Н.* Кризис советского аграрного строя и необходимость его

Тамбовской обл. в первой половине 1943 г. за срыв хлебозаготовок к судебной ответственности были привлечены 200 председателей колхозов⁴⁵. В результате всю войну колхозы, не считаясь ни с какими издержками, сдавали стране всё, что могло пойти на нужды фронта. Советские историки много писали о «расширенном воспроизводстве» в колхозной деревне периода Великой Отечественной войны. Конечно, ничего подобного не наблюдалось, колхозный строй находился в глубоком кризисе. Свою роль сыграли объективные причины (оккупация значительной территории страны, мобилизации трудовых ресурсов и техники на фронт и т.д.), но главной оказалась коллективизация с её пороками. Колхозы смогли лишь накормить армию и города, и то не в полном объёме⁴⁶. Существенным дополнением к рациону воинов стала знаменитая тушёнка по линии ленд-лиза («второй фронт»), а миллионы горожан, рабочих и служащих в 1942 г. получили земли под огороды и подсобные хозяйства⁴⁷.

Проблема продовольственного снабжения не была решена и в дальнейшем, несмотря на отчаянные попытки реформ. Исследователи установили, что после смерти Сталина до распада СССР партия и правительство приняли свыше 1500 постановлений, направленных на повышение эффективности аграрного производства⁴⁸. Только в 1961–1980-х гг. в сельское хозяйство было вложено 505.5 млрд руб.; в 1950–1980-х гг. ослаблено налоговое давление на крестьянство, осуществлена «целинная эпопея», запущена грандиозная программа мелиорации. Ежегодные поставки тракторов селу составляли в отдельные годы почти 40 тыс. штук. К середине

радикального реформирования // Аграрная реформа в России: концепции, опыт, перспективы: научные труды ВИАПИ РАСХН. М., 2000. С. 41.

⁴⁵ *Вылцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства. С. 60.

⁴⁶ *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 268.

⁴⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 65.

⁴⁸ *Шевельков А.И.* Реформы в сельском хозяйстве и решение продовольственной проблемы во второй половине XX века // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007. С. 436.

1980-х гг. массивованные бюджетные вливания в отрасль приблизились к суммарной стоимости всей её продукции⁴⁹. Но ожидаемый эффект не состоялся. Колхозы и совхозы не справлялись с задачей продовольственного снабжения урбанизировавшейся страны. Приговором системе стал ежегодно росший с 1960-х гг. импорт хлебофуражных продуктов страной с самыми большими в мире посевными площадями: в 1973 г. было закуплено 13.2% зерна от его производства в СССР, в 1975 г, – 23.9, в 1981 г, – 41.4%. «Рекордный» 1985 г. отмечен импортом зерна в 44 млн т.⁵⁰

Объяснение причин подобной ситуации заслуживает отдельного и очень серьёзного анализа. Я солидарен с теми исследователями, которые считают, что неэффективность колхозного строя связана прежде всего с подчинённым характером аграрной экономики по отношению к промышленной отрасли и другим интересам государства, а также с «казарменным» образом жизни и труда колхозников, что мало стимулировало их к высокопроизводительному труду⁵¹. Очень точна характеристика академика ВАСХНИЛ А.А. Никонова: «Лишённый собственности и экономической свободы, всякого права выбора, он (колхозник. – *В.К.*) не имел стимула проявить свои способности, не был заинтересован хорошо работать, рачительно использовать землю и другие ресурсы... Система отторгала крестьянина не только от земли, но и от собственности на произведённую продукцию. За ним оставались право и обязанность только работать». Результатом стало формирование психологии иждивенчества, безынициативности и безразличия⁵². Это одно из главных негативных последствий коллективизации.

Подводя итоги, необходимо отметить что колхозный строй решил важные задачи. Благодаря коллективизации была создана модель аграрной

⁴⁹ Буздалов И.Н. Кризис советского аграрного строя... С. 43, 47.

⁵⁰ Пихоя Р.Г. История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 370; *Роголина Н.Л.* Колхозы в системе государственного социализма (1950–1980-е гг.) // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX века. Сборник трудов международной научной конференции. Москва, 24–25 ноября 2004 г. М., 2006. С. 255.

⁵¹ См.: *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы... С. 481; *Роголина Н.Л.* Колхозы в системе государственного социализма (1950–1980-е гг.) С. 248.

⁵² *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы... С. 439–440.

экономики, наиболее приспособленная для военного времени, и она, несмотря на все свои недостатки, доказала это в годы Великой Отечественной войны. Вклад коллективизации очевиден и при анализе источников создания военно-промышленного комплекса. Она закрепила в качестве ведущей формы сельскохозяйственного производства крупное хозяйство индустриального типа, сохраняющее свой потенциал и в современной России, несмотря на попытки принудительной «деколлективизации» и «фермеризации»⁵³. Коллективизация явилась важным фактором индустриальной модернизации, изучение особенностей которой в России, особенно на региональном уровне, остаётся одной из актуальных задач. И исследователи уже добились успехов в этом направлении, выдвинув ряд оригинальных концепций: «агроперехода», «капитализации аграрной экономики», «трансформации аграрного строя» и др.⁵⁴

В то же время, новая организация аграрной сферы оказалась не реформируемой и неэффективной с точки зрения решения своей главной задачи – накормить страну. Коллективизация оказала огромное влияние на менталитет и повседневную жизнь не только сельских жителей, изменив в худшую сторону их отношение к труду на земле, но и горожан. «Раскрестьянивание» деревни привело к «окрестьяниванию» городов за счёт перетока туда огромной массы бежавших из колхозов на протяжении всей истории их существования, но не порвавших связи с «малой родиной»⁵⁵. В результате в 1990х гг. горожане вместо защиты своих прав участием в политических акциях бросили силы на возделывание дачных участков.

⁵³ *Шевельков А.И.* Реформы в сельском хозяйстве... С. 441–445.

⁵⁴ *Безгин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014; *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 620–630; *Корнилов Г.Е.* Аграрная модернизация России в XX веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012... С. 607–620; *Роголина Н.Л.* Колхозы в системе государственного социализма в СССР (1930-е – 1970-е гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 249–265.

⁵⁵ *Левин М.* Советский век. С. 130–131, 343–344; *Мазур Л.Н.* Российская деревня в условиях урбанизации...

«Крестьянский менталитет», коллективные традиции, семейная кооперация проявили себя в этой ситуации в полной мере⁵⁶. Тем самым был предотвращён мощный социальный взрыв, порождённый политикой «шоковой терапии». В то же время надолго отторгнутые от реального участия в управлении производством и превратившиеся в обычных наёмных работников, развращённые бесхозяйственностью и безответственностью бывшие колхозники не стали защищать ни колхозы, ни советскую власть, их создавшую. Это был закономерный итог для строя, возникшего вопреки воле крестьян, основанного на принуждении, заточенного лишь на выполнение государственных задач и в самую последнюю очередь считавшегося с интересами тружеников.

⁵⁶ *Кондрашин В.В.* Люди во времени... С. 518–520.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2. 2022 г

Автор Г.Корнило

Страниц 36 Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. Г.Корнилов

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: genakorn@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

**Российская модернизация в XX веке:
особенности, темпы, результаты**

*Геннадий Корнилов, Институт истории и археологии УрО РАН
(г. Екатеринбург)*

Аннотация. В статье обосновывается новый методологический подход, предполагающий выявление трансформаций в экономической, социальной, политической, демографической, культурной сферах села, их эволюции и траектории, динамике и интенсивности. Такой подход способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях развития аграрной сферы и сельского социума России в XX столетии.

Ключевые слова. модернизация, аграрная сфера, сельский социум, трансформация, агенты модернизации.

Сложно однозначно оценивать результаты модернизации российской деревни XX века. В советский период она насаждалась сверху железной диктатурой, её темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью народа; её успехи были достигнуты за счет насилия, дешевого принудительного труда, прежде всего крестьян-колхозников. Модернизация носила догоняющий и очевидный военно-политический характер. Она не решала многих задач классического варианта (создание рынка товаров, капиталов и труда, обеспечение свободы личности, создание механизма саморазвития). Однако отрицать ее невозможно. Модернизация являлась мировой тенденцией XX столетия, это было явление цивилизационного

масштаба¹. Россия вошла в XX век аграрной страной, вышла из него страной индустриальной. Процессы модернизации определяли все сферы жизни деревни, другое дело, в какой форме они происходили, какие приоритеты были на различных ее этапах, к каким результатам они привели.

Аграрное реформирование в России является предметом активного изучения историков². В публикациях ряда зарубежных исследователей преобладает мнение, что аграрной модернизации в России не произошло. Однако разброс мнений даже в общем недопущении аграрной модернизации достаточно широк: от утверждений о том, что в бедной и нищей России вообще не было и не могло быть модернизации (П. Гатрелл³) до различных её допущений. Э. Кингстон-Манн полагает, что в начале XX века Россию и еще ряд стран наказание отсталостью могло привести к их покорению промышленно развитыми государствами⁴. Она рассматривает крестьянство России в качестве агентов и жертв преобразований в рамках Российской империи и СССР. К. Леонард исследовала модели развития сельского хозяйства России в царский, советский и постсоветский периоды, их эффективность в ходе институциональных преобразований⁵. По её мнению, реформы Столыпина могли резко увеличить эффективность аграрного сектора, но продолжить их удалось только тогда, когда сельское хозяйство России вернулось к рыночным отношениям, отсюда и «дорога из рабства».

Наиболее основательными являются работы немецкого историка Ш. Мерля, в которых исследуются причины несостоявшейся комплексной механизации сельского хозяйства СССР ни в хрущевский, ни в брежневский

¹ Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург: УрГИ, 2004. С. 266.

² См.: Никольский С.А. Аграрный вопрос в России в XX веке. История, современное состояние, стратегии решения. М., 2012; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика (XVIII–XX вв.). М., 1995; Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России в XX в. М., 2010.

³ Gatrell P. Economic and demographic change: Russia's age of economic extremes // The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. 3. The Twentieth Century. P. 383–410.

⁴ Kingston-Mann E. Transforming peasants in the twentieth century: Dilemmas of Russian, Soviet and post-Soviet development // The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. Vol. 3. P. 411–439.

⁵ См.: Leonard C. Agrarian reform in Russia: Road from serfdom. New York, 2011.

периоды.⁶ Приспособление советской экономической системы к новым условиям, которое произошло в начале 1930-х гг., а затем сразу после смерти Сталина, так и не состоялось с 1960-х гг. Он же одним из первых зарубежных историков дал характеристику советской и постсоветской историографии о коллективизации сельского хозяйства⁷.

Теоретический поиск 1990-х — начала 2000-х гг. в изучении аграрной истории России свидетельствовал о преодолении концептуальных стереотипов советской историографии. Этому способствовал теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», организованный Т. Шаниным и В. Даниловым в 1990-х гг., материалы которого публиковались в журнале «Отечественная история» (ныне «Российская история») и изданы отдельной книгой⁸.

Особое место в этом процессе заняли труды В. П. Данилова, в которых развитие аграрных отношений в России представлено в длительной исторической ретроспективе. Многочисленные аграрные перестройки в нашей стране, по его мнению, — «суть реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления»⁹. Несколько позже В. П. Данилов конкретизировал этот тезис и определил их как «потрясение крестьянской страны, вступившей на путь индустриально-рыночной модернизации». Реформы и революции в России заняли особенное место в историческом процессе, «стали определять характер не только аграрной эволюции, но и общий ход истории России»¹⁰. В.П. Данилов выделил и особенности

⁶ Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986) // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 4. С. 78–117; Merl S. Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986) // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 26–70.

⁷ Мерль Ш. Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.

⁸ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке /под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015.

⁹ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России // Великий незнакомец. М., 1992. С. 310.

¹⁰ Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство России (1861–1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995. С. 3, 4.

модернизации в России: «Исторические судьбы страны второго или даже третьего “эшелона” перехода к капитализму, связанные с ее социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь “догоняющего” развития, усиливали роль и без того гипертрофированной государственной власти». Историк определил и факторы, которые тормозили модернизационные процессы: «Бросается в глаза сильнейшее влияние посторонних интересов (государственных, господствующих классов и т. п.) — посторонних тем задачам, которые были призваны решать. С этим была связана, прежде всего, их вынужденность разного рода политическими событиями: военными поражениями, социальными конфликтами, отставанием в “соревновании” стран, идеологическими устремлениями — самодержавно патриархальными, социалистическими, или как ныне, либерально-буржуазными»¹¹.

В историографии аграрной истории России XX в. появилось два направления. М. А. Безнин и Т. М. Димони попытались представить, что в условиях колхозного строя шло первоначальное накопление капитала, процесс раскрестьянивания принял характер орабочивания и формировалась протобуржуазия. речь идет о формировании в российской деревне нового социально-экономического устройства, который авторы характеризуют как государственный капитализм. Ключевой основой преобразования экономики деревни стала капитализация сельского хозяйства, сопровождавшаяся становлением рынков труда, капитала, сельхозпродукции. Экономическая трансформация повлекла социальное переустройство села, в ходе которого сформировались новые социальные классы – протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата¹². Т. М. Димони процесс модернизации аграрной экономики на Европейском Севере России ограничила рамками 1930-х — первой половины 1960-х гг., когда доля

¹¹ *Данилов В.П.* Аграрные реформы и аграрная революция в России (1861–2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 20, 21.

¹² *Безнин М.А., Димони Т.М.* Капитализация в российской деревне 1930-1980-х годов. М., 2019; *Они же.* Аграрный строй России. 1930– 980 годов. М., 2019.

капитала в структуре себестоимости аграрного продукта составила более половины¹³.

Другое направление историко-аграрных исследований представлено трудами С. А. Есикова, В. А. Ильиных, В. В. Кондрашина, В. А. Лабузова, О. А. Суховой, Л. Н. Мазур, В. В. Наухацкого, В. В. Филатова¹⁴. Изучение процессов в российской деревне конца XIX–XX вв. осуществляется в русле концепции модернизации. Историки исследуют трансформацию аграрной сферы, сельскохозяйственного производства, ее результаты и последствия, изменения в политических и социальных отношениях, в поведении и менталитете крестьянства. В. А. Бондырев, не отрицая модернизации постоктябрьской деревни, называет ее «фрагментарной» и определяет ее как преобразования, которые охватили только отдельные сферы жизни государства и общества, но не были направлены (сознательно или невольно) на комплексное их изменение¹⁵. В.А. Ильиных разработал концепцию смены моделей и субмоделей аграрного строя. Им осуществлена аналитическая репрезентация базовых концепций, концептуальных моделей и проектов модернизации сельского хозяйства Сибири в XX в. Процесс

¹³ Димони Т.М. Деревня Европейского Севера России в 1930–1960-е годы: процессы экономической модернизации. Вологда, 2006.

¹⁴ Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.). Тамбов, 2005; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001; Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия советской власти (1917–1932 гг.). Оренбург, 2004; Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006; Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону, 2000; Наухацкий В.В., Кабанов А.Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965–1991 гг. Ростов-на-Дону, 2005; Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007; Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х годов: противоречия трансформации. Магнитогорск, 2006; Бабашкин, В. В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007; и др.

¹⁵ Бондырев В.А. Фрагментарная модернизация постсоветской деревни. Ростов-на-Дону, 2005. С. 98.

раскрестьянивания, как результат модернизации сибирской деревни он завершает в 1970-е гг.¹⁶

Заметный вклад в развитие историко-аграрных исследований вносит мультидисциплинарный журнал «Крестьяноведение» (выходит с 2016 г.), информирующий о ходе и результатах исследований в области истории, методологии и эмпирических исследований в области крестьяноведения, социологии села и социальной географии.

Современные аграрно-исторические исследования свидетельствуют, что сделаны существенные шаги в направлении выработки концепции проводимых российских аграрных реформ. Тем не менее, все аграрные реформы в России следует рассматривать с позиции континуитета. Их непрерывность в истории России XX века связана с поисками ответов на вызовы времени, с поисками дальнейшего эффективного развития аграрной сферы страны.

Аграрная сфера является базисным элементом устойчивости любого общества. Нестабильность аграрного строя, несоответствие уровня развития сельского хозяйства стоящим перед страной внешнеполитическим и внутриполитическим задачам, осознание необходимости его радикальной трансформации стали одной из главных побудительных причин революционных событий в 1905 г., в 1917 г., в 1991 г. Несмотря на предпринятые в их рамках попытки преобразования аграрных отношений, аграрно-крестьянский вопрос в России оказался столь же актуален в начале XXI века, как и в начале XX века. Исторический опыт XX столетия показывает, что всероссийская модель структурно состоит из региональных составляющих, включающих особенности сложившихся историко-

¹⁶ *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // *Россия в XX веке: Реформы и революции.* Т. 1. М., 2001. С. 644–654; *Он же.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005; *В.А. Ильиных, Андреенков С.Н., В.М. Рышков* и др. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX веке: выбор путей и методов модернизации / [и др.]. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

географических, историко-экономических, историко-культурных реалий, которые власти не всегда учитывали, или не учитывали совсем.

Трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначим термином “аграрный переход”¹⁷. В ходе аграрного перехода происходило: утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, сельской электрификации, внедрение научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, развитие рыночных отношений и кооперации (**экономическая трансформация**); изменение типа воспроизводства сельского населения, ломка сельской патриархальной семьи (**демографическая трансформация**); демократизация общественно-политической жизни, участие крестьянства в политических процессах, партиях, движениях (**политическая трансформация**); преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, внедрение грамотности крестьянства, внедрение городской культуры и городских ценностей, секуляризация сознания и образа жизни (**культурная трансформация**); формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий, особенно механизаторов, специалистов сельского хозяйства (**социальная трансформация**); изменение сельской поселенческой сети (**трансформация сельского расселения**).

¹⁷ *Корнилов Г.Е.* Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // *Россия в XX веке: Реформы и революции*. Т.1/ под ред. под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2002. С. 507–515; *Корнилов Г.Е.* Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // *XX век и сельская Россия*. Токио: CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, 2005. С. 282–316; *Корнилов Г.Е.* Аграрная модернизация России в XX веке: этапы, направления, результаты // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 2 (19). С. 4–14; *Корнилов Г.Е.* *Корнилов Г.Е.* Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // *Россия в XX веке: Реформы и революции*. Т.1/ под ред. под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2002. С. 507–515; *Корнилов Г.Е.* Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // *XX век и сельская Россия*. Токио: CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, 2005. С. 286–316; *Корнилов Г.Е.* Проблема частной собственности на землю как исторический вызов в аграрном развитии России XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2020. № 1 (66). С. 54–61.

Необходимо учитывать, что направления, темпы развития и формы проявления компонентов аграрного перехода были обусловлены и конкретизировались конкретно-исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов.

Модернизационные процессы в российской деревне можно условно разделить на три фазы: 1-я – конец XIX – середина XX в.; 2-я – середина XX в. – конец 1980-х гг.; 3-я – начало 1990-х гг. – начало 2000-х гг. В основу периодизации положен комплекс факторов, приводивших к качественным изменениям в жизни села. Каждая фаза начиналась в условиях аграрного и продовольственного кризисов. Этот подход позволяет рассматривать аграрную трансформацию России с позиции континуитета, непрерывности процесса. Интенсивность процесса аграрной модернизации представлена в таблице.

Интенсивность аграрного перехода в России (конец XIX – начало XX века)

Составляющие аграрного перехода	Первая фаза			Вторая фаза		Третья фаза
	конец XIX в. - 1917	1917 - 1929	1930 - 1953	1953 - 1965	1965 - 1980	1991 – нач. XXI в.
I. экономическая						
- утверждение частной собственности на землю	+					+
- внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий	+		+	+	+	
- внедрение интенсивных систем земледелия			+	+	+	
- внедрение научных достижений			+	+	+	

сельскохозяйственное производство - использование новых орудий труда и сельскохозяйственной техники	+		+	+	+	
- сельская электрификация газификация села		+	+	+	+	
- развитие рыночных отношений						+
- развитие кооперации	+	+				+
II. демографическая - изменение типа воспроизводства				+	+	
- ломка патриархальной семьи и формирование городской семьи			+	+		
- массовое перемещение селян	+	+	+	+	+	
III. культурная - преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда	+	+	+			
- внедрение грамотности	+	+	+			
- распространение городской культуры и городских ценностей			+	+	+	+

- секуляризация сознания и образа жизни			+	+		
IV. политическая						
- демократизация общественно-политической жизни		+	+	+	+	+
- участие крестьянства:						
в революциях	+					
в движениях	+	+		+	+	+
в партиях	+	+	+	+	+	+
- выдвижение самостоятельных лозунгов и требований	+	+				
V. социальная						
- формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий		+	+	+		
- механизаторов			+	+	+	+
- специалистов			+	+	+	+
- пенсионное обеспечение				+	+	+
- бесплатное медицинское обслуживание		+	+	+	+	+
- бесплатное образование		+	+	+	+	+
VI. сельское расселение						
- трансформация поселений			+	+	+	
- ликвидация сельских поселений				+	+	
VII. система продовольственной безопасности						
- голодовки сельского населения	+	+	+			

- формирование запасов продовольствия: на уровне семьи, двора	+	+				+
общины	+					
государства			+	+	+	+

Сельское хозяйство России со второй половины XIX в. стало объектом неоднократных государственных реформ. Их отличительная особенность заключалась в том, что российские аграрные реформы, в отличие от аналогичных в западных государствах, не имели четкой концепции проведения и не были последовательными в реализации. Государственная власть при каждом их проведении не формулировала главную концепцию, не имела ясного представления о последствиях, к которым преобразования должны привести. Аграрные реформы в истории России проводились с целью увеличения производства сельскохозяйственной продукции. При этом акцент всегда делался на форму организации сельскохозяйственного производства. Большое влияние на содержание аграрных реформ, проводимых в России, оказывал сложившийся здесь менталитет, связанный с такими ценностями, как соборность, общинность, коллективность.

Аграрная модернизация (или аграрный переход) в России растянулась на более чем полтора столетия. Выбор пути сельскохозяйственного развития связывался с внедрением типа собственности на землю (частной или коллективной, частной или государственной).

Переход от аграрного общества к индустриальному связан с коммерциализацией поземельных отношений, ростом социальной дифференциации, разрушением традиционного социального уклада деревни. Опыт модернизации зарубежных стран в экономической области можно свести к двум основным путям: западной модели, основой которой являлись частная собственность на землю и свобода предпринимательства; и восточной

модели, где собственником земли и регулятором общественных отношений являлось государство.

Вопрос о частной собственности на землю для крестьян в России был поставлен в столыпинской реформе¹⁸. Она была направлена на передачу наделных земель в собственность крестьян, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земель, широкое кредитование крестьян, скупку помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях, землеустройство, позволяющее оптимизировать крестьянское хозяйство за счет ликвидации чересполосицы, землеустройство и переселение крестьян из густонаселенных европейских районов на свободные земли за Уралом в азиатской части империи. Составными частями аграрной реформы являлись изменение форм земельной собственности, землеустройство, переселение, развитие кредитных отношений в деревне, проведение агроулучшений, поддержка сельскохозяйственного производства¹⁹. Права собственности крестьян на землю состояли прежде всего в замене коллективной и ограниченной собственности на землю сельских обществ полноценной частной собственностью отдельных крестьян-домохозяев. Аграрный вопрос состоял, по существу, из двух независимых проблем: 1) измельчения крестьянских наделов, обезземеливания части крестьян, нарастающей (по оценкам современников) бедности и упадка хозяйства в деревне; 2) из традиционного непризнания крестьянскими общинами права собственности помещиков на землю. Возможности, предоставляемые реформой, вызвали наибольший интерес у двух групп крестьян: владельцев зажиточных хозяйств и крестьян, собиравшихся бросить хозяйство (продать участок).

Крестьянство не допускало факт принадлежности земельной собственности помещикам, что обуславливало частые волнения. Для этого, по

¹⁸ См.: *Ланской Г.Н.* Отечественная историография экономической истории России начала XX века. М., 2010; *Рогалина Н.Л.* Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация // Урал. ист. вестн. 2008. № 2 (19). С. 25–31.

¹⁹ См.: Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011.

мнению П. А. Столыпина, крестьянам необходимо было передать землю в частную собственность²⁰.12 Столыпинской реформе не суждено было реализоваться до конца. Модернизация деревни не сходилась с повестки дня всех политических и общественных движений, властных элит поздней Российской империи.

Группа интеллектуалов (представители организационно-производственной школы, автор «моральной экономики» А. В. Чаянов, экономист Н. Д. Кондратьев и др.) предлагала альтернативный вариант сельского модерна, суть которого заключалась в приостановке разрушения традиционных сельских сообществ в результате ускоренных индустриализации и урбанизации, интегрировании крестьянских масс в современное хозяйство, общество, политику через развитие кооперативного движения²¹. По их мнению, «деревня становилась стержнем будущего», как писала немецкая исследовательница К. Бруиш²².

К 1917 г. земельный фонд России включал следующие категории земель: частновладельческие и прочие земли; казенные земли; земли удельного ведомства; церковные и монастырские земли; земли подворно-участкового пользования; городские земли; крестьянские земли подворно-участкового пользования; крестьянские общинные (мирские) земли (полевые и усадебные); крестьянские частнособственнические участки на бывших общинных землях; крестьянские частнособственнические участки на бывшей помещичьей земле, купленные через банк единолично или товариществами; земли, выделенные из общинных на отруба и хутора по Закону от 6 ноября 1906 г. Большевики, пришедшие к власти революционным путем, принимают 26 октября 1917 г. Декрет о земле, который сразу отменял частную собственность на землю для всех без предоставления каких-либо условий²³. Капиталистическая

²⁰ См.: *Аврех А.Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

²¹ См.: *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. Избр. труды. М., 1991

²² *Bruisch K.* Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Köln, 2014. S. 15

²³ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17–20.

модернизация сельского хозяйства безусловно отвергалась. По мысли большевиков и их политических союзников левых эсеров, вопросы землеустройства и землепользования должны были решить сами крестьяне, российской деревне необходимы были стабильное состояние и устойчивое развитие.

Декрет ВЦИК от 19 февраля 1918 г. «О социализации земли» конкретизировал основные положения Декрета о земле. Он состоял из 13 разделов и закреплял навсегда: отмену собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах РСФСР; переход земли без всякого выкупа в пользование трудового народа; предпочтение трудовым сельскохозяйственным товариществам перед единоличными хозяйствами; установление нормы землепользования при отводе земли под различные цели; основания прекращения прав на землю²⁴. Социализация земли была закреплена в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г., в которой было объявлено об отмене частной собственности на землю, а весь земельный фонд признавался общенародным достоянием и передавался трудящимся безо всякого выкупа на началах уравнительного землепользования²⁵.

Осуществив вековую мечту крестьян, большевики стремились с самого начала предельно быстро сформировать в деревне коллективистские формы крестьянского труда. Однако в рамках статуса земли как государственной собственности вопрос о землепользовании решался довольно сложно, учитывая, что до революции применялись различные формы землепользования, среди которых распространенной была общинная форма в сочетании с индивидуальным крестьянским хозяйством.

Крестьяне оказали довольно активное сопротивление попыткам большевиков обобществить крестьянский труд. Более того, в 1921 г. советская

²⁴ См.: Декрет ВЦИК от 19.02.1918 г. «О социализации земли». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dос&base=ESU&n=3117#011295225429263511> (дата обращения: 20.12.2020).

²⁵ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 20.12.2020)

власть в силу чрезвычайно сложного экономического положения вынуждена была перейти к новой экономической политике, предполагавшей определенную либерализацию экономики. Четвертая сессия ВЦИК 30 октября 1922 г. утвердила Земельный кодекс РСФСР. Социализация земли была заменена национализацией, крестьянам обеспечивалось право постоянного пользования землей. В кодексе был четко обозначен статус земли в стране: она могла находиться только в государственной собственности. С его принятием в стране начался новый этап развития организации крестьянского землепользования, сельские общества были трансформированы в земельные общества. Экономическая составляющая вышла на передний план, при сельском обществе на первом месте была муниципальная, то есть самоуправляющаяся, составляющая в системе землепользования. На тот момент в пользовании крестьянской общины находилось от 80 до 95 % крестьянских земель²⁶. Большая часть крестьянских хозяйств состояла в различных кооперативах. Сторонники некапиталистического пути сельского хозяйства — среди них были и представители большевиков (Н. И. Бухарин) — ожидали модернизирующего эффекта от кооперации, которая, по их мнению, основывалась на личности и не была ориентирована на получение прибыли²⁷.

Однако в дальнейшем, к концу 1920-х гг., когда был взят курс на свертывание новой экономической политики, в Земельный кодекс РСФСР стали вноситься поправки, которые были направлены на обобществление крестьянского труда. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» была отменена аренда сельскохозяйственной земли и запрещено использование в единоличных крестьянских хозяйствах наемного труда. Крестьян, которые наиболее эффективно вели хозяйство, отнесли к категории

²⁶ См.: *Данилов В.П.* Об исторических судьбах крестьянской общины в России // История крестьянства в России в XX веке. Изб. труды. М., 2011. Ч. 2. С. 55.

²⁷ См.: *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

кулаков и на этом основании лишили права пользования землей. Часть из них была отправлена в ссылку. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июля 1930 г. «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации» и Примерный устав сельскохозяйственной артели, утвержденный ЦИК и СНК СССР 1 марта 1930 г. предусматривали объединение всех полевых наделов в единый земельный массив, находившийся в коллективном пользовании. Члены колхоза могли иметь в пользовании приусадебный участок.

Примерный устав сельскохозяйственной артели, утвержденный СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г., закрепил передачу земель, занимаемых колхозами, в бессрочное пользование и определил размеры приусадебных участков, предоставляемых членам колхоза для ведения личного подсобного хозяйства²⁸.

Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. установила, что земля, ее недра, воды и леса в СССР являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. Земля, занимаемая колхозами, закреплялась за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно. Колхозному двору предоставлялось право иметь в личном пользовании небольшой земельный участок и в личной собственности подсобное хозяйство согласно уставу колхоза²⁹. Основные и оборотные средства колхозов и произведенная продукция находились в коллективной собственности их членов, практически же владельцем, пользователем и распорядителем колхозного имущества являлось государство. В 1937 г. был введен запрет на аренду колхозной земли и приусадебных участков. Таким образом, к середине 1930-х гг. сложилась государственная собственность как основа экономической системы СССР, тем самым была окончательно оборвана линия эволюции России по направлению к развитию капитализма, в том числе частной собственности на землю.

²⁸ См.: Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / Сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006. С. 27–35.

²⁹ См.: Конституция (Основной закон) СССР от 05.12.1936 г.

URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 12.12.2020).

Только в марте 1989 г. Пленум ЦК КПСС фактически определил экономическую несостоятельность совхозно-колхозного строя, существующего механизма жесткого административного планирования, нормативно-правового перераспределения земли, безвозмездности ее использования. Партия официально признала плюрализм форм ведения сельского хозяйства. 25 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР в рамках проводившейся экономической реформы принял третий Земельный кодекс РСФСР³⁰. Начиная с 1991 г. земельные участки можно было получить на праве собственности, пожизненного наследуемого владения, постоянного (бессрочного) пользования, аренды или срочного (временного) пользования. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. установила право частной собственности на землю как естественное неотъемлемое право, однако в полной мере механизма детализации и реализации этого права не содержала³¹. Из текста Конституции были убраны понятия социалистической, всенародной, колхозно-кооперативной собственности. 25 октября 2001 г. был принят четвертый Земельный кодекс Российской Федерации³². В нем внимание акцентировалось не на вопросах земельной собственности (в отличие от Земельного кодекса 1922 г.), а на многочисленных вопросах землепользования, охраны земель, правах и обязанностях собственников земельных участков, защите прав на землю, рассмотрении земельных споров, землеустройстве и земельном государственном кадастре, характеристике различных категорий земель. Новый кодекс определил также, что предоставление земельных участков, находящихся в государственной и в муниципальной собственности, в собственность граждан и юридических лиц осуществляется за плату. Земельный кодекс 2001 г. отразил рыночно-правовой статус земельной собственности.

³⁰ См.: Земельный кодекс РСФСР, утвержденный ВС РСФСР 25.04.1991 № 1103-1. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15> (дата обращения: 12.12.2020).

³¹ Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³² См.: Федеральный закон от 25.10.2001 г. «О введении в действие Земельного кодекса РФ». URL: <https://www.moedelo.org/Pro/View/Legals/97-426104109790?anchor=Q0000000064U0IK> (дата обращения: 21.12.2020).

При этом основная направленность регулирования земельных отношений касалась земель сельскохозяйственного назначения, поскольку именно в сельском хозяйстве проблема земли стояла наиболее остро. Таким образом, был сделан окончательный выбор капиталистического пути развития сельского хозяйства России. Об этом свидетельствуют данные Росреестра на 1 января 2018 г.: 33,3 % земель сельскохозяйственного назначения находилось в частной собственности, 66,7 % — в государственной собственности³³.

Первоначальное накопление капитала в сельском хозяйстве в 1990-е гг. осуществлялось за счет приватизации государственной собственности и собственности распущенных колхозов и совхозов. Опасения, что сельское хозяйство неспособно произвести достаточное количество продовольствия и обеспечить продовольственную безопасность, оказались неверными. Рыночные реформы виделись абсолютно неизбежными, на них возлагались надежды на быстрый выход из кризиса, поскольку произошли резкое снижение объемов аграрного производства (практически на 1/2), развал колхозов и совхозов, падение уровня механизации труда (на 1/3), существенное сокращение пахотных и посевных площадей в стране (от 1/4 до 1/3), развал общественного животноводства. Формальные показатели сельскохозяйственного производства современной России 2010-х гг. оказались существенно выше предыдущего десятилетия. В то же время внедрение частной собственности на землю привело к экономической поляризации пространства на богатые и бедные сельские территории и предприятия³⁴. С начала 2000-х гг. в России наметился рост производства сельскохозяйственной продукции. Однако Ш. Мерль считает, что «государство очень подвержено риску, полагаясь в первую очередь на

³³ Подсчитано по: Сведения о наличии и распределении земель в РФ. URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 12.12.2020).

³⁴ См.: *Нефедова Т.Г.* Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Сер. географическая. 2017. № 5. С. 7–18; *Она же.* Неформальная занятость на юге России: примеры полярных регионов // Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты. М., 2018. С. 102–119.

спекулятивное производство крупных агрохолдингов, зависящее от государственных субсидий, поскольку существует высокий риск потерь и неудач для владельцев капитала, особенно учитывая масштабы производства агрохолдингов - многие из них обрабатывают более 200 000 гектаров»³⁵. Многие эксперты полагают, что без частной собственности на землю и конкуренции не может быть стимулов к развитию и модернизации аграрной сферы.

Составляющие элементы аграрного перехода на протяжении XX века по-разному проявлялись в разные периоды, но никогда вместе. Это свидетельствует о том, что власти, определяя стратегию аграрного развития в то или иное время по-разному видели её осуществление. Аграрный переход осуществлялся в течение полутора столетия, носил прерывистый, скачкообразный характер. Он был противоречивым и порождал новые противоречия и даже конфликты.

На всех фазах в значительной мере содержание аграрного перехода определяла система земледелия, точнее переход от экстенсивных систем к интенсивным. Земля является основным и неизменным средством производства в сельском хозяйстве. В первой фазе аграрного перехода преобладало экстенсивное развитие сельского хозяйства. Вплоть до середины XX в. в силу огромных неосвоенных земельных массивов России перед крестьянством не стояли задачи повышения плодородия почв, проблема была лишь в их восстановлении. Площади под зерновыми культурами выросли в России с 62,9 млн га в 1913 г. до 68,2 млн га в 1953 г. На второй фазе до 1964 г. произошел их рост до 81,6 млн га, затем шло неуклонное уменьшение посевов. На третьей фазе происходило постоянное сокращение посевов зерновых: в 1991 г. они составляли 61,8 млн га, а в 2000 г. упали до 45,6 млн га. Рост посевов шел в основном за счет посадок картофеля, овощей и

³⁵ *Merl S. Reassessment of the Soviet agrarian policy in the light of today's achievements // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 1. С. 65.*

кормовых культур. Урожайность зернобобовых культур незначительно сократилась: в 1913 г. она в среднем по стране она составляла 8,0 ц с га, в начале 1950-х гг. – 7,0–7,6 ц с га и существенно выросла в 1990 г. до 19,5 ц с га³⁶.

К началу аграрного перехода большая часть крестьянских хозяйств оставалась на уровне, едва обеспечивавшем собственное потребление. При неблагоприятных погодно-климатических условиях, несмотря на внедрение системы обеспечения народного продовольствия, часто вспыхивали голодовки (1901, 1906, 1911 гг.). Этот фактор в 1921-22 гг., усугубленный разрухой после Гражданской войны, а также продовольственной политикой большевиков, вызвал страшный голод. Осуществление сталинской “революции сверху” – коллективизации сельского хозяйства вызвали кризис сельского хозяйства, привели к страшной голодовке 1932-33 гг. Разруха в результате войны 1941-45 гг. и засуха 1946 г. привели к голодовке 1946-47 гг., объединение колхозов в начале 1950-х гг. – к продовольственному кризису в деревне. На первой фазе аграрного перехода не была изжита присущая традиционному обществу черта – периодически вспыхивавшие голодовки, особенно если неурожай продолжался два года подряд.

Социально-политические катаклизмы влияли на аграрный переход, однако не могли его остановить, придавали ему специфические черты. В силу того, что сельскохозяйственное производство периодически восстанавливало то уровень 1913 г., то 1928 г., то 1940 г., то 1990 г., его развитие проходило в значительной степени на экстенсивной основе. Специфичность аграрного перехода особенно на первой фазе, проявилась в его затяжном характере, что было связано с войнами и революциями. Крестьянские хозяйства вынуждены были постоянно возвращаться к архаичным и экстенсивным системам земледелия. Роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения практически не происходило. В колхозную эпоху

³⁶ Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006. С. 496–500.

отсутствовали стимулы экономической активности крестьян-колхозников, необходимо было выживать, а не накапливать. Крестьянство в XX веке оставалось самой бедной частью населения.

Результатом трансформации аграрной сферы было раскрестьянивание. Этот процесс, связанный с сокращением численности крестьянства, а также с изменением образа жизни сельских жителей. Крестьянство постепенно утрачивало свои социальнообразующие признаки и свойства. Раскрестьянивание имело две стороны – внутреннюю и внешнюю. Внешнее раскрестьянивание проявилось в физическом сокращении численности крестьян. Особенностью этого процесса было преобладание политико-идеологических факторов, существенно его ускорявших. Если в 1897 г. сельские жители составляли 85 % населения России, то в конце 1950-х гг. в сельской местности РСФСР проживало 48% всего населения, в 1990 г. – 26 %³⁷.

Наиболее динамичный, ярко проявлявшийся процесс внешнего раскрестьянивания дополнялся внутренним – изменением форм жизнедеятельности крестьянства, разрушением традиционного образа жизни. Внутреннее раскрестьянивание постепенно охватывало культурные традиции, досуг, мировоззрение сельских жителей. Постепенно утрачивались специфические черты и особенности крестьянства как социальной группы. Раскрестьянивание – очень длительный процесс, результат аграрного перехода. Ему противостоял ряд факторов: удаленность от крупных городских центров, слаборазвитая инфраструктура села, сохранение традиций труда, досуга, быта, культурно-психологический уклад деревенской жизни.

Российская деревня за XX век очень изменилась. В ходе аграрного перехода быстрыми темпами шла ломка уклада сельской жизни – разъединялись сферы труда и быта, бывшие веками слитными; уходил в прошлое размеренный ритм деревенской жизни, во многом определявшийся

³⁷ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2001. С. 173, 361, 362.

ритмами природы и сезонностью сельскохозяйственных работ, освящаемых и одухотворяемых церковью, теперь он больше зависел от распоряжений властей; постепенно исчезала локальная замкнутость “мира деревни”, сокращавшая возможность контактов. Однако переход к преимущественно индустриальному развитию не привел к гармоничным взаимоотношениям между городом и деревней, к индустриальному аграрному развитию. Односторонность этого процесса вела к дальнейшему раскрестьяниванию. Модернизация аграрной сферы оказалась “странной”, поскольку не произошло качественного улучшения жизни селян.

На первой фазе аграрного перехода четко выделяются два этапа: до 1930-х гг. и 1930 – 50-е гг. На первом этапе общий земельный фонд в России практически не изменился, на втором – в связи с интенсивным индустриальным освоением и ростом городских поселений, а также расширением сельскохозяйственных посевов существенно увеличился. В 1930-е гг., когда сложился комплекс предприятий сельскохозяйственного машиностроения, началась эпоха механизации и механизации сельскохозяйственного труда. Намечается процесс перехода от конно-ручной тяги к механизации основных сельскохозяйственных операций. Внешне аграрный переход протекал на этой стадии под лозунгом социалистических преобразований, но его направленность и решаемые задачи были связаны с коренной сменой форм собственности, внедрением крупных форм организации сельскохозяйственного производства, с интенсификацией аграрного производства в целом. Колхозы и совхозы стали определять производство сельскохозяйственной продукции (производили около 90% валовой продукции растениеводства). В условиях колхозно-совхозного строя стало уделяться большое внимание повышению урожайности полей на основе улучшения агротехнических приемов: введению севооборотов, внесению в почву органических удобрений, посевов сортовыми семенами, сокращению сроков проведения сельскохозяйственных кампаний. Эти элементы

интенсификации позволили поднять урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства.

В 1930-е годы в условиях господства крупных форм организации сельскохозяйственного производства стала внедряться травопольная система земледелия, разработанная В.Р. Вильямсом. Она представляла собой сложную модификацию экстенсивных систем земледелия (паровую, зерновую, многопольно-травяную). Восстановление и повышение плодородия почв пытались осуществить биологическим путем, с помощью многолетних трав или через систему севооборотов. Одновременно в ряде регионов намечается вытеснение зернового трехполья интенсивной системой полеводства. Чисто зерновое хозяйство уступало место сельскохозяйственному производству с развитым животноводством, возделыванием технических и зерновых культур. Об этом свидетельствуют изменения в структуре посевов. Повсеместно проводилась опытническая работа по районированию сортов семян сельскохозяйственных культур и бонитировка скота.

В годы Великой Отечественной войны оказались потеряны практически все элементы интенсификации. Деревня была основным резервуаром резервов и ресурсов для развития промышленности. Сельское население в годы войны являлось основным источником пополнения действующей армии, комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что обусловило значительный отток людских ресурсов из деревни.

В аграрной политике послевоенного времени можно выделить следующие направления: расширение посевных площадей коллективных хозяйств, увеличение поголовья скота и машинного парка, введение новых форм организации и оплаты труда, электрификация села, наконец, укрупнение хозяйств. Последнее мероприятие можно считать стержневым направлением аграрной политики, так как идея превосходства крупного производства над мелким по аналогии с промышленностью оставалась базисной в концепции развития сельского хозяйства. Рост армии и городского населения тяжелым бременем лежал на аграрной экономике. Многопольные (6 - 8-польные)

севообороты были нарушены, их восстановление осуществлялось только в конце 1940-х – 1950-е годы. Не было прогресса в совершенствовании сельскохозяйственной техники – восстанавливаемые тракторные и другие заводы сельхозмашиностроения ориентировались на выпуск довоенных моделей. Существенный удар по внедрению интенсивных сельскохозяйственных технологий был нанесен “лысенковщиной”, объявившей войну новым методам селекции и семеноводства. В силу объективных и субъективных факторов на первой фазе агроперехода в целом господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, что сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения.

Прогрессивные тенденции аграрного развития в послевоенные годы проявились в практике полезащитных лесопосадок, расширении использования органических и минеральных удобрений. Во второй половине 1940-х годов развернулась электрификация села путем строительства малых гидроэлектростанций, с 1953 г. колхозы стали подключаться к государственным электросетям³⁸. Однако становилось ясно, что экстенсивные системы земледелия исчерпали свой потенциал, справиться с продовольственным обеспечением выросшего городского населения аграрная сфера уже не могла. Требовалось внедрение интенсивных технологий сельскохозяйственного производства, которое не состоялось на первой фазе аграрного перехода. Колхозники были самой материально неблагополучной группой советского населения. Факторами, тормозящими улучшение материального состояния колхозников, являлись: жесткая налоговая политика, низкая оплата труда в колхозном производстве, ограничение личных хозяйств. Колхозники не имели заинтересованности в расширении общественного производства. Они не стали носителями модернизационных изменений. На второй фазе аграрного перехода (1950-80-е гг.) их носителями

³⁸ Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006. С. 632–636.

наряду с механизаторами выступали специалисты сельского хозяйства, их доля среди занятых в аграрной сфере неуклонно росла, однако все большую роль начинала играть сельская номенклатура (включавшая руководителей хозяйств, сельских партийных функционеров, советских руководителей).

В результате увеличение земельных фондов сельхозартелей, налоги и размеры государственных поставок, натуральной оплаты МТС выросли, одновременно возросли затраты на внутренние коммуникации, а, значит, и себестоимость продукции, выросла убыточность колхозного производства³⁹. Укрупнение колхозов не было экономически оправдано.

Пересмотр основных направлений аграрной политики был предпринят в сентябре 1953 г. на пленуме ЦК КПСС⁴⁰. Н.С. Хрущев был полон решимости осуществить в короткое время мощный рывок в области сельского хозяйства, поднять на новый уровень благосостояние народа. Этот фактор и комплекс мер по переводу сельского хозяйства на индустриальные основы позволяют выделить особый период второй фазы аграрного перехода.

Нехватка зерновой продукции и сложность международной обстановки вновь заставили правительство приступить к расширению посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель. В их освоение было вложено за 1954 – 1959 гг. 37,4 млрд руб., было освоено около 45 млн га земель, в 1,5 раза увеличилось производство зерна – с 8,1 млн до 12 млн т в среднем за год⁴¹. Многочисленные ошибки, допущенные в ходе этой кампании, высокая цена, заплаченная за хлеб, а возможно и преждевременность столь масштабных действий не позволили решить хлебную проблему. Становилось ясно, что экстенсивные формы развития сельского хозяйства исчерпали свой потенциал. С 1963 г. СССР впервые стал завозить зерно из-за границы.

³⁹ Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы. Томск, 1981. С. 98.

⁴⁰ . КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 6. М., 1971. С. 385–429.

⁴¹ Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006. С. 185.

В 1950-е годы выросла техническая оснащенность колхозов и совхозов. Тракторный парк вырос в 1,9 раза. Активно продолжалась электрификация деревни путем присоединения колхозов к государственным электрическим сетям. Продолжалось навязывание сверху структуры посевов, часто не соответствовавших местным природно-климатическим условиям, хозяйствам спускались в директивном порядке задания по распашке под посевы многолетних трав и чистых паров, плановые задания, как и раньше часто менялись, выдавались различные дополнительные задания. Частичные попытки реализовать принятые постановления на практике наталкивались на противодействие административной системы. Планирование оставалось централизованным, сводя на нет экономические стимулы сельского хозяйства. На этом этапе аграрного перехода административный аппарат выступил тормозом модернизации.

Попытки добиться подъема в аграрной сфере опирались на организационные мероприятия, которые должны были в какой-то мере компенсировать недостаток экономических стимулов. В этом отношении заслуживает внимания крупные акции, имевшие для деревни весьма неоднозначные последствия. Это – реорганизация МТС и передача техники в колхозы; новая волна укрупнения хозяйств и преобразования колхозов в совхозы; реформа органов управления.

Конец 1950-х – начало 1960-х годов были наполнены постоянными попытками с помощью “волшебного средства” добиться таких урожаев, которые должны были продемонстрировать миру все преимущества социалистической экономики. Это происходило на фоне разворачивавшейся в мире “зеленой революции”. Таким волшебным средством была и знаменитая кукуруза, и борьба с травопольными севооборотами. Бездумное внедрение всех этих нововведений встречало отпор со стороны людей, болеющих душой за судьбу деревни. Известный курганский полевод Т.С. Мальцев, тщательно изучив вековые традиции крестьянской культуры, разработал агротехнические методы выращивания высоких урожаев в условиях Урала. Он

убеждал, что валовой сбор урожая пшеницы в каждые 5 - 6 лет будет выше, если земля один год будет находиться под паром⁴². Итоги дискуссии о пользе и вреде травопольных севооборотов и чистых паров были неутешительными, вопрос решили не ученые, а чиновники. Пятая часть пашни была занята кукурузой, бобовыми и свеклой. Травопольная система объявлялась тормозом развития земледелия. Чистые пары были полностью ликвидированы. В результате внедрения такого севооборота снизилась урожайность, росла засоренность полей, усилилась эрозия почвы⁴³.

Н.С. Хрущев начал борьбу с личными подсобными хозяйствами (ЛПХ) крестьян, которые рассматривались как тормоз, мешающий развитию общественного хозяйства. По его мнению, ЛПХ отвлекали внимание и силы от колхозного производства и способствовали росту частнособственнических настроений. Наступление на приусадебные хозяйства проявлялись в урезке земельных участков и сокращении поголовья домашнего скота. Такое отношение к крестьянскому хозяйству привело к аграрному кризису начала 1960-х гг.⁴⁴

Несмотря на все изменения, которые принесла с собой в деревню коллективизация, крестьянское хозяйство сохранилось и выполняло важнейшую функцию – обеспечение крестьянской семьи необходимыми продуктами. В середине века личное подворье оставалось основным источником формирования бюджета и потребления колхозников. Крестьянский двор в целом сохранил черты традиционного семейного хозяйства: многоотраслевую структуру, полунатуральный характер, использование трудового потенциала семьи. Домохозяйство включало семью, землю, скот, инвентарь, жилые и хозяйственные постройки. Гонения властей на индивидуальные хозяйства обострили продовольственную ситуацию.

⁴² См.: *Мальцев Т.С.* Система безотвального земледелия. М., 1988.

⁴³ *Вербницкая О.М.* Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву, середина 40-х начало 60-х гг. М., 1992. С. 135.

⁴⁴ *История крестьянства СССР: в 5-ти т. / ред. Г. Ф. Шерстобитов.* Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х гг. М., 1988. С. 355.

Карточной системы удалось избежать, благодаря начавшимся массовым закупкам зерна за рубежом.

Стремление исправить ситуацию, перевести аграрную экономику на качественно новый уровень отразились в комплексе мер, принятых во второй половине 1960-х годов. Знаменательным стал мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г., на котором было заявлено о переходе к твердым долгосрочным планам заготовок сельскохозяйственных продуктов, повышении заготовительных цен, изменении принципов налогообложения колхозов и совхозов (налоги стали начислять не с валового, а с чистого дохода)⁴⁵. Деятельность предприятий предложено было оценивать по уровню их рентабельности. Был провозглашен курс на интенсификацию и специализацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и освоение новых земель. Изменилось и отношение к приусадебным хозяйствам, местным властям предписывалось оказывать помощь населению в обзаведении скотом, обеспечении кормами, обработке земли.

На втором этапе второй фазы аграрного перехода стал осуществляться комплекс различных интенсивных систем земледелия – зернопаровая, зернопропашная, зернотравяная, культурно-мелиоративная, почвозащитная, пропашная, улучшенная зерновая и др. С начала 1980-х гг. внедряются зональные системы земледелия, в которых все звенья – севообороты, способы обработки почвы и посевы, удобрения, уничтожение сорняков, борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений – должны были учитывать почвенно-климатические условия и материально-техническую базу хозяйств.

Важным моментом перехода к интенсивным системам полеводства была разработка в 1981 г. программы по выработке научно обоснованной системы земледелия. Она включала агрономическую характеристику природных условий, почвенно-климатическое и эрозийное районирование; направление,

⁴⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 8. М., 1972. С. 502–505.

масштабы, темпы специализации и концентрации сельскохозяйственного производства; севообороты, структуру посевных площадей и их совершенствование.

Интенсификация сельского хозяйства требовала крупных капиталовложений, проведение комплексной механизации сельскохозяйственных работ, а также целый ряд других мероприятий, которые должны были обеспечить рост производительности труда. Объем капиталовложений в аграрную сферу во второй половине 1960-х гг. возрос почти в 2 раза. В результате расширился машинно-тракторный парк колхозов и совхозов. На полях появились новые марки техники: трактор Т-100М, Т-130, комбайны “Нива”, “Колос”, “Сибиряк”, которые позволили повысить производительность труда в 1,5 – 2,5 раза. Но техники не хватало. Чтобы полностью обеспечить потребности хозяйств, часть работ, особенно в овощеводстве и животноводстве, выполнялись вручную. Трудности возникали с ремонтной базой хозяйств, так как поставляемые централизованным порядком техника и запасные части часто не соответствовали нуждам колхозов и совхозов, несогласованная деятельность отделений “Сельхозтехники” сводила к минимуму все преимущества механизации.

Активно продолжалась электрификация деревни. Подавляющая часть сел к 1980-м гг. была обеспечена электричеством. Все шире электроэнергия использовалась в производстве, особенно в самой трудоемкой отрасли – в животноводстве. Началась газификация сел.

Осуществляемые мероприятия по мелиорации привели к неоднозначным последствиям. Наиболее серьезной проблемой стало нарушение экологического водного баланса.

Крупные системные меры в сельском хозяйстве привели к заметным положительным сдвигам. А.А. Никонов приводит следующие данные о расширении масштабов капитальных вложений, наращивании объемов сельскохозяйственного производства: внесение минеральных удобрений увеличилось с 2,2 кг на га в 1960 г. до 97,5 кг в 1990 г.; площадь орошаемых

земель за это время выросла в 2,3 раза; площадь осушенных земель – в 2,2 раза; энерговооруженность труда увеличилась с 5,7 л.с. на человека до 28,8 л.с.; колоссально выросла электровооруженность труда с 160 кВт. часа на человека до 4855 кВт. часа (рост в 30,3 раза)⁴⁶.

Прогресс в области сельского хозяйства оказался результатом комплекса мер по модернизации аграрной сферы: интенсификация ряда отраслей, увеличение капиталовложений, специализация хозяйств, а также благодаря расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, тем экономическим стимулам, которые были заложены в заготовительной политике, планировании, налогообложении. В 1970-е гг. однако вновь усиливаются процессы, связанные с централизацией и администрированием, экономические рычаги вновь заменяются привычными для системы методами “борьбы за повышение производительности труда”, что отразилось на состоянии сельского хозяйства.

Происходила деформация половозрастной структуры сельского населения. Очень заметно было увеличение доли и абсолютного числа лиц пожилого возраста. Сокращалась доля молодежи и детей. Это было связано как с сокращением рождаемости и увеличением продолжительности жизни, так и с миграциями населения, в результате которых село покидали, прежде всего, люди молодого возраста. Если в 1950 – 60-е гг. основными проблемами на селе считались низкий уровень оплаты труда, то в 1970 – 80-е гг. все чаще на первый план выходили тяжелые условия труда и более низкий уровень жизни в сельской местности по сравнению с городом. Это свидетельствовало о распространении в среде сельского населения городских стандартов жизни. “Обезлюдение” деревень привело к тому, что уже с 1950-х гг. в отдельных областях для сельскохозяйственных работ стали привлекать горожан. В 1970–80-е гг. это стало повсеместным явлением, превратившимся в своего рода “повинность” города перед деревней. Шефствующие над колхозами и

⁴⁶ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 315.

совхозами предприятия и организации в обязательном порядке должны были присылать работников на прополку, уборку урожая, сенокос и другие сельскохозяйственные работы.

Бюджетные обследования крестьянских семей показывают, что на Среднем Урале около 12% сельских семей придерживались традиционно-крестьянского образа жизни, они были ориентированы, главным образом, на личное хозяйство, которое было основным источником их существования. К этой категории относились в основном пожилые семьи, одинокие старики и частично неполные семьи⁴⁷. Основная масса сельских семей (около 70%) вели образ жизни, который можно назвать колхозно-крестьянский. В этих семьях доходы от личного хозяйства и от общественного производства в бюджете были примерно равнозначны и в равной степени участвовали в его формировании. Приусадебное хозяйство этих семей было многоотраслевым с обязательным содержанием на своем подворье крупного рогатого скота, свиней и овец. В 1960-е гг. в деревне выделяется еще одна категория семей, образ жизни которых определяется как сельско-урбанистический (их удельный вес составлял около 20%). К ним относились семьи высокооплачиваемых работников колхозов и совхозов – специалистов, административно-управленческого аппарата, механизаторов, частично животноводов. Получая высокий денежный доход от работы в общественном производстве, они уже не зависели в такой степени как остальные крестьяне от личного приусадебного хозяйства, поэтому оно приобретает для них характер подсобного, вспомогательного производства. В первую очередь эти семьи отказываются от наиболее трудоемкой отрасли – разведение крупного рогатого скота. Именно в это среде быстрее прививаются стандарты городской культуры и городского образа жизни. Этот слой сельских жителей и выступает на данном этапе аграрного перехода носителем трансформационных

⁴⁷ Мазур Л.Н. Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала: дисс. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 1992. С. 160.

изменений. Тормозом трансформации выступали слаборазвитая инфраструктура села, сохранение традиций труда, досуга, быта, культурно-психологический строй деревенской жизни.

Проблема интенсификации аграрного производства по-прежнему оставалась актуальной, только таким путем можно было решить продовольственную проблему. Интенсификация сельского хозяйства понималась как комплекс мер: механизация, мелиорация, химизация, кооперация и интеграция производства, увеличение капиталовложений, которые должны были качественно изменить аграрное производство и поднять его на новый уровень. Однако эти мероприятия реализовывались на практике путем проведения кампаний по принципу “чем больше, тем лучше”. Так было с мелиорацией земель, бездумным применением химических удобрений и ядохимикатов, поголовной кооперацией и интеграцией хозяйств, приведшей к созданию огромного административного аппарата, на содержание которого шло гораздо больше средств, чем полученные хозяйствами доходы от кооперации.

Значительная часть крупных капиталовложений была направлена на строительство, реконструкцию и расширение животноводческих комплексов и ферм, на машины и оборудование. Количество тракторов в хозяйствах увеличилось на треть. Несмотря на увеличение техники, хозяйства ни технически, ни технологически не были готовы перейти на интенсивные технологии, на интенсивные методы производства. Уровень использования имевшейся техники был крайне низким. Интенсификация сельскохозяйственного производства развивалась по затратному принципу. Внедрение интенсивных технологий в земледелие сопровождалось чаще всего истощением плодородия почвы, разрушением ее структуры. Внедрение интенсивных технологий сдерживалось недостаточной квалификацией кадров, несовершенством системы агрохимического и технического обслуживания, отсутствием необходимого набора техники.

Наиболее отчетливо провал политики интенсификации сельскохозяйственного производства прослеживается при анализе показателей производительности труда в колхозах и совхозах. За 1961 – 1982 гг. среднегодовые темпы ее прироста по хозяйствам страны составили 3,4%. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. производительность труда практически не росла. Такие темпы роста не могли обеспечить устойчивый прогресс в сельскохозяйственном производстве⁴⁸.

Проводимая аграрная политика не давала видимых результатов. В 1982 г. была принята Продовольственная программа, которую можно рассматривать как открытое признание кризиса, сложившегося в сфере производства продуктов питания⁴⁹. Большие надежды возлагались на агропромышленный комплекс, который был призван ускорить интенсификацию сельскохозяйственного производства, уменьшить потери урожая, улучшить переработку продукции. К 1986 г. в результате организационных преобразований был создан огромный административный аппарат, который не только не в состоянии был сбалансировать и скоординировать развитие сельского хозяйства и промышленных отраслей, обеспечить внедрение новых технологий, а стал дополнительным тормозом, поглощая огромные средства. Во взаимоотношениях между партнерами по АПК отразилось неравномерное положение сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Если колхозы и совхозы несли убытки, то предприятия “Сельхозтехники”, объединения молочной и мясной промышленности получали прибыль⁵⁰.

В условиях нехватки продовольствия вновь были приняты меры, направленные на создание более благоприятных условий для развития приусадебных личных хозяйств. Улучшилось их обеспечение строительными

⁴⁸ Народное хозяйство в СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 427, 440.

⁴⁹ Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по её реализации. Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 года. М., 1984.

⁵⁰ Шарыгин М.Д., Макарова Т.Г., Свисткова А.М. Агропромышленный комплекс Уральского Нечерноземья. Пермь, 1986. С. 12.

материалами, минеральными удобрениями, средствами малой механизации. Колхозы и совхозы могли заключать договоры с крестьянскими хозяйствами по выращиванию и закупке скота и птицы. Принятие Продовольственной программы способствовало тому, чтобы каждая семья, проживавшая на селе, могла иметь огород, скот и птицу. Чтобы стимулировать сдачу мяса и молока, потребкооперация практиковала встречную продажу наиболее дефицитных товаров – автомобилей, мотоциклов, ковров. В пригородных зонах стало популярным садоводческое движение.

Тенденция спада сельскохозяйственного производства получила свое дальнейшее продолжение в 1985–1990 гг., а затем и все 1990-е гг. В экономике страны нарастали внутренние противоречия, ресурсы административно-командной системы истощались, поток нефтедолларов уже не мог компенсировать затратный характер производства. Необходимость радикальных преобразований становилась все более очевидной.

Таким образом, с середины 1950-х годов в СССР реализовывалась новая аграрная модель. Это не означало резкого разрыва с прежней аграрной моделью, поскольку новые черты аграрной политики сочетались с сохранением ее принципиальных теоретических и политических основ. Вместе с тем она представляла собой альтернативу сталинской политики раскрестьянивания деревни и экспериментированию конца 1950 – начала 1960-х гг. На этой фазе аграрного перехода осуществлялся поиск путей адаптации советской экономической системы к условиям и требованиям научно-технической революции. В этой связи аграрный курс 1965 г. стал попыткой реформирования советского аграрного сектора, призванной не только обеспечить повышение темпов развития сельскохозяйственного производства, но и выработать конкурентоспособную социалистическую альтернативу буржуазно-фермерскому пути аграрной эволюции.

На этой фазе аграрного перехода учитывались некоторые тенденции развития современных производительных сил (усиление процесса концентрации производства и капитала, возрастание роли государственного

регулирующего, интенсификация производства, интеграция отраслей в рамках АПК и др.). Однако недооценивались или вообще игнорировались некоторые особенности этого этапа НТР (резкое возрастание социальных и экологических факторов развития сельского хозяйства, ускоренное формирование производственной инфраструктуры АПК, широкое применение компьютерной техники, биотехнологии и др.), специфика аграрных отношений и широко признанные в мире принципы экономической деятельности в аграрном секторе (развитие рыночных механизмов, функционирование аграрной экономики как совокупности предприятий различного уровня концентрации и форм собственности, широкое развитие кооперации).

На этой фазе аграрного перехода аграрная модель эволюционизировала от попыток внедрения элементов товарно-денежных отношений в плановую систему во второй половине 1960-х гг. через усиление администрирования, централизма и директивности к полному игнорированию рыночных регуляторов аграрной экономики. Эволюция хозяйственного механизма в аграрной сфере до второй половины 1980-х годов носила антирыночный характер. В ходе аграрной модернизации 1960 – 80-х годов не удалось избежать ошибок, драматических коллизий, деформаций⁵¹.

В целом же аграрное развитие 1950 – 80-х годов отличалось, с одной стороны, запаздыванием с проведением давно назревших преобразований, с другой – форсированными скачками и стремлением повсеместно и быстро внедрить то или иное “новшество”. Результатом подобной политики стало нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство, будучи одной из болезненных точек экономики, оказалось в центре социально-экономических преобразований. Главное достижение этого периода – это осознание катастрофического положения, в котором оказалась страна, понимание необходимости использования

⁵¹ *Науцацкий В.В.* Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965–2000. Ростов-на-Дону, 2003. С. 189.

рыночных принципов регулирования для создания эффективной модели экономики.

Экономический кризис 1990-х гг. проявился в первую очередь в резком спаде сельскохозяйственного производства. Посевные площади в России сократились с 1990 г. по 1998 г. на 22,5%, валовой сбор зерновых в хозяйствах всех категорий сократился в 2,4 раза, урожайность зерновых упала до 12,9 ц с га⁵². Такого резкого снижения сельскохозяйственного производства в мирных условиях XX века не наблюдалось. Спад производства сопровождался нарушением агротехнологий, засоренностью и истощением земель.

Упор в аграрной политике только на получение сельскохозяйственной продукции, в конечном счете, привел к естественному фазовому спаду сельскохозяйственной отрасли. В тех отраслях аграрной сферы удалось быстрее приостановить падение, где были предприняты усилия по сохранению интенсивных технологий. Развитие интенсивных систем земледелия в условиях продолжающегося аграрного кризиса остановлено. Часть сельхозпроизводителей возвратилась к традиционным, архаичным системам земледелия. Переход к интенсивным системам земледелия в очередной раз отложен.

В 1990-е гг. – третья фаза аграрного перехода - в условиях перехода к рыночным отношениям проблема продовольственной безопасности отдельных регионов и страны в целом превратилась в стратегически важную. Особенно острое звучание она приобрела в условиях кризиса сельскохозяйственного производства, который обусловил высокий уровень зависимости от поставок продовольствия из-за границы. Таким образом, ни на первой, ни на второй фазах аграрного перехода, ни в 1990-е гг. полностью решить проблему полного обеспечения населения продовольствием не удалось. Исторический опыт XX столетия показывает, что всероссийская модель структурно состоит из региональных составляющих, включающих

⁵² Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006. С. 177, 500.

особенности сложившихся историко-географических, историко-экономических, историко-культурных реалий, которые власти не всегда учитывали, или не учитывали совсем. Региональные аграрные сообщества вступили в XXI век с грузом нерешенных проблем, однако перспективой аграрного развития оставалось завершение аграрного перехода, завершение аграрной модернизации России.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2_ 2022 г

Автор В.Ильиных

Страниц 37 Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. В.Ильиных

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: agro_iwa@mail.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

**Социалистическая модернизация сельского хозяйства:
проекты и воплощение**

*Владимир Ильиных, Институт истории Сибирского отделения РАН
(г. Новосибирск)*

Аннотация. В статье осуществлена реконструкция разработанных на рубеже 1920-х и 1930-х годов моделей социалистической модернизации сельского хозяйства: колхозно-кооперативной, совхозно-колхозной и аграрно-индустриальной. Дана характеристика

сформированного в ходе массовой коллективизации аграрного строя, который радикально отличался от принятых к реализации теоретических конструкций. Анализируются основания и содержание организационно-хозяйственной перестройки аграрного сектора экономики во второй половине 1950-х гг. Проведена репрезентация разработанного в середине 1960-х гг. В.Г. Венжером проекта реформирования социалистического сельского хозяйства и определены факторы отказа от ее реализации.

Ключевые слова. модернизация, сельское хозяйство, аграрная политика советского государства, крестьянство, коллективизация, колхозная система, проекты аграрного развития.

Высокотоварные помещичьи и крестьянские предпринимательские хозяйства в ходе аграрной революции 1917–1918 гг., акторами которой являлись крестьяне, были ликвидированы. Организационно-производственной основой сельского хозяйства страны стало индивидуальное крестьянское хозяйство, отличавшееся относительно низким уровнем товарности. Данная модель аграрного строя не соответствовала теоретическим представлениям большевиков, пришедших к власти в России в 1917 г. Они были убеждены, что социалистическая модернизация аграрного сектора экономики может быть осуществлена только на основе организации крупных сельхозпредприятий, которые, по мнению марксистских теоретиков, позволяли широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность. Не менее, а может более важным фактором роста производительности труда в коллективных хозяйствах должно стать освобождение их от эксплуатации.

Свои теоретические воззрения лидеры большевистского режима попытались реализовать на практике уже в первые годы своего пребывания у власти. Задача «организации крупного социалистического земледелия» была поставлена в повестку дня аграрной политики правящей партии в начале

1919 г.¹ В качестве основных форм социалистического сельского хозяйства большевики рассматривали так называемые советские хозяйства («крупные социалистические экономии») и коллективные хозяйства («добровольные союзы земледельцев для ведения крупного общего хозяйства»). При этом наиболее совершенным («последовательно-социалистическим») типом сельхозпредприятия считался совхоз.

Однако крестьянство не только положило конец классу помещиков, но и своим все возрастающим сопротивлением заставило большевиков отказаться от «военно-коммунистического» эксперимента и перейти к новой экономической политике. После перехода к нэпу обобществление аграрного сектора экономики отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет отвечать целям поступательного развития экономики страны. При этом ставилась задача объединения крестьянских хозяйств в различные виды сбытоснабженческой, кредитной и производственной кооперации. Оставшиеся после развала первых лет нэпа колхозы были переданы из подчинения органов Наркомата земледелия в сельскохозяйственную кооперацию и стали рассматриваться как составная часть кооперативной системы.

В середине 1920-х гг. в качестве долгосрочной программы большевистской партии в аграрном вопросе сложился так называемый ленинский кооперативный план, в соответствии с которым наиболее оптимальным путем перехода крестьян к социалистическому хозяйству провозглашалась кооперация. Построение социализма в сельском хозяйстве, которое должно было занять длительное время, рассматривалось как развитие всех видов кооперации и постепенный переход от ее «низших» форм (потребительских, кредитных и «простейших» производственных кооперативов) к «высшим» (колхозам). Обязательным условием данного процесса называлась добровольность. Крестьяне на собственном опыте

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 86.

должны были убедиться в преимуществах крупного общественного хозяйства. В резолюции XIII съезда РКП(б) указывалось, что «кооперированное крестьянское хозяйство неизбежно будет терять свой индивидуальный характер, превращаясь в хозяйство коллективное»².

Несмотря на то, что колхозы официально провозглашались «высшей» формой производственной кооперации, в середине 1920-х гг. они фактически занимали маргинальное место как в структуре производства, так и в системе управления сельским хозяйством. Летом 1927 г. в них входило 0,8% крестьянских хозяйств СССР³. Уровень производства в колхозах был крайне низким. Основной причиной этого была их несовместимость с «нэповским» (рыночным) механизмом функционирования аграрного сектора экономики. Кооперативные союзы, которым колхозы были отданы под управление, уделяли им мало внимания, поскольку имели иные приоритеты в своей деятельности. Земельные органы⁴ после передачи колхозов в кооперативную систему также практически перестали их обслуживать. Помимо формальных, существовали и идеологические причины подобного подхода. Ведущие специалисты земорганов разделяли критическое отношение к колхозам ученых-аграрников, представляющих либеральное и организационно-производственное направления российской экономической мысли.

Иной была ситуация с совхозами. Во-первых, они остались в подчинении земельных органов; во-вторых, их руководители и специалисты отводили совхозам важное место в распространении среди крестьянства агрикультурных новаций. В итоге, заняв в условиях нэпа мизерное место в структуре валового производства, совхозы, тем не менее, выполняли ряд важных функций в организации сельского хозяйства: семеноводство,

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 234.

³ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. С. 374.

⁴ Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

племенное животноводство, внедрение новейших видов сельхозмашин и инвентаря. Более того, по мнению ряда экспертов, роль совхозов в аграрной экономике страны должна была постоянно увеличиваться. В качестве одной из перспективных форм взаимосвязи совхозного производства и крестьянской экономики рассматривались так называемые совхозы-комбинаты⁵.

Получившие хозяйственную свободу российские крестьяне достаточно быстро восстановили посевные площади и поголовье продуктивного скота. Однако применявшийся большевистским режимом по отношению к зажиточным слоям деревни экономический и политический прессинг привел к консервации мелкотоварности крестьянского хозяйства и замедлению темпов развития сельского хозяйства. Зерновой экспорт из СССР даже в самые урожайные годы не превышал и четверти его дореволюционного объема⁶.

В конце 1920-х гг. сталинское большинство в ЦК ВКП(б) пришло к выводу, что мелкотоварное аграрное производство стало препятствием на пути модернизации страны. XV съезд ВКП(б) в качестве основной цели партии в деревне поставил задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы»⁷. При этом речь шла не о немедленном переходе к форсированному колхозному строительству, а о его ускорении. Форсировать следовало вовлечение крестьянских хозяйств в простейшие производственные кооперативы, рассматривавшиеся в качестве «вернейшего средства постепенного перехода от кооперирования сбыта и

⁵ Совхозы-комбинаты, проекты которых создавались во второй половине 1920-х гг., представляли собой агропромышленные комплексы, специализирующиеся на производстве и переработке технических культур. В них входили совхоз с находящимся на его территории перерабатывающим предприятием и расположенные в округе единоличные крестьянские хозяйства. Совхоз помимо переработки занимался семенным делом, выращиванием рассады, а также агрикультурным, материально-техническим и транспортным обслуживанием крестьян.

⁶ *Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 219.

⁷ КПСС в резолюциях ... М., 1984. Т. 4. С. 299.

снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств»⁸.

Важная роль в социалистическом преобразовании аграрного сектора экономики отводилась совхозам, которые должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам близлежащих селений преимущества крупного обобществленного производства. Ставилась задача создания значительного количества новых крупных специализированных хозяйств. Июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение об организации в течение 4-5 лет новых крупных зерновых совхозов, производящих 100 млн пудов товарного зерна⁹. Одной из их основных задач являлось замещение хлеба, производимого так называемыми кулацкими хозяйствами, которые должны были быть ликвидированы.

Предусмотренный в общегосударственных планах уровень коллективизации деревни в конце 1920-х гг. постоянно корректировался в сторону повышения. В подготовленном Наркомземом РСФСР и Колхозцентром РСФСР весной 1928 г. проекте пятилетнего плана (1928/29–1932/33 гг.) предполагалось вовлечение в колхозы 4,4% крестьянских дворов. Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР предусматривал к 1 октября 1933 г. объединить в колхозы 16–18% крестьянских хозяйств страны¹⁰. Выступавший на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) председатель Колхозцентра СССР Г.Н. Каминский заявил, что «в основных зерновых и сырьевых районах в течение 1½–2 лет

⁸ КПСС в резолюциях ... М., 1984. Т. 4. С. 306.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях ... Т. 4. С. 354-355. В 1927/28 г. общий объем товарного производства зерновых в СССР составлял около 800 млн пудов (*Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010. С. 169).

¹⁰ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. С. 120.

подавляющая часть бедняков и середняков будет охвачена коллективизацией»¹¹. Расширились и планы совхозного строительства.

Выдвижение социалистической модернизации деревни в текущую повестку дня актуализировала проблему определения оптимальной организационной схемы радикально перестраиваемого сельского хозяйства, которую также пришлось решать форсированными темпами. Итогом мозгового штурма стало появление концептуальной модели социалистического сельского хозяйства, условно определяемой нами как «совхозно-колхозной». Структурными составными частями модели являлись совхозы и колхозы, полностью вытеснившие индивидуальное крестьянское хозяйство из аграрной экономики. Колхозное производство на начальном этапе социалистической реконструкции превосходило по объемам совхозное. Данное соотношение должно было постепенно меняться в пользу «последовательно-социалистических» совхозов. В более отдаленной перспективе кооперативная форма собственности сливалась с общенародной (государственной), а колхозы фактически превращались в совхозы. Тем не менее совхозный сектор сельской экономики с самого начала преобразований был призван вносить существенный вклад в валовое и товарное производство сельхозпродукции. Превосходя колхозы по уровню механизации, концентрации производства и производительности труда, совхозы становились «локомотивами» аграрной экономики. При этом они должны были стать не только «крупнейшими сельскохозяйственными фабриками», но и оказывать окружающим колхозам организационно-хозяйственную помощь.

Существенный вклад в разработку вопросов организации совхозного производства внес А.В. Чаянов¹². В создавшихся условиях он был вынужден пойти на компромисс с системой «государственного коллективизма». Скептически относясь к перспективам колхозного строительства, Чаянов

¹¹ Как ломали нэп: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 5: Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. С. 287.

¹² Никулин А. Чаяновская версия коллективизации // Отечественные записки. 2004. № 1.

считал более экономически приемлемой формой организации сельхозпроизводства совхозы, которые позволяли широко внедрять средства механизации и агрикультурные новации. В предлагаемые организационные планы совхозов ученый включил новые способы использования техники: тракторные колонны, применение конвейерного использования системы машин (трактор, комбайн, грузовик), таборное выполнение работ, когда сельхозтехника, иногда с работниками, остается на ночь в поле и т.д.

Применительно к колхозам подобных организационно-производственных схем создано не было. Отчасти это было связано с убеждением, что они вскоре также превратятся в высокомеханизированные крупные специализированные сельхозпредприятия, возможно и продолжая уступать совхозам по размерам. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) указал на необходимость строительства «крупных механизированных колхозов, которые должны использовать в своей технической организации опыт совхозов, постепенно превращаясь в подлинные социалистические предприятия, построенные на базе современной машинной техники и новейших научных достижений». Ставилась также задача развития строительства специализированных колхозов. В качестве одного из путей укрупнения колхозного производства в резолюции пленума назывались кустовые объединения колхозов или колхозных комбинатов, создаваемых «для совместного строительства предприятий, тракторных колонн и крупных машинных станций»¹³. Следует отметить, что самостоятельные машинно-тракторные станции (МТС) не рассматривались теоретиками коллективизации как постоянно действующие структуры, а должны были функционировать лишь в условиях переходного периода, обслуживая мелкие колхозы. После их укрупнения техника МТС становилась составной частью материально-технической базы колхозного производства.

¹³ КПСС в резолюциях ... М., 1984. Т. 4. С. 32.

Специфика колхозной формы сельхозпроизводства определялась ее кооперативной сущностью. Как и любой кооператив, колхозы рассматривались как самостоятельные организации, являющиеся составной частью кооперативной системы. Взаимоотношения между государством и кооперацией и внутри кооперации должны были строиться на договорной основе. В качестве основного метода этих взаимоотношений и базовой формы организации колхозного производства предлагалась контрактация, представлявшая собой договор между колхозом и кооперативным союзом (колхозсоюзом). В соответствии с заключенным договором контрактанты обязывались произвести указанную в нем продукцию с соблюдением обязательных агротехнологических и зоотехнических приемов и поставить ее оговоренный объем коопсоюзу. Последний брал на себя обязательства проавансировать будущие поставки или предоставить в кредит материально-технические ресурсы, необходимые для ее производства (денежные средства, семена, орудия труда, агрономические и зоотехнические услуги и т.п.). Коопсоюз, в свою очередь, заключал договор с государством о поставке сельхозпродукции и получении в обеспечение поставок материально-технических и финансовых ресурсов.

Теоретические построения аграрников-марксистов и конкретные планы колхозного строительства не предусматривали возникновения личного сектора сельской экономики. В них лишь поднималась проблема степени обобществления имущества новоиспеченных колхозников, которая зависела от формы колхоза. Для коммун, которые провозглашались «высшей» формой коллективного хозяйства, предполагалось полное обобществление средств производства. Члены сельхозартели могли иметь приусадебный участок и мелкий скот. В ТОЗах в личной собственности мог оставаться рабочий скот. В перспективе же планировалось образование единой формы колхоза с

максимальной степенью обобществления. О личных подсобных хозяйствах работников совхозов и прочих рабочих и служащих речи вообще не шло¹⁴.

Организация крупных сельхозпредприятий, которая являлась целью и итогом социалистической модернизации сельского хозяйства позволяла широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения (трактора с соответствующим шлейфом орудий, комбайны и другие уборочные машины, доильные аппараты, кормораздатчики, инкубаторы и т.п.), применять агрикультурные новации (в том числе минеральные удобрения) и за счет этого резко повысить производительность. Достигнутое существенное наращивание валового и товарного производства сельхозпродукции должно было привести к многократному увеличению объемов и стоимости аграрного экспорта и таким образом обеспечить средствами ускоренное развитие тяжелой промышленности. В задачи колхозов и совхозов входило не только наращивание экспорта, но и обеспечивающее повышение материального благосостояния городского и сельского населения удовлетворение внутренних потребностей страны.

Разбуженный XV съездом ВКП(б) полет футурологической мысли был неудержим. В конце 1920-х гг. параллельно с оформлением основных положений совхозно-колхозной модели функционирования сельского хозяйства была разработана модель агропромышленной интеграции, предполагающая объединение сельхозпредприятий различных форм и перерабатывающих предприятий в единые хозяйственные комплексы. В качестве организационных центров подобных комплексов рассматривались совхозы. Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) рекомендовал создавать совхозно-колхозные объединения «под общим руководством» совхозов «с согласованным хозяйственным планом, с общей технической базой (тракторные колонны, ремонтные мастерские и т.п.), с общими предприятиями

¹⁴ Принятое ВЦИК 14 февраля 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» гласило: «никто из рабочих и служащих [совхозов] не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды» (СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43).

по переработке сельскохозяйственной продукции (маслодельные, сыроваренные и льноперерабатывающие заводы, мельницы и т.п.)»¹⁵.

Наиболее перспективной формой организационно-производственного комплекса в сельском хозяйстве признавался агро-индустриальный комбинат (АИК), представляющий собой объединение хозяйственных ячеек в виде совхозов, колхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и другой инфраструктурой. Центральное место в структуре АИКа занимал головной специализированный совхоз, который владел перерабатывающими предприятиями и базовыми элементами инфраструктуры. Комплекс, создаваемый вокруг крупного государственного перерабатывающего предприятия, определялся как индустриально-аграрный комбинат (ИНАК). Одной из целей создания комбинатов являлось преодоление сезонности сельскохозяйственного производства путем временного перераспределения работников между аграрными и индустриальными структурами. АИКи должны были также обладать развитой социально-культурно-бытовой инфраструктурой, основная часть которой сосредоточивалась в центральном населенном пункте комбината, фактически становящегося агрогородом.

Агро-индустриальные комбинаты должны были способствовать не только многократному наращиванию валовой и товарной сельхозпродукции. Они были призваны внести существенный вклад в решение краеугольных социально-экономических задач коммунистического строительства: слияния кооперативной и государственной собственности, превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, преодоления различий между городом и деревней. Один из теоретиков агропромышленной интеграции Я.П. Никулихин писал: «В перспективе мы, конечно, не будем иметь раздельно существование совхозов и колхозов. Мы будем иметь какую-то новую высокую форму предприятий, где промышленность и сельское

¹⁵ КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 32.

хозяйство будут сливаться в прочном единстве». При этом «отойдет в прошлое грань, которая отделяла город от деревни»¹⁶.

К 1930 г. сформировалось два ведущих центра разработки теоретических и практических вопросов аграрно-индустриального комбинирования: Аграрный институт Коммунистической академии в Москве и объединенная группа экономистов в Новосибирске¹⁷. Результатом изысканий последних стал опубликованный в 1930 г. Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края, согласно которому сельское хозяйство региона к началу 1940-х гг. представляло собой систему агро-индустриальных комбинатов¹⁸. Всего в крае предполагалось создать 173 АИКа. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился. При этом АИК определялся не как «сумма» входящих в него ячеек, а как единый производственный комплекс («единый тип фабрично-заводского предприятия, где земледелие и промышленность сливаются в прочном единстве»¹⁹).

К середине 1930 г. специалисты сельхозсекции Сибплана разработали несколько подробных проектов агро-индустриальных комбинатов, которые рассматривались как типовые. Так, ведущей специализацией Шипуновского АИКа (Рубцовский округ) должно было стать производство пшеницы. На ее отходах базировалось птицеводство. В севооборот в качестве пропашной культуры вводилась соя. Отходы ее переработки, сеяные травы, окультуренные сенокосы и естественные выпасы создавали кормовую базу

¹⁶ Цит. по: *Фигуровская Н.К.* Агро-промышленные комбинаты в историческом развитии // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 207–208.

¹⁷ . Цит. по: *Фигуровская Н.К.* Агро-промышленные комбинаты в историческом развитии // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 207.

¹⁸ Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930.

¹⁹ Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. I: К вопросу организации агро-индустриальных комбинатов.

для разведения крупного рогатого скота мясного направления. На менее продуктивных пастбищах развивалось шерсто-мясное овцеводство. Организационно АИК состоял из базового зерносовхоза, двух крупных колхозов, птицеводческого и овцеводческого хозяйств. На центральной усадьбе совхоза, расположенной на железнодорожной станции, располагались большое мельпредприятие, зернохранилище, маслоперерабатывающий (соевый) завод, холодильник, электростанция и ремонтный завод (отдельные мастерские строились и в колхозах). Первоначально проектируемая площадь земельных угодий комбината – 200 тыс. га. Впоследствии ее планировалось увеличить до 700–800 тыс. га, а число входящих в АИК колхозов – до 7. Были созданы также проекты Маслянинского льно-молочного (Новосибирский округ), Еланского молочного (Барабинский округ), Прокопьевского пригородного овощеводческо-молочного (Кузбасс) АИКов и специализирующегося на производстве мяса и шерсти совхозно-колхозного комбината в Горном Алтае²⁰.

Данные комбинаты должны были начать сооружаться в первую очередь в 1930/31 г. и выйти на проектную мощность к концу пятилетки. Первым этапом их создания являлось образование головного совхоза. Параллельно с ним проводилась коллективизация будущей территории АИКа. Далее следовало поэтапное строительство перерабатывающих предприятий, транспортной, энергетической инфраструктуры, объектов соцкультбыта. В силу того, что зерновое хозяйство могло дать более быструю отдачу, чем животноводство, во вторую очередь (в 1931/32 г.) планировалось приступить

²⁰ Непосредственно в Генплан проекты АИКов не вошли. Они публиковались в отдельных брошюрах (Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. II: Маслянинский АИК (Маслянинский район Новосибирского округа); Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. 4: Шипуновский АИК (Шипуновский район Рубцовского округа); Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. 5: Прокопьевский агро-индустриальный комбинат (Прокопьевский район Кузнецкого округа); Агро-индустриальные комбинаты Сибири. Новосибирск, 1930. Ч. 6: Онгудайский совхозно-колхозный комбинат (Онгудайский аймак Ойротской области)).

к организации Исиль-Кульского, Москаленовского, Рубцовского и Завьяловского зерновых комбинатов²¹.

В начале 1930 г. принимается решение о форсировании темпов коллективизации. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) поставил задачу завершить ее в основном в главных зерновых районах (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье) «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», в других зерновых районах (в том числе в Сибири) – осенью 1931 – весной 1932 г., в незерновых районах – к весне 1933 г.²² В регионах, с одобрения центра, этот процесс решили еще более ускорить. Так 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) по инициативе его первого секретаря Р.И. Эйхе выдвинул задачу завершения коллективизации весной текущего года²³.

Форсирование коллективизации было напрямую связано с планами индустриального строительства. Известный ученый-аграрник В.В. Кондрашин отметил, что в случае замедления уже набравшего темп «локомотива индустриализации» государство было бы вынуждено заморозить основные промышленные стройки, распустить рабочих, специалистов, в том числе иностранных, и т.д. Чтобы не допустить этого, требовались «быстрые деньги» (валюта) для закупки оборудования в западных странах. Получить их, по мнению И.В. Сталина и его сторонников в Политбюро ЦК ВКП(б), можно было только за счет экспорта хлеба, существенное увеличение производства которого должны были обеспечить крупные товарные социалистические сельхозпредприятия²⁴.

В конце зимы 1930 г. темпы коллективизации соответствовали самым смелым предположениям. В начале марта в СССР в колхозах числилось 56% крестьянских хозяйств²⁵. Форсировались не только темпы колхозного

²¹ Материалы к пятилетнему плану... С. 75.

²² КПСС в резолюциях ... М., 1985. Т. 5. С. 73.

²³ Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: сб. документов. Новосибирск, 2009. С. 6-7.

²⁴ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 35.

²⁵ История советского крестьянства. Т. 2. С. 155.

строительства, но и степень «обобществления» крестьянского имущества. Ставка была сделана на насаждение коммун. Создавались колхозные комбинаты и колхозы-гиганты, в которые входили десятки селений, разбросанных на огромной территории, с количеством дворов, исчисляемых тысячами. Гигантскими размерами отличались вновь создаваемые совхозы. Некоторые из них располагались на территории нескольких административных районов. Началось создание АИКов. В Усманском округе Центрально-Черноземной области решением VI пленума облисполкома от 4 января 1930 г. был образован Ендовищенский агро-индустриальный комбинат. В него вошли 48 селений (59 тыс. чел.), 6 совхозов и промышленных предприятий, 2 завода союзного значения по выработке огнеупорной глины, 2 кирпичных, 11 механических заводов, 13 водяных и несколько десятков ветряных мельниц. Для успешного функционирования АИКа предполагалось вложить около 3,5 млрд руб. на строительство зерно- и овощехранилищ, хозяйственных построек для сельхозинвентаря, тракторов и автомобилей, служебных помещений (контор), жилых построек, дорог и т.п.²⁶

Результатом «большевистского натиска» на деревню стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно осязаемое в животноводстве. С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне в массовом порядке стали выходить из колхозов. Уровень коллективизации опустился в СССР до 21%²⁷. Развалились, не успев организовать, и первые АИКи.

Отступление режима имело тактический характер. В начале 1931 г. массовая коллективизация возобновилась. На повестку дня вновь был поставлен вопрос о необходимости создании совхозно-колхозных и агро-

²⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 831.

²⁷ История советского крестьянства. Т. 2. С. 169.

индустриальных комбинатов. 22 февраля 1931 г., выступая на I съезде советов Западно-Сибирского края, заведующий краевым земельным управлением Н.П. Ялухин заявил: «Мы приступили к организации высшей формы сельскохозяйственного производства – агро-индустриальных комбинатов». Сообщив делегатам съезда, что разработаны проекты 5 комбинатов, он сказал, что строительство Маслянинского АИКа уже началось²⁸.

Однако на состоявшемся в марте 1931 г. VI съезде Советов СССР данная практика была осуждена. При этом материальная, техническая и политическая невозможность соединения в конкретно-исторических условиях сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности через создание комбинатов получила идеологическое объяснение. В постановлении съезда «О совхозном строительстве» указывалось на «огромное различие между совхозами и колхозами на данной стадии развития. Совхозы являются государственными предприятиями, где государство является полным хозяином <...>. Колхозы же, наоборот, являются предприятиями, основанными крестьянами, добровольно обобществившими свои средства производства <...>. При этом хозяевами колхоза являются колхозники». Основываясь на подобных тезисах, съезд определил «антиленинскими» и «грубо нарушающими политику Советской власти» «всякого рода попытки отождествить совхозы и колхозы, создавать скороспелые совхозно-колхозные комбинаты, а тем более подчинять колхозы совхозам»²⁹. Планирование АИКов после выхода данного постановления называлось не иначе как «вредительская» и «антипартийная» деятельность, как «маневры врагов» с целью ликвидации колхозов и совхозов³⁰.

После отказа от создания АИКов и совхозно-колхозных объединений на повестку дня была поставлена задача реализации совхозно-колхозной модели социалистической модернизации сельского хозяйства. При этом основной

²⁸ Советская Сибирь. 1931. 24 февр.

²⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 280–281.

³⁰ Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. С. 143–144.

формой коллективного хозяйства на «данной стадии» колхозного строительства провозглашалась сельскохозяйственная артель, а ее оптимальные размеры соотносились с отдельным сельским населенным пунктом («артель-село»). Переход к коммуне как «высшей» форме колхозного движения должен был происходить в соответствии «с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников»³¹. Опережающими темпами планировалось развивать совхозное производство. Объединяемые в крупные специализированные тресты совхозы должны были занимать все более высокий удельный вес в аграрном секторе экономики.

К концу 1931 г. в колхозы вступило 60% крестьянских дворов страны. Таким образом, уже в течение 1931 г. аграрная экономика России перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство – ее базовой производственной ячейкой. 80%-ный уровень коллективизации, который определялся как ее «завершение в основном», был достигнут в стране в начале 1935 г.³² Продолжалось интенсивное совхозное строительство. В СССР площадь посевов в совхозах увеличилась с 1929 по 1932 г. в 22 раза, поголовье КРС – в 16 раз, овец – в 6 раз, свиней – в 18 раз³³.

Однако, несмотря на видимые успехи колхозного и совхозного строительства, грандиозные планы по наращиванию сельхозпроизводства провалились. Коллективизация не только не способствовала подъему сельского хозяйства, но, напротив, в краткосрочной перспективе привела к падению производительных сил, особенно глубокому в животноводстве. В среднесрочной перспективе к концу 1930-х гг. удалось добиться наращивания по сравнению с концом 1920-х гг. посевных площадей и валовых сборов. Восстановить поголовье скота так и не удалось. Кроме того, форсированная

³¹ КПСС в резолюциях ... М., 1985. Т. 5. С. 162.

³² История советского крестьянства. Т. 2. С. 196, 314.

³³ Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. М., 1935. С. 328, 377; Народное хозяйство СССР: стат. справочник. 1932. М., 1932. С. 189.

коллективизация привела к ухудшению качественных показателей производства (урожайности, продуктивности).

При этом сформированный в процессе форсированной коллективизации аграрный строй радикально отличался от принятых к реализации теоретических конструкций. Он отличался внеэкономическим принуждением, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализацией системы налогообложения деревни, заключавшейся в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам³⁴. Возросший по сравнению с доколхозной деревней уровень отчуждения сельхозпродуктов обеспечивался жестким внеэкономическим принуждением («принудительная товарность»). Сверхнормативное изъятие продовольственных ресурсов в деревне приводило к латентному, очаговому или массовому голоду, который сопровождал аграрный строй сталинского социализма на протяжении всего ее существования.

Организационно-производственной основой новой модели аграрного строя являлись колхозы, которые потеряли свою изначальную кооперативную сущность. С одной стороны, колхозы находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой – функционировали на принципах самокупаемости, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена. Члены колхозов фактически прикреплялись к ним, а их труд на «общественных» полях и фермах приобрел характер отработочной повинности.

Колхозы обладали лишь простым конно-ручным инвентарем. Сложные сельхозмашины находились в МТС, которые на возмездной основе, взимаемой в форме натуральной оплаты, занимались производственно-техническим обслуживанием колхозов. Помимо выполнения механизированных работ на МТС возлагалось осуществление так называемой организационной помощи

³⁴ *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 160.

колхозам. Они контролировали практически все стороны колхозной жизни – производство, учет труда, распределение дохода, в директивном порядке определяли агротехнику.

Как по своим размерам, так и по уровню механизации колхозы не стали «фабриками зерна, мяса и молока». По показателям урожайности и продуктивности скота они уступали единоличным крестьянским хозяйствам. Постоянным спутником колхозного производства являлась невиданная в доколхозной деревне бесхозяйственность. Крайне низкими были трудовая дисциплина и качество выполняемых работ. Значительных размеров достигали потери урожая. Низкая продуктивность и высокий процент падежа животных являлись следствием недостатка кормов, животноводческих помещений, плохого ухода за скотом.

Неотъемлемой составляющей колхозной системы были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ). Несмотря на мизерные размеры, они являлись для владельцев основным источником существования. Кроме того, значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед государством. Владение приусадебным участком было обусловлено членством в колхозе. У крестьянина, вышедшего или исключенного из колхоза, его должны были отобрать. Важную роль в продовольственном обеспечении своих владельцев имели также личные подсобные хозяйства сельских рабочих и служащих. Массовым явлением стало так называемое коллективное огородничество жителей городов, которым выделялись значительные массивы земли в сельской местности для выращивания картофеля.

Совхозы, которые входили в специализированные тресты, отличались относительно высоким уровнем механизации и существенно превосходили колхозы по своим размерам. Однако они не стали, как это планировалось, ведущей организационно-производственной формой сельского хозяйства, а превратились во вспомогательный придаток колхозной экономики. Помимо трестированных совхозов в стране функционировало большое количество

госхозов, представлявших собой подсобные сельхозпредприятия отделов рабочего снабжения (ОРСов) ведомств и крупных предприятий. Как правило, они были небольшими по размерам и в основном специализировались на свиноводстве, выращивании картофеля и овощей. Подсобные предприятия, создание которых планами социалистического строительства также не предусматривалось, имели фактически потребительский характер, поскольку их продукция предназначалась для снабжения работников основного производства.

Отличительной чертой аграрной экономики сталинского социализма являлась ее многоукладность. При этом так и не была в полной мере решена поставленная в конце 1920-х гг. задача замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социалистическим. На сельхозпредприятиях социалистического сектора аграрной экономики (колхозах и совхозах) производилась абсолютно бóльшая часть зерновых, кормовых и технических культур. Основным производителем картофеля и молока стали ЛПХ сельских жителей, размеры и товарность которых уступали даже бедняцкому хозяйству доколхозной деревни. В ЛПХ также производилась значительная часть мясопродуктов и овощей.

Таким образом, в ходе сплошной коллективизации в аграрной сфере в СССР сформировалась система, которую некоторые публицисты и даже исследователи определяют, как «агроулаг». В связи с этим возникает вопрос, не использовались ли картины, нарисованные в различных плановых наработках конца 1920-х гг. и, в частности, в упомянутом выше Генеральном плане развития народного хозяйства Сибирского края, как отвлекающая пиар-акция, прикрывающая действительные планы И.В. Сталина. Нам представляется, что Сталин и его окружение в высших эшелонах власти, начиная форсированную коллективизацию, все-таки верили в благотворное влияние массового колхозно-совхозного строительства на сельское хозяйство. И задача осуществления индустриализации за счет фактического ограбления деревни и тем более голодомора первоначально не ставилась.

Но завышенными ожидания от коллективизации были не только у теоретиков и практиков большевистского режима, но и у самих сельских жителей. Официальная пропаганда с самого начала установления советской власти постоянно говорила о преимуществах крупного социалистического хозяйства, которое позволит крестьянам выйти из вековой нужды, повысит материальное благосостояние, с помощью машин и механизмов существенно облегчит их труд, превратив его в разновидность индустриального. Крестьяне были убеждены, что, вступив в колхозы, они так же, как и рабочие, будут трудиться по 8 часов, получая 12 полновесных «урожаев» (зарплат) в год. При этом государство даст им необходимые материальные и финансовые ресурсы, позволяющие повысить материальное благосостояние, не прикладывая особых трудовых усилий. Широкое распространение коммун в начале 1930 г. было связано в том числе и с убеждением крестьян, что коммуны в отличие от сельхозартелей будут взяты на полное государственное обеспечение. На это обратил внимание секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, который в марте-апреле 1930 г. посетил Центрально-Черноземную область, Поволжье и Сибирь для проверки исполнения постановления ЦК большевистской партии от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»³⁵.

Однако государство, уверенное в высоком производственном потенциале колхозов, намеревалось получить от колхозной деревни сельхозпродукции больше, чем оно получало до начала массовой коллективизации. При этом невыполнение заготовительных планов воспринималось как проявление «кулацкого саботажа» и пресекалось административными и репрессивными мерами. Колхозы необходимого для государства количества продукции не производили и были вынуждены выполнять планы заготовок за счет своих семенных, кормовых, страховых и потребительских фондов.

³⁵ Коллективизация сибирской деревни. С. 299.

Поскольку фактически всю производимую продукцию изымало государство, то ресурсы для оплаты труда своих членов у колхозов отсутствовали. Практически ничего не получающие за свой труд колхозники фактически устроили на «общественных» полях и фермах «итальянскую» забастовку³⁶. Кроме «итальянки» массовый характер приобрело бегство из деревни. Широкое распространение получили хищения колхозного имущества, прежде всего хлеба. При этом массовый характер хищений в начале 1930-х гг. стал производным не только и не столько от традиционного крестьянского менталитета, а представлял собой попытку крестьян спасти себя и свои семьи от реально грозящего им голода. Ответом режима становятся массовые репрессии, «закон о колосках», введение паспортной системы.

Показателем пересмотра позиций части правящей верхушки и лично И.В. Сталина на перспективы и методы социалистической модернизации деревни можно считать окончательный отказ от рудиментов «ленинского кооперативного плана». В начале 1932 г. упразднили сельскохозяйственную кооперацию, а ранее закрепленную за ней функцию заготовок передали государственным заготовительным организациям. В декабре того же года ликвидировали Колхозцентр, а также общесоюзные специализированные, региональные и районные колхозсоюзы. Та же участь постигла Трактороцентр (Всесоюзный центр МТС), акционерами которого, помимо государственных органов, были сельскохозяйственная кооперация и Колхозцентр. Руководство колхозами и МТС передавалось в руки Наркомата земледелия СССР и его органов. В конце 1932 – начале 1933 г. была отменена контрактационная система. Вместо нее вводились имеющие налоговый характер обязательные поставки основных видов сельхозпродукции. Таким образом, было осуществлено тотальное огосударствление аграрного строя страны.

³⁶ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 131–134.

Коррективы подверглись и взгляды на перспективы совхозного сектора аграрной экономики. Положение дел в совхозах, которые были призваны демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, складывалось не лучше, чем в колхозах. В них также не соблюдались элементарные агротехнические и зоотехнические правила, относительно низкими были урожайность и продуктивность животных. В то же время себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство было вынуждено тратить значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. Особенно неприятным сюрпризом для сталинского руководства стало невыполнение в 1930–1932 гг. подавляющим большинством совхозов СССР данных им планов хлебозаготовок. В материалах созданной в 1931 г. по инициативе Сталина специальной комиссии по проверке хозяйственной деятельности совхозов констатировалось, что они «фактически повисли на шее у государства»³⁷. В связи с этим программа расширения совхозного сектора сельской экономики была свернута. Создание новых хозяйств практически прекратилось. Часть совхозных угодий была передана колхозам.

После массового голода 1931–1933 гг., чтобы не допустить его повторения, руководители государства приняли решение укрепить ЛПХ. Местные власти обязывались ликвидировать их «бескоровность», оказав колхозникам помощь в приобретении и выращивании молодняка. Колхозам в свою очередь следовало организовать продажу скота своим членам. В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартели, в котором предусматривались более высокие предельные нормы личного хозяйства, чем в старом³⁸.

³⁷ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки ... С. 36.

³⁸ См.: Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 481, 542.

Провал сформулированной в конце 1920-х гг. программы социалистической модернизации сельского хозяйства официально признан не был. Более того, в официальных документах, а затем и в советской историографии был сделан вывод о том, что коллективизация в СССР прошла в соответствии с основными принципами «ленинского кооперативного плана». Незначительные же отступления от него на первых этапах колхозного строительства, виновниками которых являлись левые и правые оппортунисты, были исправлены. В постсоветской историографии тождественных взглядов на позицию И.В. Сталина по вопросу перспектив коллективизации придерживаются приверженцы теорий модернизации и тоталитаризма. Адепты тоталитаризма абсолютно уверены в том, что тиран изначально сделал ставку на построение «агроулага». Сторонники концепции модернизации считают, что Сталин ясно осознавал необходимость создания колхозного строя как инструмента внеэкономической перекачки ресурсов из аграрной сферы в индустриальную. Иного выбора ни у вождя, ни у страны не было. Принципиальные отличия двух вышеперечисленных позиций заключается в формулировке конечных целей Сталина: завоевание мирового господства или сохранение суверенитета страны в условиях враждебного окружения.

Следует отметить, что некоторые из высокопоставленных представителей большевистской политической элиты 1930-х гг. воспринимали сформировавшийся в ходе форсированной коллективизации аграрный строй как вынужденное временное отступление от идеальной социалистической модели. Таковым был Н.С. Хрущев (см. ниже). И.В. Сталин, напротив, по нашему мнению, воспринимал сформировавшийся в ходе массовой коллективизации аграрный строй как утвердившийся «всерьез и надолго», поскольку, по его мнению, применительно к российским условиям он оптимально отвечал решению стоящих перед страной геостратегических задач.

Колхозная система, ставшая неотъемлемой составной частью мобилизационной экономики, выполнила поставленные перед ней задачи

тотальной перекачки ресурсов деревни для проведения сверхиндустриализации в 1930-е гг., победы в Великой Отечественной войне, сохранения военно-стратегического паритета США в послевоенные годы, но в то же время в силу неэффективности принудительного труда отличалась низким уровнем развития производительных сил.

В начале 1950-х гг. кризисные явления в сельском хозяйстве начали нарастать. Объем производства и заготовок не обеспечивал потребностей страны. Зерновая проблема в СССР так и не была решена. Урожайность хлебов оставалась низкой и неустойчивой. В стране возник дефицит хлебопродуктов³⁹. Кризис животноводства был еще более глубоким. В связи с этим все большему числу представителей партийно-государственной элиты становилось ясно, что дальнейшее развитие отрасли на старых принципах невозможно.

С целью улучшения ситуации в сельском хозяйстве в начале 1950-х гг. был сформулирован ряд предложений по реформированию организационной структуры и механизма его функционирования. Некоторые представители партийно-государственной элиты считали, что поступательное развитие колхозов сдерживают их относительно небольшие размеры, которые препятствуют эффективному использованию техники и наращиванию общественного производства. В полной мере раскрыть потенциальные возможности колхозного строя, по мнению сторонников данной точки зрения, возможно лишь на путях укрупнения хозяйств. Наиболее активным проводником данной идеи являлся Н.С. Хрущев, занимавший должность первого секретаря Московского областного комитета КПСС. В январе 1950 г. пленум обкома принял решение начать в области «объединение мелких колхозов в более крупные и мощные колхозы». В марте 1950 г. в Министерстве сельского хозяйства СССР была подготовлена «Записка о необходимости объединения чрезмерно мелких колхозов», а 30 мая ЦК

³⁹ Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 137–138.

ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле»⁴⁰.

Летом 1950 г. началась кампания по укрупнению колхозов. После ее завершения в основных сельскохозяйственных регионах СССР Н.С. Хрущев предложил вернуться к воплощению идеи агрогородов⁴¹. Он был убежден в том, что урбанизация села является единственно возможным проявлением закономерности преодоления противоположности между городом и деревней. Однако продвижение к данной цели затрудняло «наличие мелких колхозов», не располагавших достаточными силами и средствами для строительства современных объектов соцкультбыта и благоустроенного жилья. Укрупнение колхозов создало для этого благоприятные условия для развертывания строительства и благоустройства. Обязательным условием для этого «является сселение мелких деревень, строительство новых колхозных сел и поселков».

Наиболее массовым объектом строительства на селе должны были стать жилые дома колхозников. При этом Н.С. Хрущев ставил под сомнение точку зрения тех архитекторов, которые считали наиболее правильной застройку поселков индивидуальными жилыми домами. Он полагал, что в колхозных поселках нужно строить не только одноэтажные многоквартирные дома, но и одноэтажные двухквартирные и двухэтажные на две–четыре квартиры.

«При создании новых поселков, а также при перестройке старых деревень», по его мнению, «не следует нарезать при доме большого приусадебного участка, так как при этом село будет занимать большую площадь, увеличится длина электролиний, водопровода, а стало быть намного возрастет стоимость всего благоустройства». Оптимальным для индивидуального дома является небольшой приусадебный участок в 10–15 соток. «Этого вполне достаточно для того, чтобы построить жилой дом и необходимые хозяйственные помещения, разбить садик из 15–20 деревьев и иметь небольшой огород для выращивания овощей». Остальную часть

⁴⁰ Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950 М., 1978. С. 307–308.

⁴¹ Правда. 1951. 4 марта.

земельной площади для ведения личного хозяйства в пределах норм Устава сельхозартели надлежит отводить за пределами поселка – в специально выделенном массиве, прилегающем непосредственно к поселку. Особенностью новых поселков также должен был стать вынос за его пределы производственной зоны («хозяйственного двора артели»). «Перестроив свои села, колхозы тем самым свершат огромные культурные преобразования, сделают большой шаг вперед по пути к коммунизму».

В 1951 г. в рамках развернутой по инициативе И.В. Сталина экономической дискуссии научный сотрудник Института экономики РАН В.Г. Венжер и доцент МГУ А.В. Санина предложили передать технику МТС колхозам⁴². В 1952 г. с целью преодоления кризисных явлений в животноводстве была создана комиссия ЦК КПСС, в которую входили А.А. Андреев, Н.И. Игнатов, А.И. Микоян и Н.С. Хрущев. В конце года членами комиссии был согласован проект постановления «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах», предусматривавший существенное повышение заготовительных цен на продукты животноводства и ослабление тяжести налогового-податного обложения колхозов⁴³.

На рубеже 1940–1950-х гг. активно обсуждался вопрос о санации совхозного сектора аграрной экономики. Большинство совхозов были убыточными. Их отрицательная рентабельность определялась относительно высокими производственными издержками в сочетании с крайне низкими сдаточными ценами на произведенную сельхозпродукцию. Однако их убытки компенсировались государственными дотациями. Эксперты Министерства совхозов СССР предлагали повысить рентабельность производства путем существенного увеличения государственных цен на продукцию. В Министерстве финансов полагали, что основным методом снижения

⁴² *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 220–221.

⁴³ *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 52.

себестоимости должна стать минимизация производственных издержек за счет мобилизации внутренних резервов⁴⁴.

И.В. Сталин, руководивший страной в режиме «ручного управления», дал согласие только на укрупнение колхозов. Остальные предложения им были отвергнуты. Генсек подверг критике предложения В.Г. Венжера и А.В. Саниной по МТС⁴⁵ и Н.С. Хрущева – об агрогородах⁴⁶, отложил рассмотрение вопроса о стимулировании развития животноводства. В 1952 г. Сталин поставил вопрос о ликвидации убыточных совхозов и передаче их земель колхозам⁴⁷.

Более того, в начале 1953 г. И.В. Сталин предложил повысить налоги на колхозы и личные хозяйства сельских жителей на 40 млрд руб., поскольку «крестьяне живут богато»⁴⁸. Естественно, что данное утверждение абсолютно не соответствовало реальной действительности. В начале 1950-х гг. колхозники большинства регионов России владели нищенское существование, а в основных сельскохозяйственных районах Сибири в связи с чередой недородов вообще находились на грани голода. Попытки модернизации аграрного строя были предприняты лишь после его смерти.

⁴⁴ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 51.

⁴⁵ Сталин писал: «Что значит <...> требовать продажи МТС в собственность колхозам? Это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства. Отсюда вывод: предлагая продажу МТС в собственность колхозам, т.т. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории» (Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. С. 221).

⁴⁶ В составленном по инициативе Сталина закрытом письме ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов» от 2 апреля 1951 г. указывалось, что ошибка «некоторых» партийных и советских работников, включая Н.С. Хрущева, «состоит в том, что они забывают о главных, производственных задачах колхозов и выдвигают на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах, жилищного строительства в деревне». Критике также было подвергнуто предложение сократить размеры приусадебных участков в перестроенных поселках (Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 46).

⁴⁷ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева ... С. 51.

⁴⁸ Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева ... С.52.

С конца 1953 г. аграрную политику в стране стал определять Н.С. Хрущев, оттеснивший, а затем и устранивший своих политических соперников от власти. В современной историографии имя Хрущева, как правило, связывается с реализацией трех основных сверхпрограмм (проектов) развития сельского хозяйства страны: целинной, кукурузной и по подъему животноводства. Но указанные программы имели отраслевой, в целом внеидеологический характер и не приводили к изменению аграрных отношений. Масштабом действительной сверхпрограммы обладала проведенная под его руководством организационно-хозяйственная перестройка сельского хозяйства, которая в конечном итоге привела к формированию новой модели аграрного строя страны.

В своей деятельности по реформированию сельского хозяйства Н.С. Хрущев основывался на собственных убеждениях, которые были окончательно сформированы на рубеже 1920–1930 х гг. В это время он учился в Промышленной академии в Москве. Ее курс не предполагал детального изучения аграрной проблематики. Однако данная тема, будучи одной из центральных тем внутривнутрипартийного и экспертного дискурса, не осталась в стороне от внимания Хрущева. Существенное влияние на его теоретические представления оказала сформулированная в эти годы совхозно-колхозная модель социалистической реконструкции сельского хозяйства

Взгляды Н.С. Хрущева на пути решения аграрного вопроса, основанные на доктринальных постулатах марксизма и основных положениях совхозно-колхозной модели, сводились к следующим тезисам: 1) Крупное общественное хозяйство с мощной технической базой имеет преимущества над мелким. 2) Организационно-производственная структура социалистического сельского хозяйства должна состоять из предприятий двух типов – государственных хозяйств и базирующихся на кооперативной собственности колхозов. 3) Ведущая роль в социалистической реконструкции аграрной экономики принадлежит совхозам, которые, в отличие от колхозов, являются «последовательно-социалистическими» предприятиями. 4) После

построения социализма кооперативная собственность начнет сливаться с общенародной (государственной), а колхозы – фактически превращаться в совхозы. 5) Строительство социализма будет сопровождаться постепенным преодолением различий между городом и деревней, которое будет завершено в коммунистической перспективе.

Однако сформированный в процессе форсированной коллективизации аграрный строй радикально отличался от теоретических конструкций. Особенно сильное отторжение у Хрущева вызывали следующие его отличительные черты: а) абсолютное преобладание колхозной формы производства; б) небольшие размеры колхозов; в) лишение колхозов сложной сельскохозяйственной техники, сосредоточенной в МТС; г) натуральный характер отчуждения сельхозпродукции; д) значительные масштабы развития личного сектора сельской экономики. Устранение перечисленных «отступлений» от марксистско-ленинских принципов функционирования социалистического сельского хозяйства и составляло основное содержание сверхпрограммы Н.С. Хрущева по реформированию аграрного сектора экономики. Данная программа не была зафиксирована в каком-либо документе, а существовала лишь в виде концептуальных ориентаций реформатора, реализация которых имела ситуативный характер. Хрущеву противостояли приверженцы консервативного преобразования аграрного строя, выступавшие не за демонтаж, а за совершенствование сложившейся в стране в предыдущий период колхозной системы.

Созданию условий для реформирования организационно-производственной структуры сельского хозяйства, по мнению Н.С. Хрущева, должно было способствовать решение обострившейся в начале 1950-х гг. зерновой проблемы. С этой целью он предложил в сжатые сроки расширить посевные площади за счет массовой распашки целинных и залежных земель. Промежуточный успех кампании по освоению целины, а также разгром консервативной (антипартийной) группы позволили Хрущеву реализовать свои планы по реорганизации сельского хозяйства. Продолжилось начатое в

1950 г. укрупнение колхозов, были реорганизованы МТС, а их техника передавалась колхозам, отменялись натуральные подати, развернулась кампания по ограничению ЛПХ, был дан старт кампании по ликвидации «неперспективных» деревень. Следствием массовой совхозизации сельской экономики стало превращение колхозной модели функционирования сельского хозяйства в совхозно-колхозную.

На рубеже 1950–1960-х гг. Н.С. Хрущев, посчитав этап создания социалистической экономики завершенным, принял решение приступить к строительству коммунизма. Данный курс был закреплен в принятой в 1961 г. III программе КПСС, в которой была поставлена цель в течение двадцати лет создать материально-техническую базу коммунизма. В аграрной сфере ставились следующие задачи: превращение сельскохозяйственного труда «в разновидность промышленного»; сведение к минимуму зависимости сельского хозяйства «от природной стихии»; достижение «изобилия высококачественных продуктов питания для населения и сырья для промышленности»; экономическое «изживание» личного подсобного хозяйства; создание условий для «слияния колхозной собственности с общенародной в единую коммунистическую собственность»; ликвидация «в основном» различий между городом и деревней⁴⁹.

Соратники Н.С. Хрущева, устранив его в октябре 1964 г. от власти, отказались от немедленного построения коммунизма и подвергли критике его «волютаризм». «Необоснованной» была признана и кампания по ограничению личных подсобных хозяйств. Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС признал необходимым совершенствование экономических отношений государства и сельскохозяйственных предприятий.

В рамках реализации курса мартовского пленума один из лидеров группы советских экономистов – «рыночников» В.Г. Венжер разработал проект реформирования социалистического сельского хозяйства на базе его

⁴⁹ КПСС в резолюциях ... М., 1986. Т. 10. С. 128, 135–142.

перехода к рыночному механизму функционирования и регулирования. Венжер считал, что на данном этапе аграрного развития страны наиболее оптимальной организационно-производственной структурой сельхозпроизводства для внедрения рыночных начал являются колхозы, которые юридически базируются на кооперативной (групповой) собственности на средства производства. Следовало лишь освободить их от административного диктата со стороны государства. В связи с этим Венжер подверг критике массовую «совхозизацию» как проявление «недоверия к кооперативной форме хозяйства». Более того, ученый выдвинул тезис о «необязательности массового создания государственных форм сельскохозяйственных предприятий» в процессе социалистической реконструкции сельского хозяйства⁵⁰.

Кооперативная собственность, по мнению ученого, обуславливает два базовых принципа функционирования колхозной экономики: 1) полную самостоятельность колхозов-кооперативов в их производственной деятельности; 2) «эквивалентность в товарных отношениях с социалистической промышленностью». Самостоятельность производства подразумевает и полную самостоятельность планирования и реализации произведенной продукции. Из принципа эквивалентности вытекает положение о том, что все экономические связи колхозов с государством и другими контрагентами «осуществляются только на основе товарно-денежных отношений, посредством купли-продажи». Эквивалентность обмена может быть соблюдена только при условии, если и продавец, и покупатель обладают полной свободой отчуждения принадлежащих им товаров и денег. Если колхоз обязывается продавать что-то в порядке предписания сверху и по тем ценам, которые устанавливаются неэкономическим путем, то нарушаются основы товарного обращения, что, в

⁵⁰ Венжер В.Г. Особенности колхозной экономики и проблемы ее развития // Производство, накопление, потребление / Венжер В.Г., Кваша Я.Б., Ноткин А.И., Первушин С.П., Хейнман С.А. М., 1965. С. 261, 263.

свою очередь, неблагоприятно сказывается на колхозной экономике. Соблюдение же вышеуказанных принципов функционирования колхозной экономики позволит добиться ускоренного и устойчивого наращивания объемов производства⁵¹.

Однако данные принципы в реальной советской экономике не соблюдаются. В связи с этим требуется перестройка хозяйственного механизма, отказ от административных методов управления колхозами и переход к системе «воздействия на экономику колхозов посредством планомерного применения стоимостных рычагов и всемерного развития товарно-денежных отношений». При этом В.Г. Венжер полагал, что одномоментная замена одного хозяйственного механизма другим экономически рискованна, и в связи с этим предлагал меры переходного характера⁵².

Основным методом регулирования колхозной экономики в переходный период, который гарантировал бы получение государством необходимых объемов сельхозпродукции, Венжер считал производственную контрактацию, осуществляемую на основе стоимостных рычагов и взаимной выгоды. Контрактация каждого вида сельхозпродукции как метод его централизованных заготовок по государственным закупочным ценам должна была применяться только в районах соответствующей специализации. Вне этих районов данный сельхозпродукт мог быть реализован по усмотрению колхоза другим хозяйствам, кооперативным или государственным торгово-закупочным организациям, перерабатывающим предприятиям. Цены при этом устанавливались по соглашению сторон. По мере наращивания объемов аграрного производства и устранения хозяйственных диспропорций сфера

⁵¹ *Венжер В.Г.* Особенности колхозной экономики и проблемы ее развития // Производство, накопление, потребление / Венжер В.Г., Кваша Я.Б., Ноткин А.И., Первушин С.П., Хейнман С.А. М., 1965. С. 270–276.

⁵² *Венжер В.Г.* Особенности колхозной экономики и проблемы ее развития // Производство, накопление, потребление / Венжер В.Г., Кваша Я.Б., Ноткин А.И., Первушин С.П., Хейнман С.А. М., 1965. С. 278.

применения контрактации должна была сужаться, а рыночной реализации продукции – расширяться, в перспективе став единственной формой обмена. На рыночную форму реализации производимой продукции к этому времени должны были перейти и совхозы.

Параллельно с расширением сферы товарно-денежных отношений, с точки зрения В.Г. Венжера, должны были развиваться процессы межхозяйственной кооперации. Он полагал, что в функции создаваемых межколхозных объединений следует передать: а) организацию кооперативных предприятий по переработке сельхозпродукции; б) материально-техническое и иное снабжение колхозов; в) проведение операций по сбыту произведенной продукции. В итоге вместо административных органов управления колхозами «создавалась бы кооперативная система, действующая на общественных началах». В свою очередь, межколхозные производственно-сбытовые союзы («охватывающие полтора–два десятка и более колхозов в пределах одного района или, может быть, даже в более широких масштабах») могли в будущем объединяться со смежными совхозами и перерабатывающими предприятиями в агропромышленные комплексы и комбинаты⁵³.

Совершенствование производственных отношений, по мнению В.Г. Венжера, создавало надежную основу для развития материально-технической базы аграрного сектора экономики. При этом он был уверен в том, что «современное ведение сельского хозяйства возможно лишь как крупное машинное производство». На повестку дня ученый ставил вопрос о завершении индустриализации сельскохозяйственного труда и производства и превращении сельского хозяйства в «особую промышленную отрасль»⁵⁴.

Положительно оценивая процесс концентрации сельскохозяйственного производства, В.Г. Венжер полагал, что он будет сопровождаться концентрацией сельской поселенческой сети. По его мнению, сельское

⁵³ *Венжер В.Г.* Особенности колхозной экономики и проблемы ее развития // Производство, накопление, потребление / Венжер В.Г., Кваша Я.Б., Ноткин А.И., Первушин С.П., Хейнман С.А. М., 1965. С. 298–300.

⁵⁴ *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М., 1966. С. 291–292.

население следовало «сосредоточить» «в достаточно крупных населенных пунктах городского типа, насчитывающих 10–15 тыс. и более жителей». «Создание сельских благоустроенных поселков городского типа, располагающих всеми необходимыми учреждениями культуры, коммунального и бытового обслуживания» изменят представление о деревне «как о некоей совокупности мелких населенных пунктов с разбросанными неблагоустроенными или плохо благоустроенными жилищами, с недостаточной сетью культурных и лечебных учреждений»⁵⁵.

Анализировал В.Г. Венжер и перспективы развития ЛПХ сельских жителей. По его мнению, их существование «обусловлено недостаточностью развития общественного хозяйства колхозов, а вовсе не приверженностью колхозников к мелкому производству». По мере наращивания объемов общественного производства необходимость в ведении личного хозяйства будет постепенно уменьшаться, а в перспективе отпадет⁵⁶.

Анализ содержания проекта В.Г. Венжера позволяет сделать вывод о том, что он содержит в себе элементы разработанных на рубеже 1920–1930-х гг., но фактически не реализованных на практике моделей социалистической реконструкции сельского хозяйства. Общей была ставка на развитие крупного хозяйства, индустриализацию сельскохозяйственного труда и производства, создание агропромышленных объединений на базе колхозов и совхозов. Но существовали и принципиальные различия: предлагался рыночный, а не административный механизм регулирования аграрной экономики; локомотивами реорганизации сельского хозяйства выступали не совхозы, а колхозы. Проект Венжера также включал в себя ряд положений «ленинского кооперативного плана» (контрактация, объединение колхозов в производственно-сбытовые союзы). Следует отметить, что соединение В.Г. Венжером конструктов из различных концептуальных моделей в единое целое носило не эклектичный, а органичный характер, а его работы середины

⁵⁵ *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М., 1966. С.301-302.

⁵⁶ *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М., 1966. С. 47.

1960-х гг. с полным основанием можно назвать вершиной советской марксистско-ленинской теории социалистического развития сельского хозяйства.

Однако путь построения рыночной модели функционирования социалистического сельского хозяйства был отвергнут. Начатая после мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС экономическая реформа была свернута. Ставка была сделана на административную интенсификацию сельскохозяйственного производства. Преимущество «нового» курса аграрной политики с прежним, в частности, заключалась в продолжении начатой Хрущевым «совхозизации» сельского хозяйства.

В итоге в 1970-е гг. в СССР окончательно сформировалась постсталинская модель аграрного строя, которую можно определить, как совхозную. Характерными чертами ее становления и функционирования являлось укрупнение производственных структур, индустриализация сельскохозяйственного производства и труда. Организационно-производственной основой новой модели стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы. От совхозов они отличались лишь по формально-правовым признакам. Юридически основные и оборотные средства колхозов и произведенная продукция находились в коллективной (кооперативной) собственности их членов; на деле же неограниченным владельцем, пользователем и распорядителем, то есть собственником колхозного имущества, являлось государство. Основным стимулом труда в совхозах и колхозах стала заработная плата, размер которой постоянно увеличивался. В связи с этим роль ЛПХ в удовлетворении потребительских нужд сельских семей уменьшилась, и оно превратилось в подсобное. При этом личный сектор аграрной экономики был интегрирован с совхозно-колхозным производством.

Индустриализация аграрного производства, переход на оплату труда, не зависящую от его конечных результатов, привели к нарастающему отчуждению работников сельхозпредприятий от земли и других средств

производства и снижению эффективности сельского хозяйства. В громоздких и трудноуправляемых подразделениях колхозники и рабочие совхозов не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Нараставшее отчуждение от средств производства и результатов труда приводило к ослаблению трудовой, исполнительной и технологической дисциплины, нерациональному расходованию сырья, материалов, энергии. Широкое распространение получили негативные формы трудового поведения: прогулы и опоздания на работу, мелкие хищения кормов, запчастей, стройматериалов, готовой продукции, использование работниками общественной техники в личных целях и т.п.

Следствием низкой производительности сельскохозяйственного труда стало нарастание дефицита продовольствия в стране и возрождению карточной системы. Ускоренная нехваткой продуктов питания, радикализации общественного сознания в начале 1990-х гг. привела к отказу от социалистической модели функционирования сельского хозяйства.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2 2022 г

Автор А.Никулин

Страниц 23 Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. А.Никулин

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: nikulin@ranepa.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

Аграрник В.Г. Венжер в поисках реформирования СССР

*Александр Никулин, Московская высшая школа социальных и
экономических наук (г. Москва)*

Аннотация. В годовщину столетия образования СССР, безусловно, необходимо вспомнить имя и идеи одного из самых ярких советских экономистов аграрников, внесших огромный практический и теоретический вклад в попытки реформирования не только советского сельского хозяйства, но и в целом советского общества. Это Владимир

Григорьевич Венжер (1899–1990) - аграрник и экономист, прежде всего получивший широкую известность за свою переписку со Сталиным в начале 1950-х годов о возможностях некоторых реформ внутри колхозного строя СССР.

При этом недооценивается тот факт, что личность В.Г. Венжера все же оказывается гораздо шире и глубже его профессиональной ипостаси аграрника-экономиста. Венжер, безусловно, был также оригинальным и глубоким социальным мыслителем отчасти марксистского, отчасти народническо-кооперативного направления, неоднократно предлагавший советскому руководству и далее - вплоть до косыгинских и горбачевских реформ фактически ряд комплексных альтернативных реформаторских мер направленных на формирование устойчивого развития СССР на основе, прежде всего, необходимых аграрных преобразований.¹ Для доказательства и развития этого утверждения в этой статье исследуется нескольких ключевых фрагментов политэкономического и социально-философского наследия В.Г. Венжера 1960-1980-х годов – его письма в ЦК КПСС, а также некоторые его научные монографии, до сих пор не привлекавшие особого внимания исследователей.

Ключевые слова. СССР, Венжер В.Г., Сталин И.С., Горбачев М.С., Никонов А.А., колхозы, кооперативы, аграрные реформы, альтернативы общественного развития

Сама долгая и чрезвычайно насыщенная общественно-политическими событиями XX века жизнь В.Г. Венжера должна будет стать, в конце концов, темой специального научного исследования. Владимир Венжер родился в Севастополе. Окончил гимназию в Крыму и поступил учиться на физико-математическое отделение Московского университета, где его и застала Русская революция. В ней он принял самое активное участие воевав на фронтах гражданской войны, неоднократно являясь очевидцем фронтовых митингов с выступлениями Троцкого. Венжер чудом выжил среди умирающих солдат тифозного барака и лишился брата – врангелевского офицера, расстрелянного во время красного террора в Крыму.

¹ На наш взгляд первая и весьма удачная попытка осмыслить экономиста-аграрника Венжера как мыслителя-теоретика, соединяющего в своем творчестве марксистские и народнические идеи, была осуществлена в работе: *Войков М., Кузнецова Т., Никифоров Л.* В. Г. Венжер – теоретик русского кооперативного социализма // *Альтернативы.* 1999. № 1. С. 178–188.

После демобилизации в 1921 году он пятнадцать лет находился на партийно-хозяйственной работе. Участвовал в проведении земельно-водных реформ в Средней Азии 1920-х годов, за что был награжден орденом Трудового красного знамени Хорезмской ССР. По окончании Института красной профессуры в 1933 Венжер год работал начальником политотдела Красавинской МТС Нижне-Волжского края, где в первый же день своего вступления в должность выпустил из-под ареста местных мужиков, обвиненных, как тогда было принято, в антисоветском саботаже. А затем еще три года он руководил зерновым совхозом в Урипинском районе Сталинградской области. В 1939 году В.Г. Венжер перешел на научную работу в Москву в Институт Экономики СССР, где проработал до конца жизни, защитив там кандидатскую и докторскую диссертации, опубликовав ряд монографий по проблемам советской аграрной экономики, некоторые из его работ были переведены и напечатаны в Чехословакии и Болгарии в 1950-е годы.²

Судьба В.Г. Венжера, несмотря на всего его партийные и научные заслуги никогда не была безоблачной, ему чудом удалось избежать сталинских репрессий, он неоднократно попадал под огонь критики и политическую опалу во времена Хрущева и Брежнева за свои системные предложения по предоставлении широких кооперативных и демократических прав колхозам, расширению товарно-денежных отношений в СССР. Для коллег по Институту Экономики АН СССР В.Г. Венжер являлся олицетворением человеческой совести. В беседе с автором этой статьи д.э.н., профессор ИЭ РАН М.И. Воейков как-то рассказал, что на его вопрос Венжеру: как же ему удалось не просто выжить, а еще и не поступаться своими убеждениями? Тот ответил: «Очень просто. На всех собраниях я старался четко сформулировать мое личное мнение и требовал занести его в протокол».

² Подробности интеллектуальной биографии В.Г. Венжера см. в очерке *Фигуровская Н.К.* К столетию со дня рождения В.Г. Венжера // Кооперация. Страницы истории. Вып. 15. М., 2010.

А еще Венжер был прекрасный педагог и оратор. Его называли своим учителем такие замечательные ученые-экономисты как Т.И. Заславская, Л. В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова, А. М. Емельянов, Р.К. Иванова.³ Венжер десятилетиям и даже уже находясь в достаточно преклонном возрасте бывая в различных научных командировках академических и сельских умел своими выступлениями вызвать живейший отклик различных сообществ и аудиторий. Сохранились многократные свидетельства того, как после венжеровских выступлений на колхозных собраниях, колхозники обращались с просьбами к начальству: «Снова хотим Венжера, привезите нам Венжера опять послушать!».⁴ А когда в 1950-е годы Венжер достаточно часто выступал со своими докладами на Кропоткинской в Доме ученых Академии наук, то все его выступления старался не пропустить сам профессор Челинцев – легендарный патриарх школы Чаянова.⁵

Наконец, напрямую процитируем одно из свидетельств значения обаяние оратора Венжера: «В середине 1980-х годов в Новосибирск к Татьяне Ивановне (Заславской А.Н.) приехал один из ее учителей – «товарищ Венжер В.Г.». Приехал не только навестить свою ученицу, но и поддержать ее в те нелегкие годы, когда, с одной стороны, продолжались ничем не обоснованные обструкции и осуждение ученых за «судьбы советской деревни», а с другой – нарастала потребность в активизации исследований по проблемам и села и социально-экономических процессов в обществе в целом. Этот худощавый, подтянутый и не по годам энергичный человек (он тогда уже был на середине девятого десятка лет) нашел возможность поделиться с общественностью Академгородка мыслями о перестройке, судьбах села и нашего общества. Автору этих строк посчастливилось быть на этой встрече (увы, я ничего о нем

³ См. например: *Заславская Т.И.* Главный учитель / Избранные произведения. Т.3. «Моя жизнь: воспоминания и размышления». М., 2007.

⁴ Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель. Под редакцией Т.Е. Кузнецова, Л.В. Никифорова. М., 2015. С.33.

⁵ Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель. Под редакцией Т.Е. Кузнецова, Л.В. Никифорова. М., 2015. С.36,

не знал и пошел только потому, что старшие коллеги по институту сказали: «Это тот самый Венжер, которому написал письмо Сталин».)»⁶

Венжер был не только искусным оратором, но чрезвычайно талантливым и оригинальным мастером своеобразного эпистолярного аналитического жанра в науке и политике. Именно в своих многочисленных письмах прежде всего к вождям СССР, Венжер оставил уникальное интеллектуальное наследие, посвященное глубокому переосмыслению советского опыта, и не только аграрного.

Письма Венжера во власть: от Сталина до Горбачева

Да, В.Г. Венжер столь ярко запечатлелся в истории политической жизни СССР во многом благодаря ответу Сталина на письмо товарищам Венжеру и Саниной.⁷ При этом как-то забывается, что Венжер писал еще и еще письма и в адрес Сталина, и в адрес других руководителей СССР с разнообразными предложениями по улучшению стратегии и тактики советского социально-экономического развития. Рекомендации Венжера касались не только аграрной сферы, но также в целом социальной и научной политики в СССР.

Некоторые ученые и при жизни Венжера и после его смерти, признавая мужество и гражданскую позицию автора писем, тем не менее, высказывали скептицизм по отношению к такому, с их точки зрения, старомодно-наивному способу общения ученого с властью.⁸

⁶ *Крюков В.* Спасибо "Товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г." // ЭКО. Всероссийский экономический журнал [Т. 4 № 5 \(2014\)](#) С. 2–4.

⁷ Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г. / Слово товарищу Сталину. Составитель Р. Косолапов. М., 2002. С. 292–301.

⁸ Объективно взвешенную оценку такому эпистолярному стилю общения В.Г. Венжера с властью дает Т.Е. Кузнецова. На основе своих личных воспоминаний о В.Г. Венжере она отмечает: «Одним из проявлений активной гражданской позиции Венжера в годы запретов на его публикации было написание им писем в высшие партийные инстанции. Начиная с писем Сталину, он затем направил около 150-ти писем по разным вопросам нашей экономической и социальной жизни в ЦК КПСС. Когда ученики и друзья спрашивали, зачем он туда пишет, мол, это же все пустое и все равно путного ничего не получится, он отвечал: «Конечно, едва ли что-либо изменится. Но, чтобы не случилось в стране, партийные архивы сохраняются, и наши потомки будут знать, что были люди, которые хотели добра своей стране и народу, и не принимали весь этот псевдосоциализм с

Действительно, эпистолярный стиль политического общения уходит в давние времена. Тем не менее, по крайней мере, в истории российской политической традиции эпистолярный жанр мыслителей-политиков порой играл судьбоносную роль в политической жизни страны. Достаточно вспомнить переписку Грозного с Курбским, письма Посошкова к Петру I, письма Ломоносова к императрицам Елизавете и Екатерине II, письма декабриста Лунина к столичному светскому обществу с байкальской каторги, в которых он упоминал, что у него на каторге остался один единственный зуб, да и тот против правительства. Можно, конечно, вспомнить и знаменитый обмен письмами Гоголя и Белинского, политические письма Герцена и социально-политические письма из деревни Н. Энгельгарта, переписку Л. Толстого и П. Столыпина о первой русской революции. Наконец, в центре главной интриги советской истории XX века мы обнаруживаем письмо-завещание Ленина к партии, о его возможных преемниках. И, конечно, все эти знаменитые образцы эпистолярной политической переписки властителей дум и душ России покоятся на фундаменте столь распространенной в истории нашего отечества, и царской, и советской, народной традиции писем во власть, которая, пожалуй, лучше всего была запечатлена в вопле лесковского Левши: «Передайте царю, чтобы ружья кирпичом не чистили», - послания, по лесковской легенде, так и не дошедшего до государя, а если бы оно вовремя дошло, то «исход в войне с англичанами совсем иной бы был».⁹

Кстати, об англичанах. Относительно недавно английский социолог Т. Шанин в своей программной статье, посвященной методологии исследовательской работы ученых-обществоведов высказал определенно ироничное отношение к российской привычке ученых писать письма во власть в попытках наладить продуктивный диалог со своим правительством, заявив буквально следующее: «Важной особенностью российского общества

его мимикрией и лженаукой» см. Кузнецова Т.Е. Владимир Григорьевич Венжер: ученый и его время (К 115-летию со дня рождения) // Вопросы экономики. 2014. № 5. С.137.

⁹ Лесков Н. Левша. — «Янтарный сказ», 2002 г. С.57

является выработанная веками бюрократического правления и десятилетиями государственного планирования внутренняя потребность самих ученых найти обязательный государственный адрес для своих исследований... Выступает здесь как основная цель науки – стремление написать и передать кому-то, куда-то, будь то в правительство, аппарат ЦК или канцелярию государя-императора, свои мысли, наработки и мечты (чтобы они, хотя бы, пылились в архивах верховной власти)».¹⁰

На наш взгляд, здесь почтенный профессор Шанин несколько противоречил самому себе, ибо почти 40 лет назад в опубликованной под его редакцией книге «Поздний Маркс и русский путь» он сам посвятил целую статью детально почтительному разбору переписки молодой русской революционерки Веры Засулич к величественному вождю Интернационала - Карлу Марксу, отмечая насколько важной для эволюции политических мыслей и действий в России и мире оказалась эта переписка и могла бы оказаться еще в большей степени судьбоносной, если бы часть вариантов ответа Маркса Вере Засулич не пролежали столь долго в архивах.¹¹

Итак, оказывается, что опыты эпистолярного общения интеллектуалов и власти отнюдь не бесполезны. Более того, в нашу эру интернета с его общественными и политическими сайтами жанр политических посланий во власть даже получает новое «второе» дыхание. Мы не сомневаемся, если бы В.Г. Венжер дожил до эры интернет-коммуникаций, он непременно отправил свои аналитические послания о перспективах развития России и мира на сайт Президента Российской Федерации.

К сожалению, насколько нам известно, достаточно многочисленные письма Венжера во власть опубликованы лишь в нескольких образцах.¹²

¹⁰ Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село / Рефлексивное крестьяноведение. М. 2002. С.15

¹¹ *Shanin T. Late Marx and the Russian Road: Marx and the Peripheries of Capitalism.* Routledge, 1983.

¹² Например, приводим здесь сведения о переписке Венжера с властью в период Перестройки:

Венжер В.Г. Письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС т. Горбачеву / Кооперация. Страницы истории. Под ред. Н.К. Фигуровской. М. 1993. С. 224–234.

Конечно, самой известной является переписка Владимира Венжера и Александры Саниной с Иосифом Сталиным. Гораздо менее известны и меньше привлекали к себе внимание другие письма Венжера к другим адресатам, может быть, и потому, что эти высокопоставленные адресаты в отличие от И.В. Сталина не удостоивали профессора Венжера своими персональными ответами. Например, по крайней мере, известно о трех письмах В.Г. Венжера к М.С. Горбачеву. Но нет сведений об ответе или ответах М.С. Горбачева В.Г. Венжеру.

На этой последней странице эпистолярной хроники – письма Венжера к Горбачеву периода перестройки нам следует остановиться подробнее. Два письма Венжера к Горбачеву уже опубликованы в научной печати, оба они относятся к 1989 году. Одно из писем посвящено анализу процессов перестройки в СССР и предложениям по развитию стратегии советского социально-экономического развития на основе глубокого реформирования социалистического земледелия. Другое письмо посвящено обоснованию необходимости создания специализированного аграрного института в системе Академии Наук СССР. На это письмо В.Г. Венжер получил ответ от президента ВАСХНИЛ А.А. Никонова, написавшего свой ответ по поручению М.С. Горбачева. В.Г. Венжер написал новые письма как А.А. Никонову, так и М.С. Горбачеву.¹³ Были ли написаны ответы их обоим, или кем-то из них уже на это новое письмо Венжера – нам неизвестно.

Обратимся к анализу обширного письма В.Г. Венжера М.С. Горбачеву о стратегии аграрных реформ в период перестройки. Данное письмо состоит из четырех разделов: 1. Предварительные замечания; 2. Зерновая проблема; 3. Восстановление полной кооперативности в социалистическом земледелии – залог успеха; 4. Об урожайности зерновых культур.

Венжер В.Г. Переписка / Реформирование аграрных отношений. М., 2002. С. 252–267.

¹³ *Венжер В.Г.* Переписка / Реформирование аграрных отношений. М.: 2002. С. 252–267.

В первом разделе кратко проанализировав политику Ленина времен НЭПа, базировавшуюся на «устойчивом крестьянине как центральной фигуре нашего подъема»¹⁴ В.Г. Венжер, таким образом, определяет, что есть перестройка, и какова ее решающая социальная задача: «Перестройка означает существенный поворот в целях общественного производства. От развития производства ради производства к производству, прежде всего, ради человека. Следовательно, перенос центра на решение социальных задач. А какая социальная задача для нас сейчас самая решающая, самая главная, самая настоящая и существенная?

Подъем земледелия! Опять надо начинать с этого уязвимого места нашей экономики». ¹⁵

Подъем земледелия по Венжеру должен проявиться, прежде всего, в решении зерновой проблемы. Венжер подчеркивает, что в целом СССР не голодает, но пищевой рацион его граждан часто скуден и не сбалансирован. По подсчетам Венжера, чтобы обеспечить сбалансированный или квалифицированный рацион зерна в СССР необходимо производить не менее 1 тонны зерна на душу населения (из них примерно 700 кг на корм скота и птицы, 300 кг – на человеческое питание).

Венжер полагает, что в ближайшей перспективе при позитивном развитии советского сельского хозяйства, возможно, было бы поднять урожайность зерновых до 30 центнеров с гектара. Итак, если площадь зерновых в СССР будет доведена до 120 млн. га, а валовый сбор зерна составит 360 млн. тонн, тогда примерно 280 млн. тонн уйдет на сбалансированное (или как пишет Венжер, «квалифицированное» питание советского населения), а

¹⁴ *Венжер В.Г.* Письмо генеральному секретарю ЦК КПСС т. Горбачеву М.С. / Кооперация. Страницы истории. Третий выпуск. Отв. редактор д. э. н. Фигуровская Н.К., М.: 1993. С. 224.

¹⁵ *Венжер В.Г.* Письмо генеральному секретарю ЦК КПСС т. Горбачеву М.С. / Кооперация. Страницы истории. Третий выпуск. Отв. редактор д. э. н. Фигуровская Н.К., М.: 1993. С. 225.

оставшиеся 80 млн. тонн зерна возможно вывозить на экспорт.¹⁶ В таком случае, на что же могли бы пойти значительные валютные поступления от продажи хлеба, по Венжеру? - Во-первых, на создание конвертируемого рубля, а, во-вторых: «Это позволит нам снять запреты на свободное передвижение граждан нашей страны за рубеж.

Из указанного валютного фонда мы будем в состоянии конвертировать наши рубли и обеспечивать любому желающему совершать временные поездки за рубеж на время отпуска или по другим причинам в свободное от работы время.

Необходимое при этом регулирование вполне может быть обеспечено путем порядка выдачи заграничных паспортов (в интересах соблюдения государственной тайны и в других случаях). Наибольшая гарантия возвращения – высокий жизненный уровень у нас (особенно по продовольственному обеспечению) и дальнейшее развитие социалистической демократии.

Таким образом, можно будет сразу решить две указанные социальные задачи».¹⁷

Итак, мы видим, что пресловутый подъем земледелия, по Венжеру, в конце концов, не самоцель, но средство к действительно достойной и свободной жизни граждан СССР среди всех стран и народов Земли.

Правда, далее, как всегда трезвомыслящий Венжер, между прочим, оговаривается: хорошо сказать урожайность – 30 ц с га, а в советской то реальности урожайность составляет менее 20 ц с га. Причины этого Венжер видит в том, что в СССР игнорируются интересы самого земледельца. Например, Госагропром, как идея комплексного аграрного производства -

¹⁶ *Венжер В.Г.* Письмо генеральному секретарю ЦК КПСС т. Горбачеву М.С. / Кооперация. Страницы истории. Третий выпуск. Отв. редактор д. э. н. Фигуровская Н.К., М.: 1993. С.226.

¹⁷ *Венжер В.Г.* Письмо генеральному секретарю ЦК КПСС т. Горбачеву М.С. / Кооперация. Страницы истории. Третий выпуск. Отв. редактор д. э. н. Фигуровская Н.К., М.: 1993. С. 227.

впечатляюща, но без учета политэкономической сущности земледелия эта идея не дает желаемого результата.

Апеллируя к Ленину времен НЭПа, Венжер предлагает вернуться к направлению последовательного кооперирования советского сельского хозяйства. На этом пути он предлагает перевести государственные аграрные предприятия - совхозы в статус предприятий кооперативных – в колхозы. При этом предоставить сельскохозяйственным предприятиям полную кооперативную самостоятельность в целостных районных масштабах. Вместо государственных РАПО (районные аграрно-промышленные объединения) создать колхозно-кооперативные аграрно-промышленные объединения – КАПО. По Венжеру: «Это был бы единый в масштабе целого района кооператив, объединяющий в одно целое: а) колхозы (включая преобразованные совхозы); б) районный кооператив по первичной переработке сельскохозяйственной продукции; в) районный кооператив по ремонту техники и ее замены новыми техническими средствами по договорам с колхозами и с соответствующими ведомствами; г) районный кооператив по сбыту колхозной и кооперативной продукции; д) районный кооператив по торговле (имеется в виду возможность интегрирования в одной системе потребительской кооперации); е) районный строительный кооператив. Словом, единый кооператив целого района на основе полного самоуправления». ¹⁸

Именно через всестороннее кооперирование Венжер мыслит полную реализацию личных интересов граждан при социализме, при этом подчеркивает Венжер: «В земледелии в осуществлении личного интереса есть свои сокровенные особенности, своя специфика». ¹⁹ Для познания этой специфики полагал Венжер и существует аграрная наука, как наука междисциплинарная в центре которой, тем не менее, находятся именно политико-экономические вопросы аграрного знания. И проблеме создания

¹⁸ Венжер В.Г. Переписка / Реформирование аграрных отношений. М., 2002. С. 231.

¹⁹ Венжер В.Г. Переписка / Реформирование аграрных отношений. М., 2002. С. 233.

ведущего, головного института аграрного знания СССР были посвящены послания В.Г. Венжера в адрес М.С. Горбачева и А.А. Никонова.

Венжер на протяжении десятилетий отстаивал идею создания в СССР Аграрного института при Академии Наук. Он подчеркивал, что на заре советской власти в 1920-е годы и первой половине 1930-х годов действовало даже несколько аграрных научно-исследовательских учреждений, занимавшихся именно вопросами стратегического советского и международного аграрного развития²⁰. В 1930-е годы они один за другим были закрыты, а аграрное знание было «расташено» по отраслевым сельскохозяйственным специальностям. В письмах Горбачеву и Никонову Венжер формулировал предложения по возрождению института комплексных аграрных исследований, занимающегося исследованием таких фундаментальных проблем как: земля - решающий фактор производства; земельная рента; состояние земельных угодий; мелиорация земель и использование водных ресурсов; культура земледелия, его специализация.

В 1990 г. Аграрный институт, наконец, был создан, его возглавил академик А.А. Никонов. Безусловно, письменные предложения Венжера Горбачеву-Никонову внесли свою лепту в создание этого института. Впрочем, Аграрный Институт был организован не в системе АН СССР, как предлагал В.Г. Венжер, но на базе ВАСХНИЛа, а значит, вольно или не вольно, в новом научно-исследовательском учреждении по-прежнему проступал отраслевой исследовательский подход в ущерб подходу фундаментально междисциплинарно научному. К тому же переосмысливать стратегию

²⁰ В 1920–1930-е годы политэкономические проблемы развития СССР на основе его аграрной трансформации разрабатывали, например, такие сильные исследовательские организации как НИИСХЭ – Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики, Международный аграрный институт, Научно-исследовательский колхозный институт, Всесоюзный институт экономики сельского хозяйства. Все эти институты последовательно прекратили свое существование к концу 1930-х годов. К этому же времени прекращаются собственно стратегические политэкономические аграрные исследования в СССР.

социалистического аграрного развития новый институт, накануне распада СССР кажется, даже и не пытался.²¹

Вновь и вновь обращаясь к письмам Венжера во власть, убеждаешься не только своевременности и дельности многих его аграрных политико-экономических предложений, но и в удивительном чутье автора на определенный дух времени, взывающий к поискам гуманистических направлений социально-экономического развития не только аграрной сферы СССР, но ноосферы планеты Земля, о чем, впрочем, в еще большей степени, чем письма, свидетельствуют монографии В.Г. Венежера.

Здесь нам следует, прежде всего, остановиться на двух книгах Венжера, где многие его мысли оказались высказанными достаточно откровенно и полно, именно благодаря самому духу свободы поиска научной истины, прорывавшемуся в годы публикации этих книг.

Первая из книг - «Колхозный строй на современном этапе» - была опубликована в 1966 году, хотя и на излете оттепели, но все же на старте косыгинской реформы, когда казалось, что у советского и мирового социализма есть силы и способности для своего радикального обновления и фундаментального совершенствования социально-экономического развития.

Вторая книга «Как было, как могло быть, как стало и как должно стать» вышла в свет 25 лет спустя в разгар Перестройки в 1990 году - времени еще остающихся надежд и уже подступающего отчаяния последних попыток реформирования советского социализма.

Середина 1960-х годов: крестьянство и кооперация в СССР и за рубежом

Книга Венжера «Колхозный строй на современном этапе», как и следует из ее названия, в целом посвящена развитию и совершенствованию колхозов

²¹ Любопытный анализ настроений и исканий аграрников ученых и политиков времен перестройки, в том числе и круга А.А. Никонова см. в статье: *Данилов В.П.* Из истории «перестройки»: переживания шестидесятника-крестьяноведа // Отечественные записки. 2004. № 1. С.130–140.

в экономике СССР, но каким удивительно глубоким и оригинальным, далеко выходящим за рамки заявленной темы, является предисловие к этой книге.

Предисловие к книге, а значит, и вся книга открывается следующим постулатом автора: «Решение крестьянского вопроса — одна из важнейших социологических проблем современности».²²

О каком крестьянском вопросе в стране, по крайней мере, давно победившего социализма, а значит и давно кооперированного крестьянства может идти речь? Как можно говорить о важнейшей *социологической* проблеме современности в стране, где само слово «социология» было «реабилитировано» совсем недавно и где реальные социологические исследования едва только начинаются?²³

Оказывается, в своем предисловии Венжер ставит крестьянско-кооперативные вопросы не столько в советском, сколько в мировом масштабе. Его предисловие в значительной степени посвящено именно проблематике мировой экономики международных социальных отношений. Венжер пишет о только что рухнувшей системе колониализма, на обломках которой образовались десятки новых независимых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Теперь кроме стран капитализма и социализма большая часть человечества живет именно в этих странах. А подавляющая часть населения именно этих стран – крестьяне. Впрочем, и в социалистических и капиталистических странах 1960-х годов доля сельского, а значит и крестьянского населения также достаточно высока. В общем, в 1960-е годы более 50% населения на земле – это крестьяне, и их процент подавляющ именно в постколониальных странах. Куда будет двигаться, как будет развиваться этот по преимуществу крестьянский мир человечества? – вот основной социологический вопрос современности по Венжеру!

²² Венжер В.Г. Колхозный строй на современном этапе. М., 1966. С.5.

²³ Одно из первых широкомасштабных социологических исследований проблем сельско-городской миграции в это время в Новосибирске организует замечательный ученик В.Г. Венжера Т.И. Заславская.

И далее, говорит Венжер, соревнование между странами социализма и капитализма, безусловно, проходит и будет проходить в пространствах недавно обретших политическую самостоятельность молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки, - стран преимущественно крестьянских по своей социальной структуре. За кем и куда двинется крестьянство этих стран, кто и какие может предложить для всемирного крестьянства достойные перспективы развития?

Венжер подчеркивает, что перед крестьянством бывших колоний стоят тяжелейшие проблемы: во многом архаичные еще феодальные структуры повседневного существования, низкий уровень производительности труда, всеобщая бедность и малограмотность, аграрное перенаселение, сплошь и рядом нехватка капитала для устойчивого развития крестьянской экономики. В общем, как говорили в знаменитом советском фильме «Чапаев»: куда крестьянину податься?

Именно в таких условиях полагает Венжер всемирному крестьянству необходимо делать ставку на развитие сельскохозяйственной кооперации. Ведь по своей социально-классовой структуре 1920-х годов СССР очень напоминал многие постколониальные страны 1960-х годов. А потому полагал Венжер ленинская политика НЭПа с ее поддержкой устойчивости кооперированного крестьянства имеет по-прежнему всемирно-историческое значение. При этом Венжер, конечно, подчеркивал, что кооперативное движение крестьянства имело, и будет иметь огромное разнообразие культурно-национальных и социально-экономических особенностей, что необходимо учитывать при проведении политики преобразований в сельских регионах мира.

С высоты сегодняшнего дня приходится удивляться прозорливости всемирного социально-философского и социально-политического анализа Венжера. Вряд ли Венжер был знаком с пионерскими работами в то время только формировавшегося на Западе интеллектуального направления социологии и экономики развивающихся стран – «Development studies».

Ведь в своем предисловии Венжер фактически одновременно с исследованиями Р. Арона, Э. Хобсбаума, Б. Мура, Э. Вольфа, Т. Шанина формулирует парадигму стран первого, второго и третьего мира, парадоксы экономик развитых стран богатого севера и развивающихся стран бедного юга, а, главное, пишет об огромном экономическом и политическом потенциале крестьянства, который предлагает использовать на путях кооперативного развития.²⁴ Таким образом, и советский колхозный строй в современной ситуации 1960-х годов являлся отнюдь не отсталой и изживающей свой век формой организации труда (как об этом любили писать многие ортодоксальные советские догматики – оппоненты Венжера), но, наоборот, лабораторией новейших социально-экономических перспектив всемирного сельского развития.

На наш взгляд последующие десятилетия международного сельского развития в целом подтвердили правоту прогнозов В.Г. Венжера о значении кооперации для устойчивого роста экономик крестьянских (и не только крестьянских) стран.

В 1960-е годы многие надежды связывались с успехами, так называемой зеленой революции, основанной на применении современных аграрных технологий. С другой стороны, посмотрите: зеленая революция развивалась и до сих пор развивается далеко неравномерно. Ее аграрно-технологические инновации приживались и давали свои устойчивые плоды по преимуществу в тех развивающихся странах, где проявились, безусловно, и успехи кооперативного крестьянского движения от Мексики до Индии.²⁵ Наоборот, как показал опыт прошедших десятилетий, без серьезного социального воздействия кооперации все технологические усилия зеленой революции

²⁴ Все тот же Т. Шанин в своей монографии: "Defining Peasants". Blackwells, 1990, - во многом подвел аналитические итоги концепциям развивающихся обществ, в центре которых находились судьбы крестьянства 1960-1980-х годов. Венжер не читал Шанина, а Шанин по-видимому не читал венжеровскую книгу «Колхозный строй на современном этапе», но в основах крестьяноведческого анализа обоих авторов, безусловно, возможно обнаружить много общего и даже родственного.

²⁵ *Норман Э. Борлоуг* «Зеленая революция»: вчера, сегодня и завтра // Экология и жизнь. 2000. № 4.

оказывались тщетными. Эта истина оказалась верной и для стран социалистического лагеря. В 1980-е годы наиболее впечатляющие успехи сельского развития были достигнуты такими непохожими друг на друга странами как Венгрия и Китай.²⁶ Но в основе их успеха лежало общее новаторское стремление развивать рыночные основы широкомасштабного крестьянского кооперирования.

Увы, в очередной раз мы убеждаемся, что нет пророка в своем отечестве, последующие главы книги Венжера, обосновывавшие направления рыночно-кооперативного развития советского колхозного крестьянства, оказались непонятыми, раскритикованными и отринутыми в последующих аграрных преобразованиях эпохи застоя, делавшими ставку на исключительное превосходство сельских форм советского огосударствленно-бюрократического хозяйства.

1990 год – последняя монография как политическое завещание

Последняя монография Венжера, опубликованная в год его смерти воистину является социально-философским завещанием этого замечательного ученого.²⁷ В этой книге Венжер кратко обозревает путь возникновения, становления, и СССР. Он дает меткие и проницательные характеристики личностным особенностям советских вождей и сущности проводимой ими политики, с другой стороны, как настоящий народник-марксист он много внимания уделяет перспективам реализации так называемого живого творчества народных масс. Венжер весь в своих мыслях и чувствах находится среди социальных и экономических преобразований Перестройки, осмысливая альтернативы их воплощения в жизнь, прогнозируя возможные риски и трудности стоящие на пути обновления советского общества.

²⁶ См. *Swain*. *Collective Farms which Work?* Cambridge University Press, 1985.

²⁷ *Венжер В.Г.* Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990.

В середине этой книги находится совсем небольшая глава, озаглавленная «Коротко о философии исторического процесса развития человеческого общества в современных условиях». Это название, кажется, звучит даже комически: как это возможно кратко, (между прочим, по объему гораздо короче «краткого курса ВКП(б)») рассуждать о столь глобальных вещах – о философии исторического процесса развития человеческого общества... пусть всего лишь и в современных условиях?

И, тем не менее, в этом весь Венжер, вновь он емко и точно, в конечном счете, безошибочно ставит диагноз наступающему времени. Приведем здесь характерную выдержку венжеровского анализа:

«Нынешний уровень развития производительных сил создал угрозу... всему человечеству в целом.

Во-первых, военный конфликт, применение термоядерного оружия знаменовало бы собой гибель не одного капитализма, а и всего человечества, и всей живой природы, и всей жизненной среды, и всех геологических поясов, и сфер, а в какой-то мере и самой Солнечной системы.

Во-вторых, не обязательно только война, пренебрежение жизненной средой может вызвать также мировую катастрофу. Заражение жизненной среды может быть настолько грозным, что химический туман закроет солнце, на Земле установится вечная зима. А это та же гибель и для человека, и для всего живого. Где уж тут до производительных сил и производственных отношений! До смены общественного устройства в результате социального взрыва! Да и вообще, как показывает нынешняя история, война уже не может являться продолжением политики только иными средствами, средствами насилия и навязываемой чужой воли, ибо средства войны переросли цели войны.

В-третьих, ресурсы земли не неисчерпаемы и их тоже можно неэкономно растратить и опять же поставить под угрозу существование человечества — его истощение и вымирание, так что ни о каком

достижении экономической справедливости говорить не придется.

В-четвертых, опасность образования парникового климата Земли таит в себе новые испытания и угрозы.

Наконец, в-пятых, в настоящее время существенные изменения в состоянии обществ не могут происходить изолированно от общего процесса развития, не увязано, а разрозненно в каждой стране, без контактов. Общество может двигаться вперед только в совокупном процессе внутри единого человеческого дома, значит — в определенной увязке с окружающим миром».²⁸

Неправда ли автором воссоздана впечатляющая картина разверзшихся перед всем человечеством опасностей повседневного существования? И при этом здесь фактически признается, что знаменитая картина ортодоксального марксизма, где в центре социально-природного мироздания, по словам поэта Н. Олейникова «жук буржуй и жук рабочий гибнут в классовой борьбе», становится, мягко говоря, неубедительной.

Венжер это именно и подчеркивает: «Раньше все представлялось так: были эксплуататоры и эксплуатируемые. Два класса. У кого была сила, тот и побеждает. Теперь не так! Общественное устройство стало намного сложнее...».²⁹

И далее Венжер мастерски набрасывает многоплановые характеристики сложных и все усложняющихся структур современной социальной жизни:

«Общественное устройство стало намного сложнее... Область производства — своя структура и своя инфраструктура. Область продолжения человеческого рода — своя структура и своя инфраструктура, Область культуры, подразделяющаяся на множество отдельных сторон, занимает по численности немалую толику членов общества: тут

²⁸ Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990. С. 73–74.

²⁹ Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990.

и науки, и искусство, и здравоохранение, и спорт, и туризм, и другие звенья. Наконец, область управления, правопорядка и обороны охватывает значительную часть населения.

В этих условиях политическая активность общества получает весьма разностороннее развитие: и многопартийность, и широкий диапазон интересов, требований и инициатив, и большая численность научных, технических, гуманитарных и общекультурных обществ». ³⁰

Таким гигантским социокультурным конгломератом невозможно управляться по классов-административной старинке. В современном обществе становятся как никогда востребованными демократизация общественной жизни во всем разнообразии проявлений человеческой самоорганизации.

Безусловно соглашаясь со столь модными в СССР и мире конца 1980-х годов рассуждениями о необходимости нового политического мышления, Венжер ставит вопрос не только о недостаточности призывов Октябрьской социалистической революции к свержению мира эксплуатации, но и недостаточности лозунгов Французской буржуазной революции, выдвигая собственные лозунги нового гуманистического мира:

«Когда-то главным лозунгом демократии и цивилизации были требования свободы, равенства и братства. Ныне объективно такими же требованиями становятся: мир, диалог, исключающий применение военной силы, содружество народов на базе их независимого существования и экология (оберегание, оздоровление и сохранение жизненной среды). В осуществлении этих трех дополнительных жизнеутверждающих требований вся философия истории, суть международного и внутреннего правопорядка, обеспеченность

³⁰ Венжер В.Г. Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990. С.75.

человеческого выживания».³¹

При этом политического реалиста Венжера, в годы своей революционной молодости много занимавшегося партийной работой в различных регионах советских социалистических республик, чрезвычайно беспокоило, подмеченное им опасное разрастание регионализации политических конфликтов в конце XX века, разрешаемых путем военного насилия, вызывающих из небытия старинные распри культурно-националистических обид:

«Те регионального характера вооруженные конфликты, что имеют место на Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке и других местах, — все они являются выражением старого образа мышления, нацеливающего по-прежнему на силовое давление вместо политического разумного диалога, не исключая компромиссных решений».³²

Ощущая тревогу за судьбы советской страны и всего мира во всем разнообразии социально-экономических и культурно-этнических конфликтов конца XX века, тем не менее, по характеру присущего ему оптимистического мышления Венжер утверждал:

«Социальная перестройка планеты, вытекающая из новой философии истории, неотвратима. И она вовсе не требует всеобщего насилия».³³

Соглашаясь с этим утверждением В.Г. Венжера, мы вынуждены признать, что во всем мире, включая территорию постсоветских пространств, по сию пору тлеют, а порой и полыхают очаги политического насилия, чему свидетельство последние трагические события на Востоке Украины. Именно здесь на Донбассе – области легендарного советского интернационализма,

³¹ *Венжер В.Г.* Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990. С.76

³² *Венжер В.Г.* Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990. С.77

³³ *Венжер В.Г.* Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990.

спустя почти сто лет после кровопролитной гражданской войны, участником которой, как известно, был В.Г. Венжер, открылся новый тягостный очаг постсоветского регионального военного конфликта.

Не стоит идеализировать социально-политическое мировоззрение Венжера. До конца своей жизни он оставался преданным мировидению и мироощущению революционного поколения «комиссаров в пыльных шлемах», к которому же сам, прежде всего, и принадлежал. Этому поколению было свойственно бескомпромиссное неприятие «эксплуатации», вера в, безусловно, всемирную правоту последних ленинских решений времен НЭПа, наконец, убежденность, в том, что возможно, в конце концов, выработать и предложить ту самую совокупность правильных и верных решений, которые обязательно приведут Россию и мир к светлому гуманистическому будущему. Тем не менее, в наше время унылого постмодернистского релятивизма, нам так часто не хватает, именно этого принципиально оптимистического стремления поиска и построения общества социальной справедливости.

Заключительные строчки последней книги Венжера, опубликованной в год его смерти накануне распада СССР, остаются его впечатляющим политическим завещанием: «Мы против угнетения сильным слабого. Мы против эксплуатации человека человеком. Мы за социально справедливое и равное положение в обществе независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и других особенностей каждого народа. Таково мое заключительное слово».³⁴

³⁴ *Венжер В.Г.* Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. (Вопросы истории нашего строя). М., 1990. С.104.

"Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History" № 2 2022 г

Автор В.Бабашкин

Страниц 21

Фото авт.

Редактор Р.Г.Пихоя

Бюро проверки _____

Отв. Секретарь А.Г.Мац

Зам. главного редактора

В.В.Кондрашин

Член редколлегии С.В.Журавлев

Главный редактор Р.Г.Пихоя

© 2022 г. В.Бабашкин

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

После доработки 15.03.2022 г.

Принята к публикации 15.03.2022 г

Крестьяноведение как «новое направление» в современных исследованиях аграрной истории России

Владимир Бабашкин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (г. Москва)

Аннотация. В статье описаны обстоятельства, при которых в 1992 г. возник постоянно действующий междисциплинарный международный семинар «Современные концепции аграрного развития». Показана роль в сознании этого форума ученых-гуманитариев российского историка В.П. Данилова (ИРИ РАН) и английского историка-социолога Т. Шанина (Манчестерский университет), а также роль дискутируемых на заседаниях семинара проблем и публикации материалов семинара журналом «Отечественная история» в становлении «нового направления» в российских аграрно-исторических исследованиях. Высказаны предположения о том, почему методологические подходы, получившие популярность в 1960-е гг. в западных Peasant Studies, весьма затруднительно было применять русскоязычных исторических публикациях по аграрной проблематике. Дается представление о некоторых работах современных отечественных историков, которые с полным основанием можно отнести к направлению исследований, называемому крестьяноведением.

Ключевые слова. Крестьяноведение, междисциплинарный международный семинар, аграрная история России, Дж. Скотт, В.П. Данилов, Теодор Шанин

В настоящее время как никогда актуальным становится вопрос о развитии международного сотрудничества в области изучения целого ряда важнейших проблем и аспектов истории России. История российского/советского крестьянства и аграрных отношений занимает в этом ряду особое место. Дело в том, что сегодня в отечественной историографии довольно ясно обозначилось такое направление развития исследований, в рамках которого преодолевается недооценка этой проблематики, характерная для прошедших десятилетий. Эта недооценка имела прямое отношение к безраздельному господству так называемой теории прогресса как основы методологии исторического исследования. Причем, что удивительно, таковое господство было свойственно в одинаковой степени обеим сторонам существовавшего до конца 1980-х – начала 1990-х гг. цивилизационного противостояния, когда советская политическая пропаганда действовала под лозунгом: «Два мира – две системы». В этой связи заслуживает внимания позитивный опыт такого международного академического сотрудничества,

имевший место на протяжении 1992-2000 гг., о котором и пойдет речь в настоящей статье.

Более 30 лет назад в России возникла весьма любопытная площадка, на которой развивалось теоретическое и идейное сотрудничество между «двумя мирами», и обозначенные там направления такого сотрудничества до сих пор так или иначе реализуются в российской исторической науке и обществоведении. Речь идет о работе теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», заседания которого регулярно проходили в 1992–2000 гг. под руководством выдающихся историков В.П. Данилова (Институт российской истории РАН) и Т. Шанина (Манчестерский университет, Великобритания). На рубеже 1980–1990-х гг. политические круги Запада обнаруживали большой интерес к СССР и его истории, и в 1991 г. В.П. Данилов был приглашен в США для чтения цикла лекций в американских университетах по проблемам истории крестьянской общины в России. Он был не только весьма квалифицированным и авторитетным специалистом по данной проблематике, но также возглавлял отдел истории советского крестьянства и сельского хозяйства Института истории СССР АН СССР (в дальнейшем ученый стал во главе группы по истории аграрных преобразований Института российской истории РАН). Среди коллег-историков Данилов был известен тем, что открыто высказывал несогласие в отношении некоторых важных аспектов официальной советской доктрины. Например, он был противником сокрытия и замалчивания при подготовке к публикации научных статей и монографий по истории коллективизации той жесткости, граничащей с жестокостью, тех перегибов, которые во множестве творили местные власти во исполнение установок центра по осуществлению этой социально-экономической политики. Он был также категорическим противником недооценки и принижения роли крестьянства в истории Российской революции, будучи глубоко убежден в том, что многие

принципиальные вещи, связанные с деятельностью городских политиков, властно диктовались последним революционной крестьянской общиной¹.

Во время своей лекционной поездки В.П. Данилов обнаружил, что многие из его слушателей знакомы с содержанием монографии американского ученого Дж. Скотта «Моральная экономика крестьянства», и они интересовались, каково отношение российского эксперта по данной проблематике к самой методологии, которую применил их соотечественник в этом исследовании, равно как и к тем выводам, которые он в результате сформулировал. Данилов честно признал, что с этой книгой не знаком, однако пообещал, что ознакомится самым внимательным образом. И он сдержал слово с серьезным перевыполнением данного обещания: организовав работу семинара «Современные концепции аграрного развития». А дискуссии на заседаниях того семинара помогали многим нашим коллегам, обществоведам-аграрникам лучше понять, в чем состоит «морально-экономическая» методология – в отличие, скажем, от ленинизма по аграрно-крестьянскому вопросу². В.П. Данилов привез из своей американской лекционной поездки экземпляр книги «Моральная экономика крестьянства»³ и передал его автору данной статьи с просьбой внимательно прочитать и сделать реферат, который отразил бы саму концепцию: что именно американский ученый предлагает понимать в данном случае под словосочетанием «моральная экономика».

В процессе этой работы, пробираясь сквозь главы «Моральной экономики», трудно было удержаться от острого ощущения, что в данном случае мы имеем дело с особым общим взглядом в области политической экономии, качественно отличным от тех «политэкономий» капитализма и социализма, которым нас обучали на исторических факультетах советских

¹ См.: Данилов В.П. Аграрные и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. А.В. Гордона. М., 1992. С. 310–322; его же. Не смей! Все наше! Крестьянская революция в России. 1902–1922 // Россия. 1997. № 7. С. 15–20.

² См.: Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2 т. М.: Мысль, 1967.

³ Scott J. Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, L., 1976.

вузов. Причем этот взгляд был явно более подходящим для анализа происходящего в так называемом «третьем мире», нежели те формулы «капиталистической и социалистической ориентации», банкротство которых к тому времени стало уже очевидным. И этот взгляд явно содержал возможность понять что-то очень важное и о нашей стране, имея в виду ее демографические и социально-экономические характеристики в 1920-е и даже в 1950-е гг. В.П. Данилов подтвердил это ощущение, сказав, что в советской аграрной историографии есть немало работ, выводы которых сходны с «морально-экономическими» обобщениями, и что не только историки, но представители других областей гуманитарного знания писали в сходной исследовательской логике, приводившей их к сходным выводам. Скажем, Дж. Скотт – социолог и социальный философ, его соотечественник и предшественник Р. Редфилд, автор монографии «Малое сообщество»⁴, который использовал аналогичную методологию исследования и пришел к аналогичным во многом выводам, позиционировал себя в традиции американского обществоведения как антрополог. В СССР, как известно, антропологами называли специалистов несколько иной сферы гуманитарной науки. Однако некоторые советские историки-аграрники, этнологи, социологи, социальные философы к тому времени уже отметились публикацией работ, подходы и выводы которых как-то перекликались с той системой обобщений, что содержала «Моральная экономика» Скотта. А потому Данилов принял решение организовать такой теоретический семинар по обсуждению русскоязычного реферата монографии Дж. Скотта, на который помимо историков были бы приглашены другие специалисты-обществоведы.

По счастливому стечению обстоятельств в это время в Москве находился Теодор Шанин, коллега В.П. Данилова, считавший себя его другом и единомышленником. Он был профессором университета г. Манчестер и обозначал свою научную специализацию как «исторический социолог». В

⁴ *Redfield R. The Little Community, and Peasant Society and Culture. Chicago, L., 1960.*

этом качестве он, помимо прочих вещей, привлекавших его исследовательский интерес, неутомимо занимался анализом аграрных отношений в России на разных исторических этапах развития страны, не забывая при этом формулировать обобщения и выводы. Он был также талантливым организатором общественной науки и в тот период был захвачен идеей основания в Москве Российско-Британского университета, в стенах которого соединялись бы гуманитарное образование и академические исследования в области обществоведения. Одним из результатов этой энергичной деятельности Т. Шанина на тот момент было создание так называемого ИнтерЦентра, как сокращенно назывался Междисциплинарный исследовательский центр экономических и социальных наук. В.П. Данилов был приглашен возглавить один из двух отделов, составивших ИнтерЦентр – Центр крестьяноведения и сельских реформ (второй отдел под руководством академика Т.И. Заславской должен был направить усилия на изучение социальной структуры РФ). И это приглашение и назначение было более чем кстати, поскольку, как выясняется, семинар «Современные концепции аграрного развития» вряд ли мог бы набрать то качество, какое он реально приобрел, без активного и заинтересованного участия Т. Шанина с его ИнтерЦентром.

Профессор Шанин оказал большую помощь в том, чтобы собрать представительную междисциплинарную команду специалистов по той теме, которую предстояло обсуждать на первом заседании, т.е. по «моральной экономике», через ИнтерЦентр было заранее организовано распространение среди участников семинара русскоязычного реферата монографии Дж. Скотта, а также обеспечено ведение стенограммы состоявшейся дискуссии. Последнее оказалось весьма кстати, поскольку руководство ведущего академического журнала страны по истории «Отечественная история» выразило готовность опубликовать обсуждение вместе с рефератом⁵. С тех пор журнал регулярно

⁵ См.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5. С. 3–31.

публиковал материалы последующих заседаний семинара⁶. Автору настоящей статьи не однажды приходилось впоследствии встречать коллег, принадлежащих к профессиональному сообществу историков, которые говорили, насколько важными были для них эти публикации, насколько своевременную помощь оказывали они в том, чтобы лучше определиться с теоретическим и методологическим подходом в их собственных аграрно-исторических исследованиях. Прежде чем перейти к изложению особенностей «морально-экономического» подхода и того общего взгляда, который он дает по некоторым важнейшим событиям современной российской истории, вероятно, было бы уместно коротко прокомментировать то, насколько важно не замыкаться привычно в рамки своих узких специализаций, но налаживать междисциплинарные связи в поисках новых трактовок по проблематике родной истории.

Начало 1990-х гг. было временем, когда многие ученые-гуманитарии, включая, естественно, соотечественников-историков, были морально готовы к тому, чтобы решительно отказаться от многих вещей, составлявших советское теоретико-методологическое наследие, в надежде, что «Запад поможет» заняться «настоящей» – не идеологизированной – наукой об обществе и законах его развития. Это понять было не так уж сложно⁷. Однако существовала в этой связи одна вещь, куда более сложная для понимания.

⁶ Всего с февраля 1992 по февраль 2000 г. (когда состоялось последнее заседание) участники семинара собирались на свои встречи-дискуссии 15 раз. Материалы 13 из них нашли свое место на страницах журнала «Отечественная история», для двух последних отчетов там места не нашлось. О причинах остается только догадываться. Однако в 2015 г. в издательстве «Политическая энциклопедия» при финансовой поддержке РГНФ материалы всех 15 заседаний семинара были опубликованы единым изданием. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015.

⁷ Здесь дуализм как базовый стереотип мышления, когда «добро» все время противопоставляется «злу», сыграл с нашими соотечественниками злую шутку: если советский «единственно научный» подход к осмыслению общества и логики его развития явно завел куда-то не туда – тогда, должно быть, правда на стороне идеологических оппонентов из-за океана, и, следовательно, нам необходимо воспринимать американские (шире – западные) способы экономической и финансовой организации, ориентироваться на их практический опыт в области социальной и культурной организации, в сфере международных отношений.

Дело в том, что либеральная (западная) версия теории прогресса была столь же – если не более – беспомощна при объяснении смысла многих важных событий в истории СССР, сколь очевидно несостоятельной к тому моменту выглядела в этом качестве советская версия той же теории, канонизированная у нас как «марксизм-ленинизм». Это не было секретом для английского ученого Т. Шанина⁸. Об этом как о само собою разумеющемся писал и выдающийся американский историк и социальный философ, крупнейший специалист по российской истории советского периода М.Л. Левин⁹, чья монография «Российские крестьяне и Советская власть»¹⁰ была написана именно с позиций отказа от «прогрессизма» во всех его вариациях и обсуждалась на шестом заседании «Современных концепций аграрного развития» при активном участии самого автора книги¹¹. Использование того методологического подхода к оценке российских исторических событий XX века, который в данном контексте предлагается называть «морально-экономическим», – это отказ от обеих версий высокой теории прогресса, советской и антисоветской, приблизительно в равной мере¹². Вот на этой основе было возможно объединение усилий не только историков, но и

⁸ См.: *Shanin T. The Idea of Progress // The Post-Developments Reader. L., 1997.*

В книге Шанина «Поздний Маркс и русский путь» в подробностях приводится история о том, как знаменитая русская революционерка В.И. Засулич обратилась в 1881 г. к главному по тем временам гуру прогрессизма К. Марксу с письмом, в котором просила рекомендовать практический способ применения теории развития и революционной смены общественно-экономических формаций в российской общественно-политической ситуации. Маркс долго и напряженно размышлял, набрасывая проекты ответа на это письмо, а затем ограничился кратким вердиктом: марксизм – не для России, а революционерам этой страны куда полезнее было бы заняться изучением крестьянской общины для лучшего понимания прошлого, настоящего и будущего их Родины. – См.: *Shanin T. Late Marx and the Russian Road. Marx and the Peripheries of Capitalism. N. Y., 1983. P. 97–133.*

⁹ См.: *Lewin M. Russia/USSR in Historical Motion: an Essay in Interpretation // The Russian Review. Vol. 50. N 1. July, 1991. P. 249–256.*

¹⁰ *Lewin M. Russian Peasants and the Soviet Power. N. Y., L., 1975.*

¹¹ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 266–316.

¹² Т. Шанин писал об этом так: «Не случаен здесь быстрый переход многих русских обществоведов из ярых марксо-прогрессистов в не менее завзятые рыночно-прогрессисты сегодняшнего дня. Это не только оппортунизм, так как стержень мышления схож, как и схожа натуральная близость этой модели с интуитивными предпочтениями сильных мира, того или сего.» – *Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 17.*

социальных философов, культурологов, социологов и других специалистов гуманитарного знания, ощущающим склонность к такому отказу.

Из множества российских примеров на эту тему приведем следующий. К середине – второй половине 1950-х гг. в советской историографии по аграрной проблематике отчетливо складывалось «новое направление» по вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX вв. Как отмечал один из лидеров этого направления К.Н. Тарновский, к середине 1950-х гг. появился целый ряд региональных исследований о последствиях столыпинской аграрной реформы, которые «показали теснейшее переплетение и взаимопроникновение полукрепостнических и капиталистических форм эксплуатации, переплетение, при котором первые подчас модифицируют характер вторых, делая их в какой-то мере собственной разновидностью»¹³. Другому лидеру «нового направления» в советской историографии А.М. Анфимову в 1959 г. удалось опубликовать убедительную критику возведенных в абсолют ранних ленинских выводов о победе аграрного капитализма в России как о свершившемся факте, что впоследствии дорого обошлось историку¹⁴. «Оттепель» закончилась, с идейно-теоретической дисциплиной был наведен

¹³ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. М., 1990. С. 23.

¹⁴ Об этом и о других идейно-политических трудностях, с которыми столкнулись ученые нового направления, он вспоминает в: Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 219–232. Отмечу, кстати, что для советского ортодоксального марксизма требовался как раз возведенный в абсолют ранний Ленин с его «Развитием капитализма в России», т.е. с огромным желанием, чтобы наша страна, несмотря на всю специфику ее аграрно-крестьянского мира, что называется, «не сегодня, так завтра» тоже стала капиталистической, уверенно выбрав путь прогресса. Живой Ленин с его глубоким анализом социально-экономической и политической ситуации, вникающий в тонкости «моральной экономики» огромного большинства населения Империи и сообразующий с этим новым знанием свою политическую деятельность, программу своей политической организации, – такой Ленин был категорически противопоставлен советскому «марксизму-ленинизму». Об этом у Т. Шанина опубликована блестящая работа: Shanin T. Orthodox Marxism and Lenin's Four-and-a-Half Agrarian Programmes: Peasants, Marx's Interpreters, Russian Revolution // Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Basil Blackwell, 1990. P. 280–312. Русский перевод см.: Шанин Т. Четыре с половиной аграрных программы Ленина // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 188–211.

жесткий порядок в смысле решительного возврата к советской версии теории прогресса, и подобные выходы «за флажки» стали исключительно редкими.

Этот пример иллюстрирует как минимум две важные вещи. Во-первых, выход за рамки ортодоксального марксизма (научного коммунизма) как официальной идеологии в СССР состоялся именно там, где ему и положено было: в области аграрно-исторических исследований: отечественная общинно-крестьянская реальность не вписывалась в каноны теории развития и смены общественно-экономических формаций с ее условием обязательного прохождения капиталистической стадии развития на пути становления еще более прогрессивного социально-экономического уклада. А во-вторых, обе известные истории социальной науки версии теории прогресса – советский научный коммунизм и западный рыночно-либеральный антикоммунизм – одинаково удалены от исторической реальности в аграрно-крестьянском вопросе. Ведь обе они обнаруживают единство в трактовке смысла и результатов столыпинской аграрной реформы: человек энергично и довольно жестко продвигал аграрный капитализм, поскольку по тем временам это и был социально-экономический прогресс, и ему многое в этом плане удалось.

Когда на рубеже 1980–1990-х гг. господство «марксизма-ленинизма» как социальной философии и политической идеологии подошло к концу, многие советские историки, а также экономисты, социологи, публицисты как-то очень уж безболезненно перешли в этом вопросе на позиции альтернативной версии прогрессизма: у Столыпина был шанс, которому большевики не дали реализоваться¹⁵. Подобные умонастроения распространялись в литературе и средствах массовой информации с таким размахом, что в кругах специалистов появилось ироническое словцо «столыпиниана»¹⁶ – по аналогии с ленинианой 1970-х гг. Ничего

¹⁵ См.: *Глаголев А.И.* Формирование экономической концепции П.А. Столыпина (1885-1905) // Вопросы экономики. 1990. № 10. С. 56–89; *его же.* Второе раскрепощение русского крестьянства // Вестник АН СССР. 1991. № 9. С. 74–90; *Казарезов В.В.* О Петре Аркадьевиче Столыпине. М., 1991 и др.

¹⁶ См.: *Кондрашин В.В., Слетнёв И.Н.* К 80-летию со дня рождения Андрея Матвеевича Анфимова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 207. Казанский историк Д.И.

удивительного нет в том, что такое ренегатство позднесоветских идеологических работников и их сподвижников из числа обществоведов получило наиболее жесткий отпор от представителей именно аграрной историографии, профессионально знакомых с фактурой российской крестьянской общины начала XX в. Им было видно лучше других, что эта новая идеология не просто мало чем отличается в данном вопросе от прежней – она тащит еще дальше от исторической реальности.

«Замечу, – писал в одной из своих статей той поры В.П. Данилов, – что излишество энтузиазма у сторонников Столыпина особенно возросло в наше время. В современной публицистике распространены утверждения о колоссальном росте сельскохозяйственного производства в ходе реформы, даже об удвоении зерновой продукции... Историки вновь и вновь проверяют и перепроверяют динамику сельскохозяйственного производства за пореформенное время. Факт состоит в том, что среднегодовой прирост продукции в сельском хозяйстве России не возрос, а снизился: с 2,4% в 1901–1905 гг. до 1,4% в 1909–1913 гг.»¹⁷.

Известный советский историк, специалист по изучению многообразных проблем столыпинской аграрной реформы А.Я. Аврех, завершил свою последнюю монографию незадолго до своей смерти в 1988 г., когда «излишний энтузиазм» еще не успел развернуться в полной мере. Однако он, как будто, предвидел этот возможный перекося в историографии, и вывод, к которому он пришел на основе скрупулезного анализа исторического материала по широкому кругу проблем столыпинской политики, как бы заведомо противостоял грядущим панегирикам П.А. Столыпину: «Многие наши историки, зараженные вульгарным экономическим материализмом, который они выдают за марксизм, считали и считают, что в случае успеха столыпинская аграрная политика создала бы в стране чистого фермера, с

Люкшин остроумно зафиксировал эту реальность в области формирования общественного сознания в постсоветской РФ хлестким словом «столыпинофилия». – См.: Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 34.

¹⁷ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России. С. 317.

одной стороны, и чистого пролетария – с другой. На самом деле указ 9 ноября 1906 г. – закон 14 июня 1910 г. не создавали ни того, ни другого. Вместо фермера рождался кулак с рутинным экономическим мышлением, азиатскими приемами эксплуатации своих односельчан, с минимумом предпринимательской инициативы, политическим консерватизмом и т.д., вместо чистого пролетария – батрак с наделом со всеми вытекающими отсюда качествами и последствиями... “Фермер”, создаваемый Столыпиным, был весьма далек не только от американского фермера, но и от французского парцелльного крестьянина. А уж о батраке с наделом как ускорителе прогресса вообще не приходится говорить»¹⁸. В одной из публикаций В.П. Данилова приводятся его воспоминания о том, как готовилась к изданию эта монография А.Я. Авреха, как содержание ее подвергалось глубокому издательскому редактированию и изъятию целых текстов, не отвечавших новым идеологическим установкам. Данилов тогда написал предисловие под названием «Книга А.Я. Авреха и современная столыпиниана», которое, разумеется, также было отклонено издательством¹⁹.

В чем же, собственно, состоит «морально-экономический» подход к оценке исторических событий в нашей стране? Что он предлагает взамен решительного отказа от обеих версий высокой теории прогресса? Дж. Скотт пишет об этом так: «Я стараюсь показать, каким образом страх перед голодом объясняет многие особенности технической, социальной и моральной организации крестьянского общества, которые без этого понять невозможно»²⁰. [Точная цитата из Скотта: “*I try to show how the fear of dearth explains many otherwise anomalous technical, social and moral arrangements in peasant society*”] Он убежден, что попытки рассматривать деятельность крестьянина, ставя во главу угла его предпринимательский интерес или его

¹⁸ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 263–264.

¹⁹ Данилов В.П. Из истории «перестройки». Переживания шестидесятника-крестьяноведа // Новый мир России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию проф. Вада Харуки. М., 2001. С. 424.

²⁰ Scott J. Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. P. VII.

место в политической организации общества, мало что объясняют в этой деятельности. «Если вместо всего этого начать со стремления земледельца обеспечить само существование свое и рассматривать его взаимоотношения с соседями, с земельной аристократией, с государством с той точки зрения, насколько они способствуют или препятствуют реализации этой исконной крестьянской задачи, то многие проблемы предстают в другом свете»²¹. [*“To begin instead with the need for reliable subsistence as the primordial goal of the peasant cultivator and then to examine his relationships to his neighbors? To elites, and the state in terms of whether they aid or hinder him in meeting that need, is to recast many issues”*].

Этика существования и пропитания, этика «выживания слабейшего» (subsistence ethic) – вот тот угол зрения, под которым ученый предлагает взглянуть на основные крестьянские проблемы: технологический и социальный консерватизм, деревенский эгалитаризм и т.п. На обширном фактическом материале, отражающем бытие в крестьянских обществах стран Юго-Восточной Азии, он доказывает высокую объясняющую способность такого взгляда. В частности, фигура помещика предстает перед нашим мысленным взором существенно иначе в сравнении с тем образом, который рисовала теория прогресса в обоих ее вышеозначенных вариантах. Это уже не столько ретроград, эксплуататор и «классовый враг», сколько полноправный участник определенных социально-экономических отношений, несущий свою долю ответственности – и, как правило, немалую – за само существование крестьян как их фундаментальное право. Если внимательно посмотреть по источникам и специальной литературе, что сами крестьяне думают о таких вещах, как справедливость, эквивалентный обмен, моральные обязанности перед ними ситуативно разбогатевших односельчан, крупных земельных собственников и государства, и сравнить это с тем, какие смыслы вкладывают в слово «эксплуатация» поборники классических социальных теорий, разница обнаруживается весьма существенная.

²¹ Ibid. P. 5.

Книга Дж. Скотта, ставшая объектом обсуждения на первом заседании семинара «Современные концепции аграрного развития», была не первой в том потоке научной литературы, что ознаменовал возрождение на Западе с начала 1960-х гг. того направления исследований, которое на какое-то время было прервано там безусловным господством теории прогресса и которое обозначается в англоязычной литературе словосочетанием *Peasant Studies*, что означает исследование крестьян и крестьянских обществ. Об этом говорил на том заседании Т. Шанин, прямо указав на тот факт, что основной причиной и предпосылкой этого возрождения стал глубокий кризис прогрессистского мышления, утрата этой глобальной теорией своей объяснительной силы – в особенности в отношении стран так называемого «третьего мира», которым эта теория все продолжала навязывать какие-то «ориентации», в то время как эти страны, в свою очередь, переживали глубокий кризис, требовавший более адекватных теоретических объяснений²².

Английский ученый подчеркнул, что к тому времени в западной аналитической литературе уже имелся хороший задел для того, чтобы *Peasant Studies* в подобных условиях получили второе дыхание, указав на целый ряд серьезных исследований, некоторым из которых в дальнейшем предстояло стать поводом для последующих заседаний семинара²³. Непременный участник всех заседаний того семинара авторитетный историк-востоковед А.В. Гордон, благодаря которому зарубежный опыт в области *Peasant Studies* стал интегрироваться в русскоязычную исследовательскую литературу под именем: *крестьяноведение*, совершенно резонно указал на то, как много значит для становления нового направления гуманитарных исследований словоупотребление. «Вообще, это сложный вопрос, – говорил он тогда, почему одна теория обретает резонанс, а другая не воспринимается. Мне

²² См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 48–49.

²³ См., напр.: *Redfield R. The Little Community, and Peasant Society and Culture*. Chicago, L., 1960; *Wolf E.R. Peasants*. Englewood Cliffs, N. Y., 1966; *Shanin T. The Awkward Class. Political Sociology of the Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford, 1972, etc.

кажется, дело в какой-то формуле, к которой все сводимо. Я даже думаю, что все теоретические построения К. Маркса не имели бы такого значения и распространения, не дай он в 1848 г. формулу, согласно которой история всех существующих обществ есть история борьбы классов. У Дж. Скотта такая формула тоже есть: “subsistence ethics” (subsistence [англ.] – существование, пропитание). Это та основа, на которой все колесо вертится – и базис, и надстройка, и ценностные установки, и реалии общинной жизни, и собственно экономика.

Еще одна важная черта книги Дж. Скотта – осмысление крестьянских обществ, крестьянских культур изнутри. В сущности, это и есть то, ради чего создавалось крестьяноведение. Если взглянуть на все новое время как на длительное взаимодействие индустриальной цивилизации и, если можно так сказать, крестьянской цивилизации, то я считаю, что победа индустриальной цивилизации не является окончательной и бесповоротной. На каком-то этапе сама потребность выживания должна заставить человечество более пристально взглянуть на те принципы сосуществования человека с природной средой, которые в течение столетий вырабатывало крестьянство. Даже исходя из этого, нам надо бы более внимательно присмотреться к особенностям внутреннего развития крестьянских обществ»²⁴.

Более тридцати лет прошло с тех пор, как были произнесены эти слова, и тогда, в самом начале 1992 г., вчерашней РСФСР лишь предстояло пройти путем «деидеологизации» и лихорадочных попыток нового руководства страны некритично и послушно воспринимать западные («общечеловеческие»?) ценности и шаблоны в области экономической, финансовой, социальной, идейно-политической и нравственной организации. Однако теперь эти слова российского историка, социального философа и (по его собственному определению) крестьяноведа читаешь как пророчество. И не только потому, что за ними прочитывается неизбежность краха однополярного мира. Известное возвращение к особенностям и ценностям

²⁴ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 51.

крестьянской цивилизации (уверен: можно так сказать), похоже, неизбежно. Автор данной статьи в свое время, напитавшись на этих заседаниях семинара идеями «моральной экономики» (думаю, что в русскоязычном академическом пространстве приживется все же это словосочетание, а не “subsistence ethics”), сделал доклад на международной научной конференции, озаглавив его так: «Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества»²⁵ и попытавшись в этом заголовке, как в некоей формуле, выразить свое убеждение в том, что эволюция советского общества на всех ее этапах в значительной мере детерминировалась ментальными особенностями и ценностными ориентирами поколений людей, это общество населяющих. Эта мысль созвучна с цитированным выступлением А.В. Гордона и является одной из центральных для современной крестьяноведческой литературы.

В.П. Данилов, открывая тот первый семинар, в частности, сказал: «Позвольте очень коротко сказать о моем отношении к концепции “моральной экономики” крестьянства. Мне нравится иронический подтекст этого определения. В самом деле, “моральная экономика” обеспечивает всего лишь выживание человека на уровне полуголодного существования, на уровне простого воспроизводства, правда, всех членов общества (и в этом состоит ее моральность). “Аморальная” же экономика современного капитализма обеспечивает весьма высокий уровень материального благосостояния общества, хотя отнюдь не для всех его членов.

...Конечно, “моральная экономика” в наибольшей мере отвечает времени натурально-потребительского хозяйства, т.е. времени докапиталистической организации общества. Это неоднократно отмечает в своей книге и сам автор. Однако описанные им свойства и закономерности

²⁵ См.: *Бабашкин В.В.* Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) Материалы международной конференции. Москва. 14-15 июня 1994 г. М., 1996. С. 276–284, 414–416. От журнала «Общественные науки и современность» поступило предложение опубликовать на его страница развернутую версию этого текста, и автор, разумеется, согласился. К сожалению, при подготовке этой статьи в редакции подкорректировали название. – См.: *Бабашкин В.В.* Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // *Общественные науки и современность.* 1995. № 3. С. 99–110.

функционирования экономики сохраняются на протяжении длительного времени и в ходе товарно-капиталистической трансформации крестьянского хозяйства – до тех пор, пока оно сохраняет в себе натуральные черты и свойства. У нас крестьянское хозяйство таким оставалось до коллективизации. Поэтому концепция “моральной экономики” может многое прояснить в поведении крестьян, например, в период столыпинской реформы, в ходе революции и гражданской войны, в условиях нэпа и коллективизации. Но даже и после коллективизации крестьянское сопротивление государственному насилию, в общем и целом, соответствует тому, что Дж. Скотт описал и представил, как естественные свойства “моральной экономики”. Смею думать, что в этом смысле вполне моральной была крестьянская революция в России (1902–1922 гг.), явившаяся основой всех других социальных и политических революций того времени»²⁶.

По нашему мнению, здесь мы подошли к одному из множества принципиальных моментов, связанных с теми возможностями, которые предполагает применение «морально-экономических», крестьяноведческих подходов к анализу сути и смысла важнейших страниц российской истории. Вопрос, по-прежнему, центральный, наиболее острый и актуальный: так сколькими же революциями отметились первые два десятилетия XX века в истории России и что в этих революциях было главным? Не в связи ли с особой актуальностью данного вопроса журнал «Отечественная история» отказал в публикации материалов четырнадцатого заседания семинара «Современные концепции аграрного развития»? Ведь там собравшиеся обсуждали статью Т. Шанина «Четыре с половиной аграрных программы Ленина»²⁷, в которой показано, как ленинские убеждения по крестьянскому вопросу эволюционировали от «Развития капитализма в России» (1899 г.) к Декрету о земле (1917 г.) и Земельному кодексу РСФСР (1922 г.). А это уже шло вразрез

²⁶ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 28-29.

²⁷ См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 659–693.

с новой аксиоматикой «Великой российской революции 1917 г.», в которой Ленин и его товарищи по партии предстают вполне аморальными типами, силой недоброй воли жестко перекрывшими стране и ее народу путь эволюции к свободному предпринимательству и политической демократии, пролежавший через столыпинскую реформу и Учредительное Собрание²⁸. Наверное, нечто подобное и должно было на первых порах подменить советский канон, в котором большевики, возглавляемые Лениным с его «Развитием капитализма в России», потому и сумели возглавить «пролетарскую революцию» как объективную неизбежность, что располагали «настоящей» наукой об этой революции. Вышеизложенное дает некоторое основание утверждать, что столь прямолинейные постановки вопроса о революционном прошлом нашей страны были достаточно хороши для определенных этапов последующего идейно-политического развития этой страны; однако сегодня в этом плане уже пора начинать делать поправки на то, что написано в исторической литературе о логике событий крестьянской революции 1902–1922 гг. в России²⁹.

Теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития» прекратил свою деятельность, проведя в начале 2000 г. свое последнее заседание³⁰. Но дело его продолжает жить активной и насыщенной жизнью. В отечественной аграрной историографии растет интерес к проблематике крестьянской общины, которая в парадигмах обеих версий теории прогресса считалась явлением хоть и глобальным, но отжившим и принадлежащим

²⁸ Этот угол зрения оказался довольно живучим в нашей научной и популярной литературе, и, кажется, он в какой-то смягченной форме даже присутствует на страницах одного из самых популярных школьных учебников. – См.: История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. 2-е изд., дораб. М., 2017. С. 27–58.

²⁹ См. об этом: *Бабашкин В.В.* Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 84–94; *его же.* Русская революция в контексте крестьяноведения // *Общественные науки и современность.* 2014. № 4. С. 97–107.

³⁰ См.: *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке.* С. 694–733.

достаточно давней истории³¹. В крестьяноведении вопрос ставится совершенно иначе, и исследования современных экспертов по истории и теории общины подтверждают глубокую укорененность этого института в нашем обществе и его воздействие на современность через менталитет и культуру³². Историки П.П. Марченя и С.Ю. Разин, вдохновленные опытом и результатами работы того семинара 1990-х гг., организовали периодические заседания теоретического семинара «Народ и власть», стремясь придать этим «мозговым штурмам» междисциплинарный характер. Одним из трех направлений этого семинара стала тема: «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»³³. А под эгидой ИнтерЦентра параллельно

³¹ Встречается и более радикальный прогрессизм: не было, мол, в истории человечества крестьянской общины как таковой, все это – беллетристика, выдумки писателей славянофильского толка и их романтических читателей-народников. – См.: Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016. Рецензию см.: *Бабашкин В.В.* «...Жить единым человечьем общежитьем», или Теория общины // *Крестьяноведение*. 2018. Т. 3. № 2. С. 179–187.

³² См.: *Зырянов П.Н.* Крестьянская общины Европейской России 1907-1914 гг. М., 1992; *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010; *Гончарова И.В.* Деревня Центрального Черноземья накануне «Великого перелома». Орёл, 2013; *Безгин В.Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017; *Рышков В.М.* Примат общественного над личным, или Российская деревня через юридическо-антропологическую оптику Владимира Безгина // *Крестьяноведение*. 2019. Т. 4. № 1. С. 145–158; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005; *Усольцева О.В.* Управление сельским расселением в СССР в 1950 – 1980-е годы сквозь призму методологических подходов Дж. Скотта (на материалах Томской области) // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки*. Выпуск 8. М., 2013. С. 233–242 и др.

³³ См. об этом: *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки*. Выпуск 7. М., 2012. С. 375–416; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Судьбы крестьянства в XX веке. По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки*. Выпуск 8. М., 2013. С. 354–391; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола – третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Там же. С. 392–446; *Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина.*

с аграрным семинаром с 1993 г. стал работать ежегодный международный междисциплинарный симпозиум «Куда идет Россия?». С 2004 г. этот форум стал называться «Пути России», он организуется Московской высшей школой социальных и экономических наук (МВШСЭН), которую удалось основать недавно ушедшему из жизни Т. Шанину, и которая в настоящее время заслуженно носит название: Шанинка.

В начале своего доклада на «Путь России» в марте 2013 г. замечательный историк-аграрник из Новосибирска В.А. Ильиных использовал примечательное образное сравнение: «Начало 1990-х гг. было благословенным временем для историков-аграрников России. Мы получили свою “религию” – крестьяноведение, свой “Ветхий завет” – труды теоретиков организационно-производственной школы российской аграрной науки (А.В. Чаянова, А.Н. Челинцева и др.); свои “евангелия Нового завета” – работы Теодора Шанина “Определяя крестьянство” и Джеймса Скотта “Обыденные формы сопротивления крестьянства”, свои “священные соборы” в форме теоретического семинара “Современные концепции аграрного развития”, свой цитатник – хрестоматию “Великий незнакомец” и патриарха в лице Виктора Петровича Данилова.

“Символом веры” крестьяноведов 1990-х гг. стало убеждение в “богоизбранности” основного объекта наших исследований – крестьянства как носителя абсолютного добра. Однако этому абсолютному добру, как во всякой религии, противостояло абсолютное зло в лице государства-левиафана, стремящегося закабалить или уничтожить крестьянство, и политических и научных сил, дающих государству теоретическую базу для осуществления его антикрестьянского курса. И это абсолютное зло тоже имеет свою “религию” – теорию прогресса»³⁴.

М., 2014; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Российская власть как фактор исторического процесса. Власть. 2020. № 4. С. 259–262.

³⁴ *Ильиных В.А.* Коллективизация деревни: проекты и реальность // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Выпуск 8. М., 2013. С. 225.

Трудно не увидеть здесь ироничное приглашение к острой полемике о том, что есть крестьяноведение для специалистов по аграрно-крестьянской проблематике и что таковым не является. По нашему убеждению, научно-творческая деятельность самого В.А. Ильиных, в том числе и данное выступление по центральной из аграрно-исторических тем XX века, коллективизации³⁵, дает хорошее представление о возможном ответе на этот вопрос: крестьяноведение как «новое направление» аграрной историографии – это бегство от политизации и идеологизации истории аграрных отношений в России³⁶ по пути более внимательного анализа исторических событий, исследования с особым пристрастием культурных, повседневно-бытовых, ментально-психологических аспектов данной проблематики.

³⁵ См.: *Ильиных В.А.* Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 27–33.

³⁶ Обратимся за подтверждением к японскому историку Юзуру Танючи, специально занимавшемуся изучением коллективизации в СССР: «Надо признать, что история коллективизации всегда принадлежала не столько исторической науке, сколько политике. Так было во времена СССР, такое положение остается и после его распада и в России, и на Западе. Добываемые историками архивные материалы часто оказываются на обслуживании политических нужд. Основной критерий политизированной истории – “превозносим или клеймим”. Представление о многопричинности событий и установление иерархии причин несовместимо с такой историей, потому что при этом тот, кого следует заклеить, уходит от ответственности, а тот, кого требуется превозносить, оказывается не так уж и велик.» – Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 643.